

Сергей Николаевич Южаков

**Органический прогресс в
его отношениях к
историческому прогрессу**

Сергей Николаевич Южаков

Органический прогресс

в его отношениях к

историческому прогрессу

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22126822

Аннотация

«...Первый вопрос, который необходимо представляется социологу, есть вопрос определения предмета науки. Что такое общество? Каковы его строение и отправления? Что имеют это строение и эти отправления общего со строениями и процессами, проявляемыми другими формами создаваемого нами мира, или, говоря общепринятым языком, другими предметами, существующими в природе? Наконец, в чем заключается его специфическое отличие, характеризующее его как особый род явлений и заставляющее нас делать его предметом особой науки? Точные, положительные ответы возможны только в конце исследования как результат согласования общих принципов с многообразными наблюдениями и эмпирическими обобщениями...»

Содержание

Предисловие	4
Глава I	6
Глава II	14
Глава III	30
Глава IV	50
Глава V	56
Глава VI	69
Глава VII	93
Глава VIII	117
Глава IX	137
Глава X	156
Глава XI	195
Глава XII	216
1. Прогрессия снабжения	216
Глава XIII	251
2. Прогрессия потребностей	251
Общий обзор и заключение	280
Глава XIV[93]	285
Глава XV[94]	305
Приложение	328
Глава I	328
Глава II	351

С. Н. Южаков
Социологические
этюды. Том 1
Органический прогресс
в его отношениях к
историческому прогрессу

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга эта составляет исправленное и дополненное издание "Социологических этюдов", появившихся в журнале "Знание" в 1872 – 73 гг. Тогда они составляли четыре отдельных essays, из которых один и ныне мною выделен и отнесен в *Приложение* (как менее связанный с другими по содержанию), а остальные три (Знание. 1872. № 12; 1873 г. №№ 1, 3 и 5) объединены в одно цельное сочинение (сообразно первоначальному плану работы) и дополнены двумя новыми главами с целью многостороннее обозреть предмет книги. Говорить о содержании своей книги, о цели и задачах работы я не стану. Она ле-

жит перед читателем и пусть сама за себя говорит. С целью облегчить читателя, приложен алфавитный указатель (index содержания и собственных имен). В конце книги указаны важнейшие замеченные опечатки, которые полезно предварительно исправить (особенно на стр. 173).

С.Ю.

С.-Петербург, 29 ноября 1890 г.

Глава I

Задачи социологии

Si d'une cote, toute theorie positive doit necessairement etre fondee sur des observations, il est egalement sensible, d'un autre cote, que pour se livrer a l'observation, notre esprit a besoin d'une theorie quelconque. Si'en contemplant les phenomenes, nous ne les rattachions point immediatement a quelques principes, non-seulement il nous serait impossible de combiner ces observations isolees, et par consequant d'en tirer aucun fruit, mais nous serions meme entierement incapables de les retenir; et le plus souvent les faits resteraient inaperçus sous nos yeux.

Auguste Comte (C. de Phil. Positive).

Первый вопрос, который необходимо представляется социологу, есть вопрос определения предмета науки. Что такое общество? Каковы его строение и отправления? Что имеют это строение и эти отправления общего со строениями и процессами, проявляемыми другими формами сознаваемого нами мира, или, говоря общепринятым языком, другими предметами, существующими в природе? Наконец, в чем заключается его специфическое отличие, характеризующее его как особый род явлений и заставляющее нас делать его предметом особой науки? Точные, положительные ответы возможны только в конце исследования как результат со-

гласования общих принципов с многоразличными наблюдениями и эмпирическими обобщениями; но для возможности наблюдений и обобщений, для самой элементарной группировки фактов необходимы общие принципы, необходима теория, которая вначале неизбежно должна явиться в виде предварительной гипотезы. Дело дальнейшего исследования подтвердить и доказать гипотезу, возвести ее на степень научной теории или отвергнуть, усмотрев противоречие с фактами, и предложить новую. Задача предварительной гипотезы вовсе не в том, чтобы дать объяснение всему разнообразию явлений, к которым она относится, а лишь в том, чтобы, связав наивозможно большее число явлений, служить руководителем при дальнейшей их группировке; отрицательное условие гипотезы – не находиться в явном противоречии ни с одним научно достоверным фактом или частным обобщением.

Только с весьма недавнего времени общественная философия стала задавать себе ряд вышеформулированных вопросов о месте общества в ряду других явлений мира, об определении его сходства и отличия относительно других изучаемых нами форм. Прежде обыкновенно составлялось определение общества, будто ничего, кроме него, не существует в мире и оно витает в какой-то абстрактной пустоте или, по крайней мере, будто общество в своем генезисе, в последующем развитии и самом существовании вполне независимо, ни с чем не связано. Конечно, это не утверждалось

прямо мыслителями, трудившимися над обработкою социальных наук, часто даже наоборот, *a priori*, зависимость и соподчиненность признавались, но при изложении предмета вовсе не брались в расчет, совершенно игнорировались. Иногда в том или другом частном случае грозное и фатальное проявление этой соподчиненности заставляло обращаться к ней социологов, но изыскания ограничивались этими частными случаями. Так было обращено внимание на значение размножения, деятеля биологического, и ограниченность средств жизни, условия физического; так было указано значение ограниченности некоторых полезных сил природы для возникновения и развития собственности. Было исследовано влияние климата, почвы; было даже обращено внимание на некоторые менее могучие и неотвратимые проявления подчиненности явлений общественных законам других порядков, напр., на последствия кровосмешения и мн. др. Вообще можно сказать, что настоятельность объяснения тех или других общественных явлений часто заставляла социологов обращаться к исследованию тех или других зависимостей явлений общественных от явлений других порядков, но при этом странным образом игнорировался вопрос о зависимости всей совокупности общественных явлений от законов, управляющих явлениями несоциальными, об отношении общества к другим формам бытия. *В частности*, многие наиболее важные соотношения были прослежены, но *общее их истолкование* не занимало социологов; *в частности*, влия-

ние того или другого условия, физического или органического деятеля на общественное развитие было указано и определено, но *общая связь* мира явлений социальных с миром явлений органических и физических оставалась почти даже не затронутою, по крайней мере, общепризнанною наукою. Появлялись иногда теории, стремившиеся восполнить этот недостаток, но они оставались без влияния на общий ход науки и совершенно пренебрегались учеными. Таковы отчасти были обобщения Сен-Симона; важны они для истории науки особенно потому, что были непосредственными предшественниками Конта, но безотносительно гораздо более замечательны были попытки Фурье. К сожалению, до сих пор слишком много обращали внимания на его выводы из своей теории, игнорируя самую теорию, и все по причине его предсказаний на ее основании лимонадных морей, *couronne boreale* и пр.; не хотели заметить, что предположение новых специальных творений в будущем было ничем не ниже по своей научности и даже последовательнее, чем предположение их лишь в прошедшем, как у Кювье, что мечты о *couronne boreale* были логическим выводом из господствовавшей тогда теории целесообразности явлений природы; и, читая Фурье, вы не можете не признать, что раз эта теория признана, появление *couronne boreale* вне сомнений. Все странности и нелепости философского мирозерцания Фурье были странностями и нелепостями естественных наук его времени, но за этим не хотели заметить неоспоримых за-

слуг Фурье. Он, между прочим, первый сделал попытку подвести все явления мира под одну точку зрения формулированием закона, общего всем явлениям и раскрытием специального развития этого закона в различного рода явлениях. Некоторая неудача объясняется печальным состоянием физических и особенно биологических наук, но затем все же для социолога остается много поучительного в трудах Фурье. Кроме него, были и другие, не столь грандиозные попытки, но все они игнорировались наукою и на развитие знания имели мало влияния. Поэтому-то все же с Конта должны мы начинать новое направление обществознания.

Включив социологию в свою схему позитивных наук, поместив ее в отделе органической жизни и признав, что явления каждого более частного отдела подчиняются законам более общих отделов, Ог. Конт показал, *во-первых*, что все истинное относительно явлений, как неорганических, так и органических, истинно и относительно явлений социальных; *во-вторых*, что общие законы жизни, сопровождающие жизнь повсюду, где она проявляется, верны и в приложении к жизни общественной и, *в-третьих*, что законы физические и органические подвергаются при своем проявлении в обществе влиянию нового ряда условий и деятелей и потому эффекты их имеют особый специфический характер. За провозглашение и установление этих истин социология всегда останется благодарна своему великому основателю и, как бы ни изменились потом воззрения на другие социологические

выводы Конта, это научное включение общества в великий мир природы, из которого до Конта оно было изъято, это установление общих принципов, по которым должны быть определяемы сходства и различия общественного процесса с другими процессами природы, навсегда останется славою Конта, заслугою, дающею ему право на имя творца научной социологии. Степень развития, на которой стояла биология во времена Конта, не позволила ему самому сделать достаточно широких приложений своих принципов; иначе, вероятно, мы не были бы свидетелями многих печальных для науки заблуждений, которые нередко встречаем у мыслителей, продолжавших его дело.

Полное игнорирование наукою до Конта соотношения между обществом и другими явлениями, полное изолирование общества как предмета изучения вызвало, натурально, реакцию увлечение в противоположную сторону, началось отождествление общественного процесса с другими процессами природы, именно с процессами жизни. Иногда отождествляют его с той формой жизненного процесса, в которой он проявляется в индивидуальном развитии, иногда же с формой развития коллективного. В первом случае является уподобление общества организму и объяснение законами физиологии общественных явлений; во втором случае не различается исторический прогресс от органического, и условия, эффекты, процессы последнего признаются без всякой критики верными и необходимыми и относитель-

но первого. Оба рода заблуждений имеют общий источник ошибки в забвении истины, указанной Контом, что законы более общих отделов в своем проявлении обусловлены в обществе новым рядом влияний, а потому, натурально, процесс должен претерпевать преобразование и отличаться от жизненного процесса как по характеру, так и по эффектам. Кажется, ничто не указывает с такою очевидностью громадной логической силы гения Конта, как установление этой истины, ограничивающей им же провозглашенную более общую истину; такое сведение к сравнительно небольшим пределам компетентности закона, впервые открытого самим мыслителем и притом в то время, как все предыдущее развитие науки фактически отрицало этот закон, такое ограничение значения плода собственного творческого гения является самым могучим свидетельством необыкновенной логической последовательности и редкой ясности мышления. Если после Конта такие умы, как Дарвин, Спенсер, были увлечены общею реакциею против прежнего изолирования общественного процесса и более или менее впали в противоположную ошибку, то как высоко должны мы ценить мыслителя, который положил начало устранению изолирования, но вместе с тем отдал ясный отчет в причинах этого явления и указал значение обоих противоположных, по-видимому, но в сущности лишь взаимно дополняющих принципов, – принципа компетентности биологических законов в пределах общественной жизни и принципа своеобразности

общественного процесса. Будем же помнить оба эти принципа, решая вопрос: каковы общие и отличительные признаки строения и отправления общественного целого? Каков специфический характер общественного процесса?

Глава II

Строение общества и его отправления

Основной, общий всему сущему признак – агрегатное строение. Каждое тело есть агрегат молекул; органические тела представляют агрегации клеточек, а клеточки суть агрегаты еще более мелких единиц (физиологических единиц, по Спенсеру, зачатков, по Дарвину, сложных молекул у других биологов), так что организмы являются агрегатами агрегатов; сами они служат единицами для новых агрегаций или в виде сложных организмов, или в виде колоний и обществ, или в виде племени, расы. Принцип агрегатного строения проходит через все формы, нами признаваемые, и общество является только одним из звеньев в длинной цепи агрегаций, где все агрегации служат единицами для более и более сложных агрегаций. Простых, гипотетически неделимых атомов мы не можем познать; мы только предполагаем их существование для объяснения некоторых особенностей молекулярного развития, но уже молекулы мы представляем как агрегаты.

Таким образом, эти единицы столь дробные, что мы и познать их не в состоянии, мы принуждены представлять себе не иначе, как агрегатами; различные комбинации атомов в

этих агрегатах определяют химические отличия тел, а сила взаимной связи молекул – физическое состояние. Молекулы, агрегируясь, или, употребляя выражение, принятое для этого процесса Спенсером, – интегрируясь, образуют тела, нами познаваемые, но это интегрирование бывает двоякое. Иногда оно непосредственно, тогда различия тел обуславливаются только различиями по силе и способу интеграции атомов – в молекулы и молекул – в тела; иногда же интегрирование происходит, так сказать, в два приема, чрез посредство особых молекулярных агрегаций (физиологических единиц, зачатков и т. д., смотря по теории), и тогда отличия обуславливаются еще особыми свойствами этих посредствующих агрегаций. Второго рода тела, агрегированные не прямо из молекул, суть тела органические; но появлением этих простых организмов не останавливается процесс агрегирования. Простейшие одноклеточные организмы агрегируются в более сложные, эти в свою очередь, и так далее; при невозможности полной интеграции в более сложный организм происходит интеграция неполная – в общество; при невозможности и этой сравнительно слабой интеграции отдельные организмы все же представляют единицы неопределенного агрегата – вида, племени, расы. Продолжая далее, мы видим, что органические и неорганические тела агрегированы в небесные тела, эти последние – в системы; далее наше исследование не идет, но логика заставляет нас представлять вселенную как стройную агрегацию систем. Таким

образом, оба конца цепи агрегаций вне нашего сознания, но все, что заключается в его пределах и даже все, что им необходимо предполагается – молекулы и вселенная, все представляется нам агрегациями. В этом отношении *общество* вполне удовлетворяет требованиям теории: *оно есть тоже агрегат*.

Из признания этой общей истины следует, что, будучи, подобно всем другим формам, находимым нами в природе, агрегатом, общество должно обладать всеми теми признаками и свойствами, которые неразрывно связаны с агрегатностью строения; существование силы, связывающей отдельные единицы агрегации в одно целое, является необходимым условием всякого агрегатного строения. В природе эта сила осуществляется в форме той или другой комбинации элементарных сил природы, обобщенных в последнее время законом преобразования сил. Если, таким образом, та или другая комбинация элементарных сил обуславливает ту или другую форму, способ и степень агрегации, обуславливает чрез это все различия, изменения и преобразования, замечаемые нами в природе, то для определения общества должно было бы свести все деятели, создающие общественный процесс, к элементарным силам природы (т. е. различным проявлениям физической энергии) и указать, в чем заключается особенность той комбинации этих сил, которую мы называем обществом. Но такое определение почти невозможно в настоящее время уже потому, что простые явления жиз-

ни органической наука не успела еще окончательно свести к элементарным силам, не говоря уже о процессах психических. Социология поневоле должна ограничиться сведением социального процесса к деятелям настолько простым, что проще их общественная жизнь не представляет, но и в этих пределах она не вправе игнорировать общие законы, определяющие силу взаимной связи единиц всякого агрегата. Общие законы интегрирования или дисинтегрирования, проявляющиеся во всех агрегатах, должны быть истинны и относительно общественного агрегата, потому что они, как показал Спенсер, зависят просто от расходования или накопления энергии, а не от или иной ее комбинации. Поэтому, хотя мы и не знаем той особой формы комбинации, в которую слагаются элементарные силы, образуя общество, но мы все же знаем, что именно они его образуют, что сложные деятели, которые мы знаем и которые должны быть их сочетанием, расходуют и накапливают свою силу, сообразно чему должны расходоваться и накапливаться и элементарные силы, и что, следовательно, эти процессы должны иметь те же последствия, т. е. интеграцию, либо дисинтеграцию. Задача социологии определить, в чем выражается эта интеграция или дисинтеграция общества?¹ Итак, общество есть агрегат, оно приводится и сохраняется в состоянии агрегатности особой

¹ В позднейших работах своих я попытался дать это истолкование. См. мой этюд "Нравственное начало в общественной борьбе" (Сев. вест. 1888 г. №№ 9 и 11). (Прим. 2-го изд.)

комбинацией элементарных сил природы; оно накапливает и тратит энергию и сообразно этому дисинтегрируется или интегрируется – вот те общие законы, которых компетентность мы должны распространить и на общество, потому что эти законы суть законы общемировые, космические. Это – черты сходства со всеми другими предметами, нами сознаваемыми; черты отличия начинаются уже признанием общественных явлений явлениями жизни.

Эти первые черты отличия являются вместе с тем чертами сходства общества со всеми агрегатами живыми, органическими. Тот особый вид агрегации, который мы отличаем под именем органических тел, как мы видели, ведет счет своим особенностям уже с молекулярного строения. Прежде чем интегрироваться в тело молекулы вступают в посредствующие агрегации – физиологические единицы, по Спенсеру, зачатки, по Дарвину; эти частицы заключают в себе такую комбинацию сил, что, вступая в соприкосновение с известным неорганическим материалом, формуют его в агрегации по собственному типу. Эту особую комбинацию сил, производящую такие свойства в частицах, Спенсер называет органической полярностью, потому что предполагает, кроме того, за своими физиологическими единицами, смотря по строению их, стремление располагаться относительно друг друга в известной форме и порядке, сближая, таким образом, органическую полярность с полярностью кристаллов. Дарвин не идет так далеко в своей гипотезе пангенезиса, но

ему, задавшемуся объяснить только одну сторону жизненных явлений, и не было надобности вводить в свою теорию предположения, необходимые для объяснения жизни в ее целом. Как бы то ни было, впрочем, несомненно, что, благодаря особой, еще наукою не разложенной комбинации элементарных сил, живое тело обладает способностью перерабатывать посторонний материал в живую материю, то производя новые живые агрегаты, то увеличивая рост уже существующих, то замещая им трату частей. Эта постоянная трата частей составляет вторую отличительную черту живого агрегата; пока агрегат жив, он постоянно тратит материю, возвращая ее неорганической природе, и постоянно восстанавливает потерю, перерабатывая неорганическую материю по своему образу и типу. Это постоянное возобновление состава живого тела является причиной другого, не менее общего свойства, изменяемости, способности приспособления. Тратя постоянно интегрированное вещество и скомбинированную в теле энергию (в виде теплоты, движения и т. д.) и заменяя их веществом и энергией, поглощаемыми извне, живое тело находится в полной зависимости от существования вокруг него, в его среде, потребного вещества и силы и, естественно, изменяется сообразно изменениям среды. Это свойство послужило Спенсеру для определения жизни как постоянного приспособления внутренних отношений к отношениям внешним; если помнить, что это свойство тесно связано с процессом непрерывного обмена вещества и силы,

то, по-видимому, определение Спенсера будет самым удовлетворительным из до сих пор предложенных².

Основной процесс жизни – постоянное уподобление, ассимиляция вещества и силы, постоянное их преобразова-

² Касательно специфических отличий жизненного процесса, см. особенно у Спенсера "Основ. биологии", т. I, часть I: "Данные биологии". Спенсер приводит там много других различий по строению, но я пишу не биологическое исследование и потому опускаю их. Строением живых тел Спенсер весьма удовлетворительно объясняет все особенности жизненного процесса, но так как он сам признает отправление первичным, а строение производным, то остается вопрос, чем обусловлено то основное отправление, которое, создав строение, вызвало все остальные процессы? Тут-то является на помощь Спенсеру гипотеза физиологических единиц и их полярность. Но что такое полярность? Ведь это не новая же элементарная сила? На это теория Спенсера ответа не дает; ясно, что жизненный процесс не может считаться объясненным, пока эта полярность не разложена на элементарные силы и не указана причина такой их комбинации. Вот почему выше я сказал, что жизнь еще не сведена к простым силам. Другие теории еще менее объясняют причину жизни; ни Дарвин в своем пангенезисе, ни Геккель не дают требуемого объяснения. Гипотеза пангенезиса Дарвина ("Прирученные животные и возделанные растения" т. II, гл. XXVII) лучше Спенсеровой объясняет многие частности процесса, но основного вопроса вовсе не касается. Зачатки для Дарвина суть даже просто мелкие организмы. "Каждое живое существо, – говорит он, – следует рассматривать как микрокосм, маленький мир, образованный легионами саморазмножающихся организмов, бесконечно малых и бесчисленных, как звезды небесные" (см.: *Ibidem.*, II, 435). Геккель прекрасно развивает идею постепенности перехода неорганического мира в органический и удачно группирует основные отличия обоих миров, но истолкования этих отличий не дает, так что гипотеза Спенсера является самую глубокую, но что и она не дает окончательного сведения явлений жизни к данной комбинации элементарных сил – это мы только что видели. (*Прим. 1-го изд.*) В упомянутой уже статье моей "Нравст. начало..." я подробнее останавливаюсь на этом вопросе о сведении жизненной энергии к законам мировой энергии, куда и отсылаю интересующихся вопросом. (*Прим. 2-го изд.*)

ние по образу и типу ассимилирующей формы. Этот процесс выражается в росте, питании и размножении организмов, в приспособлении их к условиям внешним, в постоянном возобновлении состава тела; в этом же должны заключаться и отличительные признаки общества как живого тела. Общества постоянно поглощают, ассимилируют особей и меньшие общества, которые встречают; чрез посредство размножения они ассимилируют неорганическое вещество и элементарные силы природы; они этого достигают непосредственно, прямо ассимилируя неорганическое вещество и силы в виде средств и орудий; они, таким образом, *возобновляются, растут, приспособляются*. Общественный процесс, следовательно, является не только процессом интеграции или дисинтеграции, подобно всем процессам природы, но также процессом постоянного обмена вещества и силы и постоянного приспособления внутренних и внешних отношений, подобно всем жизненным процессам. Относительно строения, должно сказать, что общество есть не только агрегат, подобно всем формам бытия, но и притом агрегат сложный, подобно всем живым агрегатам, подразумевая под большою сложностью не прямое сложение из молекул. Относительно общества это положение еще бесспорнее, чем относительно индивидуальных организмов, по крайней мере, простейших одноклеточных, вроде некоторых *Protozoa* и *Protophyta*.

Таких простых организмов, слагающихся непосредственно из физиологических единиц (или зачатков, по Дарвину)

немного. Большинство организмов сложно и есть результат интеграции более простых организмов. Процесс этой интеграции в общих чертах следующий: вследствие размножения организмов появляется группа их, имеющая некоторую постоянную связь, сначала большею частью только механическую по причине общего тесного местопребывания; затем, вследствие различия во влиянии внешних сил на различные части этого общества организмов, одни из них развивают преимущественно одни отправления, другие – иные. Рядом с этим процессом дифференцирования подвигается процесс интегрирования, начинается срастание гомологичных частей, получается физическая связь; это облегчает дальнейшее дифференцирование, различные члены группы специализируют различные отправления, пока двойной процесс интеграции и дифференцирования не превратит организмы в органы, а общество – в особь. Этим путем интегрирования низших организмов при дифференцировании их отправлений и произошли все высшие организмы. Общественность как неполная интеграция есть повсюду начало процесса, индивидуальность – его результат. Покамест агрегат представляет только общественную интеграцию, все главные физиологические функции отправляются всеми его составными единицами, они непосредственно питаются, возобновляются, растут, размножаются, приспособляются и т. д.; специализация деятельности не распространяется на эти основные жизненные процессы. Переход от общественной формы агрегации к

индивидуальной происходит постепенно; его можно проследить даже на существующих органических формах; завершается же он окончательной потерей отдельными частями общих органических отправления и специализацией каждой частью особой функции. Но если переход от общественной агрегации к индивидуальной и весьма мало заметен, то на своих крайних концах отличия обеих форм весьма резки. В организме его составные части, его органы, единицы агрегата лишены всей совокупности жизненных отправлений, дифференцированы физиологически и интегрированы в одно механически неразрывное целое; разрушение этой связи прекращает жизненный процесс. В обществе его слагаемые, единицы агрегата обладают всею полнотою жизненных отправлений, физиологически однородны и не связаны механически, распадение агрегата не влечет прекращения жизненного процесса в его единицах. Дифференцированию в обществе могут подвергнуться только процессы служебные, отправления, служащие для жизни, но не сами жизненные процессы. В этом заключается разница между обществом и организмом: оба принадлежат к категории живых агрегатов и как таковые имеют много общего, отличающего их от агрегатов неорганических, но в пределах явлений жизни они представляют скорее две противоположности: в одном – отправления строго дифференцированных частей служат развитию целого, от такого соподчинения зависит возрастание и умножение жизни; в другом, напротив, отправления целого, распре-

деленные между его единицами, служат для развития этих единиц, составляют подготовительную ступень к отправлениям, общим всем единицам, и, чем всестороннее развивается общее всем частям, тем благоприятнее это для умножения жизни. Общество и организм – это два полюса в цепи живых форм. Переход от одной формы к другой происходит незаметно там, где оба типа не получили резкой определенности и достаточной сложности строения и отправлений. Так, он у растений совершается легче, чем у животных, и процесс поглощения организмов все более и более сложными, кажется, не имеет предела³. У низших животных Герберт Спенсер проследил интеграцию до четвертой степени, хотя на этой степени она уже не бывает полною: у суставчатых она прослежена им только до третьей и, наконец, у позвоночных лишь до второй степени, так что эти наиболее сложные организмы слагаются непосредственно из клеточек, которые одни только являются посредниками между организмом и физиологическими единицами, никогда не имевшими индивидуального бытия. Таким образом, чем выше, слож-

³ См.: Герберт Спенсер. Основания биологии, т. II, ч. IV, гл. 2-я и 3-я ("Морфологическое сложение растений"), §§ 180–189. Истолкования явлений растительной жизни, изложенные в этих §§, представляют, быть может, лучшее свидетельство в пользу биологической теории Спенсера. 2 См.: Ibidem., II, §§ 199–211. Агрегации четвертой степени находит Спенсер только у Molluscoidea (§ 203), третьей степени у Coelenterata (§ 202), Molluscoidea (§ 204), Anneloidea (§ 206), Articulata (§ 208). Наконец у позвоночных и моллюсков он признает только агрегацию второй степени; о моллюсках см. § 209, а о позвоночных – § 210 и особо гл. XV той же части: "О форме позвоночных скелетов".

нее и определеннее органический агрегат, тем менее шансов имеет общество этих агрегатов развиться в организм, пока наконец на высших ступенях жизни это не становится невозможностью, *nonsens*. Если оставим в стороне низшие формы и остановимся только на высших, напр., человеческом обществе и человеческом организме, то увидим бездну между этими двумя формами жизни и должны их признать противоположными по самому направлению жизненного процесса при нормальном развитии агрегатов; но вместе с тем, припоминая переходные формы и процесс, которому обязаны высшие организмы своим возникновением, мы признаем у названных двух агрегаций: у общества и у сложного организма – одинаковое происхождение. Всякий организм, за исключением немногих простейших, был сначала обществом и только потом стал организмом. Таким образом, наши агрегаты генетически однородны, функционально противоположны; оба принадлежат к типу живых агрегатов. Из этого следует, *во-первых*, что обеим формам общи те законы, которые сопровождают жизнь везде, где она ни проявляется, эти законы можно смело переносить из области биологической в область социологическую; *во-вторых*, что, так как генезис сложного организма и происхождение общества вначале одинаковы, то история этого генезиса может быть поучительна, указывая процесс, которым общество, отклоняясь от свойственного ему типа агрегации, преобразуется по другому типу. *Наконец*, так как функционально типы про-

тивуположны, то дальнейшие аналогии, как бы они ни были заманчивы, не могут иметь научного значения⁴.

Этим мы отчасти уже определили отличия общественно-го агрегата от целого разряда других живых агрегатов, с которыми в последнее время многие начали смешивать общество. Теории, отождествляющие организм и общество, процесс общественной жизни и процесс индивидуального развития, стали слишком распространены, чтобы их можно было игнорировать. Но мы уже знаем, что оба процесса лишь настолько сходны, насколько оба проявляют основные явления жизни. Таким центральным явлением представляется возобновление живым телом вещества и силы; в индивидуальной жизни оно выражается процессами питания и выделения, а в случае перевеса первого – ростом; в коллективной жизни – явлениями рождения и смерти, при перевесе первого – размножением. Уже в этих основных жизненных процессах, зависящих в последнем счете от одного органического закона (полярности физиологических единиц при неустойчивости органических соединений), уже здесь

⁴ Весьма близки к мыслям, изложенным на последних страницах, идеи, высказанные Н.К. Михайловским в его статье: "Что такое прогресс?" (Отеч. зап... 1869 г.). Особенно достойно внимания то, что автор этой статьи весьма резко выставляет противуположность значения дифференцирования для процесса индивидуальной жизни и общественной; на этой противуположности, г. Михайловский основывает свое опровержение идей Спенсера о социальном организме и прогрессе. Как ни важна эта противуположность, но не надо забывать, что это – противуположность по эффектам, и ей должно быть присвоено истолкование в противуположности причин, деятелей.

мы можем наметить зародыши различия обоих процессов. В коллективной жизни обновление вещества и силы производится исключением одних жизненных процессов и возникновением новых, подобных, тогда как в индивидуальном развитии мы наблюдаем исключение и возникновение не самих жизненных процессов, а только их материала и элементов. Коллективная жизнь растет, когда размножается число жизненных процессов, а индивидуальная, – когда большее количество вещества и силы поглощено одним процессом. Не выходя из пределов основных жизненных процессов, мы должны остановиться еще на одном различии, особенно важном. Постоянное обновление вещества и силы, заимствуемых из окружающей среды, как мы видели, ставит живые тела в зависимость от условий среды в гораздо большей степени, чем тела неорганические, и открывает широкое поле влияния среды; изменения, произведенные этим путем, называются приспособлением, которое, таким образом, тоже представляет процесс, общий всему живому. Он может совершаться двояким путем: либо приспособлением жизненного процесса внешним влияниям, либо, благодаря способности, развитой из такого приспособления, приспособлением условий среды к потребностям жизни. Первый способ (пассивное приспособление) в индивидуальной жизни осуществляется усилением или ослаблением отправления, иногда появлением новых и прекращением других; в коллективной жизни он проявляется накоплением влияний, появлением уклонений

при рождении и переживанием приспособленнейших. Уже тут мы можем указать довольно важное различие: в индивидуальной жизни *изменяется процесс*, в коллективной – *одни процессы заменяются другими*. Но несравненно важнее то обстоятельство, что самое возникновение и дальнейшее развитие второго способа (активное приспособление) приводить жизнь в равновесие со средою чрез воздействие жизни на среду зависит от коллективного процесса; способность индивидуальной жизни приспособлять среду весьма ограничена.

Если коллективная жизнь принимает первое направление, т. е. более изменяется сама, чем изменяет среду, то при возможности интеграции общество стоит на пути развития организма; различное влияние условий начнет дифференцирование жизненных отправлений, сосредоточивая в одних единицах одни, в других другие жизненные процессы. При втором направлении, т. е. при приспособлении среды к потребностям жизни, коллективное развитие проявляет самостоятельный прогресс, не преобразующий, как в первом случае, общества в организм. Если тут различные условия и вызывают дифференцирование отправлений общественного агрегата, то это дифференцирование распространяется не на жизненные отправления, но на отправления, приспособляющие среду к потребностям жизни. Пока развитие общественной жизни остается в этих пределах, общественный процесс не отклоняется к процессу другого типа. Этим рассуждением мы

пришли не только к разграничению процесса индивидуальной жизни и процесса социального, но и к наиболее общему различию, характеризующему прогресс социальный и прогресс органический, коллективный. Теперь мы должны остановиться на этом различии.

Глава III

Общественное развитие и прогресс

Мы уже выше видели, что основной жизненный процесс – обмен вещества и силы, одинаково компетентен как в пределах индивидуальной, так и коллективной жизни. В первой он выражается питанием и выделением, во второй – рождением и смертью и справедливо может быть назван обновлением жизни, потому что в этом случае вещество и сила поглощаются или выделяются чрез порождение или прекращение отдельных жизненных процессов. Все, что связано с этим великим фактом жизни, также справедливо относительно коллективной жизни; обновляться организм может только чрез уподобление неорганического вещества и элементарных сил той форме и той комбинации, которая поглощает их; этому ассимилятивному процессу индивидуальной жизни соответствует в коллективной сила *наследственности*, как росту соответствует *размножение*. В индивидуальной жизни постоянное обновление состава является причиной *изменчивости* организма; более полное обновление, совершающееся рождением и смертью, конечно, открывает еще более широкое поле этому процессу. В породах раздельнополых изменчивость вызывается, с другой стороны, столкновением двух наследственностей при *скрещивании*. Таким образом, явления

наследственности, размножения, изменчивости, скрещивания и болезненности как особого вида изменчивости должны мы признать для коллективной жизни основными жизненными процессами, простыми короллариями процесса обновления жизни; законы этих явлений суть основные биологические законы и компетентность их распространяется на все поле жизни; где жизнь, там и эти процессы. Взаимодействием между ними и средою осуществляется прогресс жизни. Таковы простые деятели органического прогресса: влияние среды, размножение, наследственность и т. д.; но при известных условиях среды они, сочетаясь, производят других, так сказать, вторичных органических деятелей.

Среда имеет только ограниченное количество материала, годного для преобразования в живую материю, размножение же, т. е. порождение новых жизненных процессов, по-видимому, неограниченно. Таким образом постоянно возникает гораздо большее число жизненных процессов, чем то, которое среда может снабдить материалом (прокормить); отсюда неизбежность постоянной гибели известного числа их, превышающего средства существования. Жизненные процессы неодинаковы; благодаря законам изменчивости, все они имеют более или менее сильные отличия; некоторые из этих отличительных качеств облегчают добычу потребного для продолжения жизни материала, и особи, обладающие ими, должны несомненно пережить, лишённые же этих благоприятных для жизни особенностей должны погибнуть. Этим

переживанием приспособленнейших разнообразная изменчивость получает определенное направление; все изменения, не следующие ему, погибают, и жизнь изменяется, постоянно более и более приспособляясь к условиям среды. Наследственность упрочивает все пережившие уклонения. Таким образом, тут простые деятели органического прогресса: условия среды (ограниченность средств), размножение, изменчивость и наследственность – сочетаясь вместе, производят сложного деятеля – *естественный подбор*.

Изменчивость, упрочиваемая наследственностью, направляется переживанием приспособленнейших в борьбе за существование, так как часть организмов должна непременно погибнуть вследствие размножения, превышающего средства к существованию. Значение естественного подбора в органическом прогрессе первостепенно; преимущественно им направляется течение прогресса, тогда как проявление прямого приспособления, деятеля простого, сравнительно невелико.

Изменчивость, упрочиваемая наследственностью, но направляемая уже не борьбою за существование, а *борьбою за спариванье*, порождает другой сложный деятель органического прогресса – *подбор половой*. Как борьба за существование вызывается перевесом потребности в материале над количеством его, которое может доставить среда, так точно борьба за спариванье вызывается перевесом потребности спариванья у одного пола над числом особей другого пола,

готовых к спариванию; роль ограниченности средств существования тут играет неравночисленность полов, абсолютная или относительная, как в случаях полигамии или неединовременного созревания самок при постоянной готовности самцов. Уже из этого видно, что половой подбор – деятель более сложный, чем естественный. Размножение, ограниченность средств – вот возбудители естественного подбора, факты для биологии, конечно, элементарные; половой же подбор вызывается половым инстинктом, абсолютною неравночисленностью полов, полигамией, неединовременным созреванием самок – фактами, которые сами по себе требуют сведения к простым биологическим началам. Во-вторых, нужно заметить, что в то время как естественный подбор является сочетанием органических деятелей и условий среды, половой подбор представляет комбинацию одних органических деятелей; отсюда меньшая его суровость, большая изменяемость направления, меньшая прочность эффектов. Итак, коллективный жизненный процесс представляет, *во-первых*, основные жизненные процессы обновления жизни, размножения, наследственности, изменчивости, скрещивания, болезненности, и *во-вторых*, сложные процессы, продукт сочетания основных процессов между собою и с влияниями среды. Поступательное движение органического прогресса определяется одним простым деятелем – прямым приспособлением, определенным влиянием среды, и двумя сложными – подбором естественным и подбором половым.

Таков, в общих чертах, характер органического прогресса, т. е. процесса, когда коллективная жизнь является пассивной относительно среды, сама приспособляется, но не приспособляет среды к потребностям жизни. Если, сохраняя такой характер процесса, коллективная жизнь интегрируется в общество, то она имеет склонность продолжать интеграцию и может из коллективного процесса преобразиться в индивидуальный, специализируя жизненные процессы между различными единицами. Неопределенность той формы агрегации, которую мы называем видом или племенем, не позволяет органическому прогрессу развить процесс перехода коллективной жизни в индивидуальную, в главный процесс развития, но обуславливающее его дифференцирование все-таки находит широкое применение в органическом прогрессе.

Коллективная жизнь, проявляясь в агрегации вида, представляет, конечно, минимум реальной связи, при которой еще можно назвать собрание отдельных тел агрегатом. Такою связью особей вида является общее происхождение, одинаковость среды, половой инстинкт и вытекающие из двух первых условий одинаковость строения и отправления и общность привычек и инстинктов. Тут процесс развития жизни осуществляется, как мы видели, приспособлением отдельных особей к условиям среды и переживанием приспособленнейших. Общественная форма коллективной жизни при нормальном развитии отличается от видовой как по степени интеграции, так и по процессу. Основное отличие про-

цесса, как было уже указано, заключается в том, что жизнь уже не является пассивным материалом для действия среды, противопоставляя этому действию только силу наследственности, т. е. влияния прежней среды; напротив того, общественный процесс, приспособляясь сам к условиям среды, в то же время воздействует на нее активно, приспособляет ее к потребностям жизни и тем ограничивает ее значение в прогрессе. Это приспособление достигается частью прямо преобразованием физической среды, частью созданием рядом с нею новой среды, общественной: богатства, орудий, науки, политических учреждений – одним словом, всего того, что мы обыкновенно соединяем под именем *культуры* и *цивилизации*. Создание этой новой среды для коллективной жизни, среды, которая отчасти заменяет, отчасти ограничивает и, во всяком случае, преобразует влияние физической среды, словом, развитие культуры – вот отличительный признак общественной жизни от всякой другой формы коллективной жизни. Культура же является связующим элементом агрегата, превращающим отвлеченную, так сказать, агрегацию – племя – в реальную – общество; своя собственная среда, наряду с общей всему живому физической средой, – вот особенность общества, и различия этой особой среды (культуры) обуславливают различия обществ. Конечно, основной процесс жизни остается тем же и в общественном процессе: возобновление вещества и силы, рост, наследственность и т. д. продолжают составлять отличитель-

ный признак общественной жизни. Создавая среду социальную, общественная жизнь и ее подчиняет основному закону жизни; развитие этой среды точно так же представляет нам постоянный процесс обмена вещества и силы. Общественная жизнь постоянно перерабатывает материю и элементарные силы в те особые комбинации, которые проявляются в культуре: в предметы потребления, в орудия производства и защиты и т. д.; эти комбинации, потребляясь жизнью, постоянно разлагаются, и общественный процесс заменяет их новыми комбинациями, удовлетворяющими тем же потребностям. То же относительно других сторон культуры. Знание, столь важный элемент культуры, есть продукт переработки общественным процессом не элементарных сил природы, а тех сложных их комбинаций, которые мы зовем психическими процессами, продукт переработки наблюдений, опытов, умозрений и т. д. Знание точно так же постоянно обновляется; проявляясь только в живых особях, оно умирает и нарождается вместе с ними. Смерть мыслителей и ученых – вымирание знания, образование – его рождение. Вследствие этого, естественно, меняется его количество и качество; каждый новый ученый или мыслитель, заменяющий выбывшего, знает что-нибудь такое, чего его предшественник не знал, и не знает, что тот знал. При оскудении образования происходит вымирание знания чрез смерть ученых, при недостаточном возмещении их новыми. Это явление мы наблюдаем, напр., в период упадка классического мира. Но кроме этого

постоянного обновления знания с обновлением ученых, даже рассматриваемое объективно знание обновляется; история наук есть история исчезновения одних мнений и замены их другими.

Таким образом, основной жизненный процесс сохраняет свои отличительные признаки и в общественном процессе, который слагается из процессов, тесно связанных и в действительности нераздельных: органического жизненного процесса и развития культуры, социальной среды. Третьим фактором является влияние среды физической. Органический жизненный процесс есть продукт деятельности физической среды; развитие культуры есть продукт органического жизненного процесса, который, таким образом, с одной стороны, является эффектом, с другой – деятелем. Этот двойной его характер в общественном процессе мы не должны забывать. Остановимся, хотя ненадолго, на каждой из трех категорий деятелей общественного прогресса: влиянии физической среды, проявлении жизненной активности и собственно социальных деятелей, чтобы лучше уяснить себе их взаимную зависимость и роль каждой категории в общественном процессе.

Мы видели выше, что в органическом прогрессе надо различать деятелей простых, необходимые функции основного жизненного процесса: наследственность, размножение, изменчивость и др., – и деятелей сложных, представляющих сочетание нескольких простых процессов, естественный и

половой подборы.

Компетентность первого разряда органических деятелей в общественной жизни безусловна; нельзя того же сказать без предварительного исследования о втором разряде. Будучи сочетанием нескольких деятелей, проявление их зависит от присутствия условий, благоприятных этому сочетанию. Если количество средств существования будет меньше необходимого при данной быстроте размножения, если качества, которым обязаны особи, пережившие кризис, своею победою, могут быть унаследованы, то естественный подбор проявит свое действие; вопрос в том, осуществляются ли эти условия в социальной жизни? Если существует абсолютная или относительная неравночисленность полов, если победу в борьбе за спариванье доставляют качества, органически наследственные, то половой подбор будет иметь место; вопрос в том, находим ли мы эти условия в общественном процессе? Одним словом, относительно органических деятелей должно сказать, что если первая их группа – основные законы жизни и безусловно распространяет свою компетентность на общественный прогресс, то значение и самое проявление второй группы нуждается в специальной проверке. *A priori*, по крайней мере, относительно естественного подбора можно заметить, что так как он является главным выражением процесса приспособления коллективной жизни к условиям среды и так как в обществе этот процесс, если и не совершенно, то в значительной степени заменяется процессом приспособле-

ния среды к условиям жизни, то едва ли не должна сильно сузиться арена деятельности этого фактора.

Процесс приспособления среды к условиям жизни чрез создание новой среды, частью парализующей, частью преобразующей влияние старой – это главный отличительный процесс общественной жизни; этот *первичный* общественный процесс составляет проявление активности живых единиц общественного агрегата, потому что, как мы видели, Процесс коллективной жизни есть просто совокупность индивидуальных процессов. Воздействия социальной среды (культуры), созданной деятельностью членов общества, будут для нас *вторичными* социальными деятелями. Если оставим пока в стороне изменяющее влияние органических деятелей и физической среды, то общественный процесс нам представится как двойной процесс жизни, приспособляющей и приспособляющейся. Индивидуальные жизненные процессы, сочетаясь в коллективный процесс, деятельность личностей, сливаясь в общественную, производят общественную среду (культуру) и вслед за тем сами приспособляются к условиям этой среды. Среда создается личностями, личности же являются до известной степени продуктами этой среды; приспособляющий жизненный процесс (т. е. деятельность личностей, создающая среду) обновляется, размножается, преобразуется согласно общим законам жизни; среда, постоянно создаваемая этими процессом и затем постоянно им потребляемая, обновляется, разрастается и преобразует-

ся, следуя тем же законам. Но если, с этой стороны, она является продуктом жизненного процесса, то с другой – она сама, раз созданная, начинает регулировать обновление, размножение и, в особенности, преобразование жизненного процесса. Личности создают общественные условия, и сами, в свою очередь, являются отчасти продуктом этих условий.

Имея перед собою статистическое обозрение какого-либо государства, мы видим множество особых, тщательно подобранных рубрик и граф, по которым распределяют статистики различные общественные явления: естественное приращение, действительное приращение, браки, рождаемость, смертность, незаконные рождения, проституция, преступность вообще, преступность по родам и видам, производительность, торговля, грамотность и т. д. – все это различные порядки и роды общественных явлений, но как они производятся? Возьмем для примера индивидуума А и проследим его жизнь, хоть в продолжение одного года. В начале года он женился, в продолжение года судился, по поводу процесса обнародовал оправдательную брошюру, занимался сельским хозяйством и произвел *a* пудов хлеба, *b* льну и пеньки, *c* шерсти, в конце года переселился из одной провинции в другую. Вот краткий итог годовой деятельности нашей гипотетической личности; всякий согласится, что это итог деятельности громадного числа лиц и что здесь нет ничего необыкновенного. Все изложенные события произведены им одним или в совокупности с другими людьми; все имеют общую при-

чину в проявлении его личности, но все в таблицах статистики займут различные места. Женитьба попадет в таблицу браков; судимость – в таблицу нравственности; обнаружение брошюры может очутиться в таблице образованности; пшеница, лен, шерсть займут подобающее место в графах производительности; переселение повлияет на таблицу действительного приращения, но может очутиться также в одной из граф экономических явлений, если совершилось по каким-либо искусственным путям сообщения, напр. железной дороге. Все эти явления, как ни одинаковы и ни однородны по происхождению, разместятся в различные отделы; различные проявления одной и той же единицы общественного агрегата попадут в различные роды и виды социальных явлений – экономических, нравственных, умственных, демографических. Чем же произведена деятельность А, приведшая к столь разнообразным результатам? Во-первых, чем бы она в последнем счете ни была произведена, ближайшая, непосредственная причина этих явлений – в ней: все они прошли чрез личную волю А и имеют непосредственную причину однородную – личность А со всеми ее психическими и физическими качествами. Во-вторых, что касается причин, создавших эти психические и физические качества, то они очень разнообразны и, конечно, не могут быть отнесены к одному какому-либо роду явлений. Личность, наследовавшая от своих родителей некоторые качества, приобретающая другие чрез воспитание и, наконец, переработавшая их

под влиянием всех условий и событий ее жизни, естественно, может почитаться созданною всею совокупностью явлений и условий настоящего и предшествующих состояний среды. Таким образом, эти соображения приводят нас опять к тому, что ход общественного процесса, в общих чертах, следующий: вся совокупность общественных условий вырабатывает личность, единственный *активный* элемент общества; известная частная совокупность общественных условий в данный момент производит в личности, этом продукте всего предыдущего состояния среды, ряд настроенностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя в действие, порождают ряд общественных явлений; действия всех личностей данного общества производят всю совокупность общественных явлений следующего момента. Чрез посредство личностей, таким образом, одно общественное состояние в его целом производит другое, а вовсе не одно общественное явление производит другое независимо, изолированно от действия всех остальных. Всякое явление общественное производится всеми предшествующими, производившими деятельность личностей, и чрез личностей же взаимно оказывает свое влияние на производство всех последующих. Ряд общественных условий образует ряд личностей, а деятельность последних производит новый ряд общественных условий, и в этом заключается характеристическое отличие общественного процесса от органического. Здесь среда создается жизнью, а жизнь преобразуется под влиянием этой

среды, будучи первоначально создана другою средою; в органическом же прогрессе среда, создавшая жизнь, продолжает и после полновластно направлять ее дальнейшее развитие. Итак, путем умозрения из основных законов так же, как путем независимого анализа общественного процесса, мы приходим к различению в нем двух разрядов собственно социальных деятелей: личности, их настроенности и деятельность – это *первичные* деятели (активная жизнь), они осуществляют тот процесс приспособления среды к потребностям жизни, с возникновением которого выделяется общественная жизнь как особая форма коллективной жизни вообще; второй разряд деятелей социальных является продуктом этого приспособляющего процесса, это созданная деятельностью личностей социальная среда, ее влияния и эффекты, это деятели социальные *вторичные*. К их воздействию на первичные деятели, а затем и на процессы, первоначально создавшие их, на деятели органические и влияния физической среды мы и должны перейти сейчас.

Первичные деятели создают среду, общественные условия, т. е. знание, богатство, законодательство, религию, церковь, правительство, войско, администрацию, суд, школу, торговлю, пути сообщения, обычаи и многое др., что мы привыкли соединять под общим наименованием культуры и цивилизации. Эти явления, созданные и постоянно обновляемые деятельною волею и работою личностей, составляющих общество, сами, как выше сказано, воздействуют на своих

производителей двояким путем, влияя на них самих непосредственно и действуя на процессы, которым они обязаны своим происхождением, на органических и физических деятелей⁵. Непосредственное воздействие выражается, *во-первых*, влияя на интенсивность энергии, на напряженность активной воли, и *во-вторых*, устанавливая различные отношения между волею отдельных личностей тем, что дает *власть* в ее различных видах в руки одних, лишая ее других. Знание дает власть человеку сведущему над невежественным; религия и установление иерархии дает власть духовенству над мирянами; богатство дает власть собственнику над пролетарием. Войско дает власть правительству над народом и одному народу над другими; законодательство распределяет власть в различных степенях между различными категориями личностей. Власть же во всех ее видах заключается, по видимому, в том, что воля личности, ею обладающей, в общем итоге личных волей, решающем то или другое направление общественного развития, значит более воли личностей, лишенных власти. Этою стороною своего влияния вторич-

⁵ Что именно в таком взаимодействии личной деятельности и созданной ею среды выражается социальный процесс, давно уже признано для отдельных явлений среды; так, труд и капитал в экономическом развитии, критика мысли и традиционная религия и наука – в умственном, нравственное убеждение и законодательство – в политическом. Труд, критика мысли, нравственное убеждение – все это различные названия личной деятельности, смотря по тому, на производство каких явлений она направлена. Истина, на которой я настаиваю в тексте, является, следовательно, общим истолкованием частных истин, частью уже давно признанных наукою.

ные социальные деятели достигают того, что значение для общественного процесса деятельности различных личностей совершенно непропорционально их личной силе, энергии, уму; оно определяется более социальными условиями. Таким образом, сила, создающая социальные условия, сама почти всецело обусловлена этими условиями, так что вообще, не делая грубой ошибки, на практике можно рассматривать социальные условия как продукты предыдущих социальных условий; но теоретически такое представление будет неверно, потому что, как бы ни была обусловлена социальной средою деятельность личностей, все же она и ничто другое создает эту среду. Теоретическая важность этой истины определяется не только тем, что только ею связывается жизненный процесс вообще с процессом общественной жизни, но и по многим другим важным последствиям.

Таково влияние вторичных социальных деятелей на первичные, но этим преобразованием их проявления не ограничивается роль вторичных деятелей; они идут дальше и влияют на самое происхождение первичных деятелей, преобразуя течение коллективной органической жизни и парализуя или ограничивая влияние физической среды. Что касается деятелей органических, то мы уже видели, что значение сложных процессов, как подборы естественный и половой, далеко не безусловно в социальном прогрессе, что проявление их зависит от условий, не связанных неразрывно с общественным процессом и что априорические соображения застав-

ляют предполагать постоянное стеснение поля их деятельности. Простые органические деятели, конечно, сохраняют свое значение, но не надо забывать, что это – деятели, сами собою не производящие прогресса. Наследственность – деятель только консервативный, это, так сказать, отрицательный фактор прогресса. Изменчивость же сводится, в последнем счете, на столкновение наследственностей и на влияние среды. Таким образом, за вытеснением сложных органических деятелей мы имеем дело только с этими влияниями, с определенным влиянием внешних условий. Внешние условия у нас двоякого рода: общественные и физические. Отношения между социальной и физической средою и должны мы определить теперь. Общественная среда обязана своим происхождением процессу, приспособляющему условия существования к потребностям жизни; это сразу определяет для нас их отношения. Развитие социальной среды должно быть борьбою с влияниями физической среды, и прогресс исторический должен быть победою над этими влияниями. Самый беглый обзор значения физических деятелей в обществе подтвердит наше заключение.

Одно из самых важных значений физических деятелей в органическом прогрессе есть порождение индивидуальной изменчивости; без нее невозможен был бы ни естественный, ни половой подбор. Влияние это сохраняют физические деятели и в социальной жизни, но значение его. Для прогресса диаметрально противоположно, потому что оно является

не только не главным импульсом прогресса, но даже его задержкой, по крайней мере, большею частью. Пересмотрим главных деятелей физической среды с этой точки зрения. Влияние *климата* на органический прогресс громадно; не столь велико, но все же и не мало оно и в социальной жизни, но в каком направлении его действие? Дифференцировать племена различных территорий, хотя бы одного происхождения и одной культуры, и ассимилировать жителей той же местности, хотя бы весьма чуждых по происхождению и культуре, – вот его роль. Таково ли направление влияния социальной среды? Нет, оно стремится дифференцировать племена различных культур, а в сфере той же культуры – по роду занятий, и ассимилировать племена одной культуры, хотя бы живущие в различных местах. Ясно, что течения противоположны и взаимно исключают друг друга, но этого мало: доставляя отопление, жилище, освещение, развивая обмен произведений разных стран, социальная среда непосредственно ограничивает резкость климатических различий. То же должно сказать и о *почве*. Главное ее влияние выражается в доставлении *пищи, различной* для жителей различных стран, но обмен продуктов между странами, удобрение, акклиматизация и проч. значительно сокращают значение этих природных различий. Кроме климата, почвы и пищи, Бокль признает большое значение *за общим видом природы* на развитие мифических воззрений, а следовательно, вообще на умственный прогресс, но распространение науки, для всех

стран одинаковой, все более и более ограничивает значение и этого фактора. Впрочем, несомненно, что социальная среда хотя и ограничивает и несколько преобразует влияние перечисленных физических деятелей, но никогда не вытесняет их совершенно, оставляя за ними прежде всего роль тормоза, который, вызывая изменчивость, противоположную изменчивости, вызываемой деятелями социальной среды, более или менее успешно парализует влияние последней, а во-вторых, сохраняя за ними и некоторое положительное значение.

Второе важное влияние физической среды выражается ограниченностью средств существования; ограниченность эта служит причиной естественного подбора, полагая предел размножению. В органическом прогрессе этот предел есть грань, "юже не преjdeши", но в общественной жизни деятели социальные рядом особых процессов расширяют этот предел. Здесь физическое условие, ограниченность средств, является условием только отрицательным; без него не понадобились бы противодействующие социальные процессы, но причина проявления этих процессов лежит не в физических условиях. С другой стороны, надо помнить, что в тех случаях, когда социальные процессы не успеют вовремя расширить предел, ограниченность средств вызывает усиленную смертность, наносит ущерб общественной жизни; что даже если предел размножения вовремя расширен, то трата сил на эти специальные процессы есть тоже вычет из общего ка-

питала общественной жизни; словом, надо признать в этом случае за физическими деятелями значение задержки общественного развития. Такова-то роль физических деятелей в социальном прогрессе: некогда всемогущие определители прогресса, они в развитой общественной жизни сохраняют преимущественно значение задержки, тормоза развития; прямое определенное их влияние никогда не может быть совершенно вытеснено, но сводится к сравнительно небольшим размерам.

Глава IV

Определение общества

Теперь, после пройденного нами пути, мы можем вернуться к вопросам, с которых начали: что такое общество? что такое общественный процесс? что они имеют общего с другими создаваемыми нами формами и процессами? и что характеристичного, отличительного? На эти вопросы мы можем теперь ответить: резюмируя все предыдущее изложение, мы можем дать свод тех сходств и отличий, которые характеризуют общество в ряду других неорганических и органических тел создаваемого нами мира. Прежде всего, общество, подобно всем без исключения телам, существующим в природе (в пределах нашего сознания), отличается *агрегатностью строения*, т. е. представляется собранием материальных единиц (других тел) и комбинацией заключенной в этих единицах энергии. Эти единицы общественного агрегата то умножаются, то сокращаются; эта энергия то накапливается, то растрачивается агрегатом; сообразно этому общество, подобно всем остальным без исключения телам, существующим в природе, обнаруживает явления интеграции (накопление материи при *относительной* трате энергии) и *дисинтеграции* (накопление энергии при относительной трате материи). Эти отличительные признаки строения и разви-

тия, общие телам органическим и неорганическим, одинаково присущие молекулам, непознаваемым нами по их дробности, и вселенной, недоступной познанию по ее необъятности, составляют равным образом и отличительные признаки строения, отправления и развития общества. В этом заключаются черты сходства, соединяющие общественные тела со всеми иными формами бытия. Черты отличия начинаются с фактом распада тел и явлений природы на тела и явления неорганические и органические. Общество принадлежит ко второму классу, или, как еще недавно было общепринято выражаться, царству природы.

Первый признак, отличающий органические тела (общество в том числе), представляется *сложно-агрегатным* строением. Эта сложность сопровождается такою отличительною комбинациею энергии, что элементарные процессы интеграции и дисинтеграции сливаются в сложный процесс *жизни*, процесс, в котором трата (дисинтеграция) и накопление (интеграция) вещества и энергии, проявляясь непрерывно и непременно, взаимно уравниваются в виде постоянного обмена, *постоянного кругооборота материи и энергии*. В этом заключается отличительная особенность *отправлений* органического тела (общества в том числе) как в сложности – отличительная особенность *строения*, а в приспособлении – отличительная особенность *развития*. Выше мы видели, как эта особенность развития жизни (приспособление) обусловлена особенностями ее отправления (обменом

вещества и энергии) и строения (сложностью). Мы видели также, как эти явления развития жизни, сочетаясь с влиянием среды, образуют *прогресс*, который есть процесс установления равновесия между требованиями жизни (потребностями, вызываемыми и непрерывным непременным круговоротом материи и энергии) и условиями среды. Сложность строения; комбинация интеграции и дисинтеграции в один процесс обмена вещества и энергии; приспособление и прогресс – таковы отличительные признаки, присущие всем без исключения живым телам и всем без исключения явлениям жизни, отличая эти тела и явления от тел и явлений мира неорганического (царства ископаемых, как недавно принято было называть неорганическую природу). И общества отличаются всеми этими особенностями: развивают сложность строения; непременно и непрерывно расходуют и накапливают вещество и энергию; приспособляются и приспособляют; прогрессируют и регрессируют.

В самом развитии жизни сказывается, однако, существенное различие, расчленяющее ее на два типа по строению, по отправлениям и по развитию. Сложность строения может быть разных степеней и разного характера; обмен вещества и энергии может быть объединен в один процесс жизни в различной степени и различным образом; наконец, – и это главное, хотя и обусловленное отличиями в строении и отправлениях, – процесс развития может проявляться в приспособлениях жизни к условиям среды и в приспособлении

среды к потребностям жизни. Второй способ уравнивания жизни и среды проявляется далеко не всеми органическими телами и отличает далеко не все явления жизни; он составляет отличительную особенность того разряда органических тел, который обыкновенно именуется царством Животных, и тех явлений жизни, которые выше мы охарактеризовали названием *жизни активной*. Целесообразное воздействие на среду составляет сущность активности, проявляемой этим классом живых тел и этим разрядом жизненных явлений. Активность присуща и обществам, отличая их от царства неодушевленной органической природы (пассивная жизнь) и включая их в мир одушевленной природы, в царство жизни активной⁶.

Активность одним из главных своих последствий является приспособление среды к потребностям жизни⁷. Этот процесс, до соединения активных организмов в общество, может быть проявлен лишь в сравнительно очень ограниченном размере. В период досоциальный и активная жизнь более приспособляется к среде, нежели приспособляет среду. Только активная общественная жизнь получает достаточную

⁶ В этой работе, которой резюме и свод предлагается настоящими строками, явление активности затронуто лишь очень бегло и поверхностно. Позднее я попытался восполнить этот важный пробел, см. уже упом. "Нравств. нач. в общ. борьбе". (Прим. 2-го изд.)

⁷ Другим, в высшей степени, важным последствием является *развитие индивидуальности*, составляющее главное содержание прогресса активной жизни в досоциальный период. (Прим. 2-го изд.)

силу для того, чтобы подчинить физическую среду и процесс приспособления этой среды к своим потребностям, превратить в главный нерв прогресса. Приспособление жизни к условиям физической среды, властно направляющей развитие жизни, – это *прогресс органический*. Приспособление среды к потребностям жизни, преобразующей и парализующей влияния физической среды, – это *прогресс исторический*. Активность, скомбинированная в общественной жизни в могучую самостоятельную силу природы, является источником и причиной этой победы жизни над физической средой, а средством и орудием победы является *культура* – как особая общественная среда, созданная активной жизнью, слившаяся с нею в одно сложное общественное тело, вместе с нею расходующая и накапливающая вещество и энергию и вместе с нею следующая общим законам, управляющим жизнью всюду, где бы и как бы она ни проявлялась. Скомбинированная, так сказать, *сложная активность* и порожденная ею *культура*, интегрированные в одно тело, – такова основная отличительная особенность *общественного строения*. Постоянный процесс траты и восстановления активности, постоянный процесс *потребления и производства культуры* – таковы отличительные особенности *отправлений* общества. Приспособление физической среды к потребностям жизни, развитие активности и культуры, приспособление жизни к культуре и культуры к жизни – таковы основные отличительные явления *прогресса историческо-*

го, или общественного. Отсюда уже не трудно дать сжатое определение общества как предмета социологии.

Если *общезжитием* мы назовем всякое собрание (агрегат) всяких живых особей (пассивных организмов или активных), то *обществом* мы должны будем назвать *общезжитие активных особей, создавшее свою особую общественную среду, или культуру, и слившееся с нею в одно сложное тело*. Короче говоря, общество есть активно-культурное общезжитие.

По-видимому, это будет наиболее удовлетворительным определением общества; интегрирование в один агрегат жизни и ее среды, по-видимому, есть наиболее общее отличие общественного процесса, истолковывающее остальные отличия и дающее ключ к объяснению многих особенностей общественной жизни, уже прежде подмеченных и формулированных различными отделами обществознания в частные законы.

Глава V

Половой подбор в органическом прогрессе

Общие принципы, изложенные мною на предыдущих страницах, основаны, главным образом, на противоположении социальной среды физической, а поэтому исторического прогресса, регулируемого первою, органическому прогрессу, направляемому физической средою. Вывод этой противоположности прогресса общественного и органического неизбежен, как скоро признаны основные принципы развитых мною в прошлых главах воззрений; лучшим их оправданием было бы независимое доказательство, выведенное не из них, а из сопоставления фактов, того, что процесс органического прогресса существенно отличен от общественного прогресса и что с прогрессом социальной жизни вытесняются деятели органического прогресса. Так ли это?

Мы видели, что органические деятели делятся на две существенно различные по своему значению группы: группу простых деятелей – наследственность, изменчивость, болезненность, размножение и скрещивание, и группу деятелей сложных – результат сочетания простых биологических начал между собою и с условиями физической среды. К группе сложных органических деятелей относится и половой под-

бор, предмет предлагаемого исследования. Отличие полового подбора то, что он есть сочетание только одних биологических начал; поэтому, не желая с самого начала сталкиваться в своем исследовании с влияниями физической среды, я и выбрал его для начала. Вообще половой подбор – деятель более сложный, нежели подбор естественный, но для социолога он проще, потому что исследователь имеет дело только с органическими деятелями, не касаясь физических в тесном смысле.

После естественного подбора одним из самых могучих, если не самым могучим деятелем органического прогресса, является подбор половой. Действие и развитие этого процесса, подобно естественному подбору, основывается на законах наследственности и изменчивости, причем эффекты этих законов обуславливаются и направляются другими деятелями. В естественном подборе этими деятелями являются условия внешние, находящиеся вне организма, – средства к существованию, ограниченность которых вызывает борьбу за существование. Следствием борьбы за существование является вымирание одних особей и выживание других, приспособленнейших, которые в ряде поколений и вытесняют не успевших измениться. Таким-то образом, изменчивость, упрочиваемая наследственностью, под влиянием ограниченности средств существования и производит естественный подбор. Изменчивость же, упрочиваемая наследственностью, но под влиянием иных деятелей, и притом де-

ателей только органических, производит и половой подбор. Деятели, направляющие изменчивость и наследственность в этом втором случае подбора, весьма разнообразны, но все находятся в большей или меньшей связи с *половым влечением*. Рассмотрим в общих чертах способ действия полового подбора и его эффекты и последствия в органическом прогрессе, а затем уже перейдем к вопросу, насколько его можно считать фактором и социального прогресса?

Половое влечение как у самцов, так и у самок распространяется далеко не безразлично на весь противоположный пол, но сообразуется с известным вкусом, которым и руководствуются особи при спаривании. Это первое положение; затем достоверно, что самцы страстнее самок (за небольшим исключением), и что потому они скорее готовы удовлетвориться какою бы то ни было парюю, самки же более (сравнительно) разборчивы, вследствие чего постоянно стремятся спариваться с самцами более привлекательными и отвергают непривлекательных. До сих пор еще никакого особого последствия вывести нельзя, но есть еще третий факт, именно: что здоровые, а потому и вообще более плодовитые самки бывают готовы к спариванию во время полового периода раньше самок нездоровых, захилевших, слабых, а потому менее плодородных, самцы же всегда готовы к спариванию. Таким образом, когда поспевают первые самки, то численное отношение между ищущими пары самками и самцами далеко неодинаково. Самкам, следовательно, является довольно

широкая возможность выбора по их вкусу наиболее привлекательных. Замечу еще, что перед спариваньем самцы обыкновенно сражаются за самку, так что выбор самки падает только на самых сильных и самых привлекательных. В некоторых породах, где бои слишком преобладают, самки вовсе не выбирают, а достаются сильнейшему; у других боев вовсе нет, и выбираются только привлекательнейшие. Как бы то ни было, но результатом всего этого бывает то, что спарятся с самыми плодовитыми, ранее приготовившимися самками самые сильные или самые красивые, или самые сильные и красивые самцы, потомство которых будет, таким образом, многочисленнее и здоровее потомства других самцов, не обладающих этими качествами и спарившихся с запоздавшими самками. Этим способом, благодаря действию наследственности, будут распространяться в ряде поколений те уклонения, порожденные изменчивостью, которые либо облегчают бой за самку, либо привлекают ее; а этим и выразится то, что Дарвин назвал половым подбором. Если мы допустим, что данный вид полигамичен или что численность одного пола значительно превышает численность другого, то действие полового подбора станет возможно и при отсутствии факта неединовременного созревания самок. Процесс полового подбора станет нагляднее на примере. Предположим, что в известной местности живет вид численностью в 40 000 особей, причем число особей обоего пола равно, т. е. по 20 000 самцов и самок, и что число плодовитых и неплодови-

тых самок тоже равно, так что мы имеем 10 000 самок каждого разряда. Для простоты задачи предположим, что число рождений и смертей равно и что плодовитость самок выражается в принесении ежегодно по 2 детеныша, а малоплодные приносят только по одному, т. е. всего ежегодно появляется 30 000 детенышей, из которых 20 000 принадлежит плодовитым, рано созревающим самкам, а 10 000 малоплодным, запаздывающим. Прибавлю тоже для простоты гипотезу, что половой зрелости молодые животные достигают в один год. В таком состоянии застаем мы наш гипотетический вид, когда игрою изменчивости или, может быть, прямым действием условий появилось изменение, положим, более яркий цвет покровов, и этот цвет понравился самкам. Новорожденные с этим изменением в то поколение, в котором мы застаем вид, составляют всего 10 %. Значит, всего изменившихся особей родится 3000; 1500 самцов и 1500 самок, остальные 27 000 особей обоего пола будут неизменившимися, да всех стариков 40 000 тоже мы предполагаем без этого признака. К следующему периоду размножения общее число особей должно сократиться до 40 000, причем изменившихся будет самцов – 857, и самок – 857, таковы неравные шансы двух пород, как 857:19143. Но все привлекательные самцы (т. е. изменившиеся) спарятся с самками плодовитыми и произведут потомство в 1714 особей. К этому числу уклонившиеся самки прибавят следующие числа.

- 1) Самки малоплодные, уклонившиеся, которые все спа-

рятся с неизменившимися самцами, произведут по одной особи, т. е. всего 428,5.

2) Самки плодовитые, уклонившиеся, спарятся частью с уклонившимися самцами, частью с неуклонившимися в следующей пропорции:

$$x : y = 857 : 19143, \text{ а } x + y = 428,5$$

отсюда:

$$y = 428,5 - 19143 \cdot 20000$$

$$y = 410,13,$$

$$\text{а } x = 18,37,$$

где y – число самок плодовитых уклонившихся, спарившихся с неуклонившимися самцами, а x – число спарившихся с уклонившимися. Значит, всего уклонившихся особей родится $= 1714 + 428,5 + 820,26 = 2962,76$, да прежних $+ 1714 = 4676,76$. К следующему половому периоду их сохранится $= 2672$. Это составит % приращения относительно прежних 1714 особей $= 55 \%$; оно и понятно, потому что в то время как плодовитость всего вида выражается в 75% , плодовитость уклонявшихся $= 172,8$; борьба очевидно неравная и рано или поздно должна кончиться в пользу изменившейся формы.

Это вычисление наглядно показывает, каким образом изменчивость, упрочиваемая наследственностью, действует под влиянием различных условий и сил, проявляющихся у животных совместно с половым инстинктом. Ознакомившись с общим способом действия полового подбора, посмотр-

рим теперь на те эффекты, которые он производит. Очевидно, что так как половой подбор есть сложный результат четырех условий: изменчивости, наследственности, полового инстинкта со всеми его спутниками и неравночисленности полов (абсолютной или относительной, как в случае полигамии или неединовременного созревания самок), то, естественно, и эффекты его зависят от этих четырех факторов. Значение их, конечно, далеко не одинаково. Неравночисленность полов есть условие только отрицательное: без него не может начаться процесс полового подбора, но дальнейшего влияния на его ход или характер оно не имеет. Эстетическое чувство, сопровождающее проявление полового инстинкта, является деятелем направляющим, сортирующим продукты изменчивости, которые вместе с наследственностью и представляют таким образом главные факторы. Наследственность упрочивает изменения, порождаемые изменчивостью и подбираемые половым вкусом, – это ее роль. Однако этим посильным запечатлением прогресса она не ограничивается; она запечатлевает различно: то передает изменение, приобретенное одним полом, обоим полам и во все возрасты, то ограничивает передачу только известным возрастом или даже временем года; иногда ограничивает полом, а иногда полом и возрастом или временем года одновременно. Благодаря такому разнообразию способов унаследования, половой подбор производит самые разнообразные эффекты. Из них самым важным является половое дифференцирование, а потому я и

остановлюсь на нем несколько подольше, но предварительно нам нужно бросить взгляд на те законы наследственности и изменчивости, которые своим сочетанием в процессе полового подбора производят, по Дарвину, дифференцирование полов, создают так называемые вторичные половые признаки.

Всякий признак, которым обладает один из родителей, стремится воспроизвестись в потомке; иногда он действительно воспроизводится, *развивается* в нем, иногда же только *передается* в скрытом состоянии и развивается уже в потомках детеныша; такая передача без развития может продолжаться неопределенное число поколений, а если передающийся признак был первоначально свойствен обоим родителям, то нельзя указать предела, после которого уже нельзя ожидать его воспроизведения, развития в потомке, отдаленном хотя бы тысячами поколений⁸. Вообще признак, свойственный и отцу, и матери, наследуется сильнее, чем свойственный только одному родителю, и имеет даже тенденцию развиваться с большею силою, нежели он был у родителей⁹. Реверсия или атавизм, т. е. развитие признака, только переданного через родителей, проявляется обыкновенно при рождении, изредка же только передается при рождении, а развивается в более позднем возрасте¹⁰. Если известный

⁸ См.: Дарвин. Прирученные животные и возделанные растения, II, 37.

⁹ См.: Ibidem., II, 23.

¹⁰ См.: Ibidem., II, 39–40, 41.

признак развился у родителя в известном возрасте, то он стремится быть унаследованным в том же возрасте; однако здесь замечается общее стремление развиваться в потомке несколько раньше, чем у родителя¹¹. Не все особи и породы обладают одинаковою силою передачи; одни передают свойственные им признаки преимущественно перед другими. Но от чего зависит это преимущество неизвестно. Некоторые признаки имеют наклонность наследоваться только соответствующим полом, весьма редко только противоположным полом¹², иногда развиваются только в соответствующем, но передаются только чрез противоположный¹³; иногда развиваются в младенчестве в противоположном, а в зрелом преобразуется сообразно соответствующему¹⁴. От чего зависят все эти осложнения случая ограниченной полом наследственности определить нельзя при современном состоянии знания, но вообще самое ограничение находится в соответствии с другим ограничением наследственности. Признаки, развитые родителями в зрелом возрасте, стремятся наследоваться только соответствующим полом, развитые же в ран-

¹¹ См.: *Иб.*, II, 9, 83–84; см. также Дарвина: *Происхождение человека...*, русск. пер. Сеченова, /, 320. Люка держится того же мнения.

¹² См.: Дарвин. *Прир. жив.*, II, 76.

¹³ См.: *Ibid.*, II, 76–77.

¹⁴ См.: Pr. Lucas. *De l'Heredité Naturelle etc.*, I, 196. В подтверждение Люка приводит один пример; но я знаю пример противоположный: девочку, в детстве имевшую сходство с матерью, с возрастом же, если и не ставшею похожей на отца, то воспроизведшей все типичные признаки отцовского племени.

нем возрасте наследуются обоими полами¹⁵; впрочем, по-видимому, первое правило более общо, чем второе¹⁶. Фактические исключения из обоих правил малочисленны¹⁷. Если в известной породе установится ограниченная полом наследственность или наоборот, то одна форма с трудом переходит в другую¹⁸. Этим отчасти могут быть объяснены те аномалии, когда полы дифференцированы в младенчестве; очень может быть, что первоначально полы дифференцировались в более позднем возрасте и этим обусловилось ограничение наследственности полом, но затем, благодаря вышеприведенному закону более раннего развития родительских признаков, дифференциальные признаки в ряде поколений, развиваясь все раньше и раньше, наконец, начали проявляться в детстве, а трудность перехода уже установившейся формы наследственности в другую помешала равному наследованию признаков обоими полами. Противуположные аномалии, – дифференцирования по возрастам при недифференцированных полах – не находят себе подобного объяснения и просто колеблют всеобщность закона ограниченной полом наследственности поздних признаков. Признаки, различающиеся у родителей, в потомках иногда сливаются, иногда же

¹⁵ См.: Дарвин. Происхожд. чел., I, 326.

¹⁶ См.: *Иб.*, I, 328, но оснований подобному мнению Дарвин не приводит, а из Дальнейшего изложения оказывается, что исключений первое правило имеет, пожалуй, и более.

¹⁷ См.: *Иб.*, II, 232, 246.

¹⁸ См.: *Иб.*, II, 177.

неспособны к этому и наследуются либо всецело, либо вообще не наследуются¹⁹. В этом кратком изложении указаны все главные законы наследственности; теперь надо сказать несколько слов о другом факторе – *изменчивости*.

Изменчивость – факт всеобщий; нет двух особей совершенно однородных, никогда дети не походят совершенно на родителей, братья и сестры друг на друга, даже близнец на близнеца²⁰, так что некоторые даже принимают ее за основной закон, подобный наследственности²¹, но это, как показал Дарвин, очевидно, заблуждение, потому что в таком случае пришлось бы признать, что могут быть действия без причины или с причиною сверхъестественной²². Но, как бы то ни было, факт изменчивости всеобщ и потому должен вызываться причинами или условиями столь же всеобщими. К сожалению, биологами не раскрыты еще эти причины с достаточною полнотою; ими подмечено только следующее.

Во-первых, изменчивость порождается скрещиваньем, причем оно действует двумя путями, производя непосредственно новые формы чрез слияние и смешение родительских признаков и усиливая вообще игру изменчивости. Скрещиванье облегчает реверсию, причину многочисленных изменений. *Во-вторых*, всякое изменение условий су-

¹⁹ См.: Дарвин. Прир. жив., II, 97-101.

²⁰ См.: Люка. De l'Her. Nat., I, 97-190.

²¹ См.: Ibid., I, 192, 97 v. особенно 190 и предшествующие.

²² Как и поступает Люка, предполагая особую силу, force или loi d'invention.

существования действует таким же образом, т. е., с одной стороны, ведет к непосредственным уклонениям чрез прямое приспособление, а с другой – вызывает неопределенную игру изменчивости и наклонность к реверсии. *В-третьих*, изменения часто вызываются условиями существования, действовавшими в продолжение ряда поколений на предков, но не проявлявших на них своего видимого влияния²³. Этого случая не должно смешивать с реверсией, которая есть воспроизведение, а не произведение признаков. Вообще, в конечном счете, все можно свести на условия существования, действующие и действовавшие на весь длинный ряд предков, и на скрещиванье как на фактор, различным образом сочетающий и комбинирующий накопленные, хотя часто не развитые влияния условий²⁴. Это касательно причин, об образе же проявления изменчивости надо заметить следующее. *Во-первых*, всякое начавшееся уклонение имеет наклонность продолжать изменяться в том же направлении как в самой уклонившейся особи, так и в ее потомках. *Во-вторых*, особь или порода, раз каким-либо образом изменившаяся, приобретает неопределенную наклонность к изменчивости вообще. *В-третьих*, изменения могут происходить в половых элементах до спариванья, во время развития зародыша и, наконец, в особи уже индивидуализованной. *В-*

²³ См.: Дарвин. Прир. жив., II, 286; см. также у Герб. Спенсера: Основания биологии, I, ч. 2-я, §§ 87, 91.

²⁴ Так Спенсер и поступает, см.: *ibidem.*, I, ч. 2, §§ 91, 97.

четвертых, чем многочисленнее племя, тем более шансов изменчивости²⁵. *В-пятых*, склонность к изменчивости наследственна, причем подобная склонность отца, по-видимому, наследуется сильнее, чем изменчивость матери²⁶. Таковы в общих чертах те два биологических фактора, которые своим взаимодействием под влиянием борьбы за существование, человеческой воли, избирательного полового сродства или непосредственных условий жизни производят органический прогресс посредством ли подбора или чрез прямое приспособление. Нам надо уяснить себе, каковы должны быть последствия их комбинации под влиянием избирательного полового сродства? и какие последствия можно предвидеть от обособленного действия полового подбора или от взаимодействия с другими влияниями?

²⁵ См.: Дарвин. Прир. жив., II, 269.

²⁶ См.: *ib.*, II, 290.

Глава VI

Дифференцирование полов в органическом прогрессе

Выше изложен в общих чертах ход полового подбора при действии простой формы наследственности; теперь посмотрим, какие последствия произойдут от тех осложнений в процессе наследственности, которые мы затем констатировали? В половом подборе, конечно, первоклассную важность имеет ограничение наследственности полом. Под влиянием этого-то закона²⁷, по Дарвину, половой подбор производит

²⁷ Этот закон я принимаю так: ранние уклонения наследуются обоими полами, поздние – только соответствующим. Сам Дарвин, высказав этот закон, оговаривается, что он не думает им исчерпать закон ограничения полом, но не приводит случаев, которые бы прямо противоречили этому закону. В своей гипотезе "пангенезиса" он отказывается объяснить ею ограничение наследственности полом, и действительно, в том виде, в каком он изложен в "Прир. жив.", он не объясним ни гипотезой пангенезиса, ни Спенсеровой гипотезой физиологических единиц. Принимая же связь между ограничением возрастом и ограничением полом, установленную Дарвином в "Происх. чел.", за связь генетическую и постоянную, ограничение наследственности полом найдет себе рациональное истолкование как в Дарвиновой, так и в Спенсеровой теориях. Если ввести в гипотезу Спенсера предположение, что полярность физиологических единиц, заставляющая их располагать органический материал по образцу родительской формы, сообразуется не только с расположением образований родительских в пространстве, но и во времени, причем она в детском организме развивает известное образование *только* после развития образования, которое и в родительском организме

вторичные половые признаки. Посмотрим же на примере, действительно ли это так? и в каких случаях это может иметь место? Итак, возобновим вычисление и будем в него вводить мало-помалу различные осложнения; для начала же предположим, что действует только закон ограниченной полом наследственности, как он изложен у Дарвина в его "Происхождении человека и половом подборе". Мы имеем, положим, 40 000 особей установившегося вида или породы; по-прежнему численное отношение обоих полов одинаково, как 100:100; по-прежнему половина самок раньше созревает и плодовита, т. е. приносит по два детеныша, а другая, малоплодная, приносит по одному; по-прежнему молодые достигают половой зрелости в один год и расстояние половых периодов тоже год; наконец, по-прежнему естественные условия держат вид в одном количестве, не допуская размножаться. После мы введем этот ограничивающий размножение естественный подбор в расчет и рассмотрим, как он отражается и как совершенно видоизменяет эффекты полового подбора, но пока мы для простоты задачи предположим, что борьба за существование действует безразлично на все осо-

предшествовало данному, если мы введем это предположение (а не ввести его нельзя), то придется прийти к заключению, что образования, которых развитие в родительской форме *началось* лишь *после зрелости* половых органов мужских или женских, могут и в детском организме развиваться только после зрелости тех или других органов, а так как особь противоположного пола этими предшествующими не обладает, то и развить последующее не может. В этом же роде можно дать объяснение и пангенетической теории.

би, не препятствуя половому подбору. Затем, конечно, мы предположим, что измененные условия существования вызвали в виде игру изменчивости, которая выразилась, между прочим, тем, что известное количество особей приобрело особую окраску, понравившуюся самкам вида; так как мы рассматриваем действие наследственности, ограниченной полом, то нам полезно ввести гипотезу, что первоначально этот новый признак появился только у одного пола, положим, у самцов. Это уклонение проявилось отчасти в молодости и детстве, отчасти в зрелом возрасте, и для простоты задачи предположим, что этих уклонений произошло поровну, а всего уклонившихся 20 % общего количества приплода, так что выходит 3000 рано уклонившихся и 3000 приобретших уклонения в зрелом возрасте. Нижеследующая таблица показывает результат этого приплода.

	Породы особей	Старое поколение	Приплод	Всего	Выживет
Самцов	неуклонившихся	20 000	9 000	29 000	16 572
"	"	уклонившихся в зрелый возраст	3 000	3 000	1 714
		0	3 000	3 000	1 714
Самок	неуклонившихся плодовитых	10 000	7 500	17 500	10 000
"	неуклонившихся малоплодных	10 000	7 500	17 500	10 000
	Итого	40 000	30 000	70 000	40 000

В последней вертикальной графе выставлено, сколько должно остаться особей разного рода к следующему половому периоду, когда борьба за существование опять приведет вид к его норме в 40 000 особей. Так как с приплодом оказалось 70 000, то выжить должны только $4/7$ особей каждого сорта, сообразно с чем и сделан расчет в предположении, что естественный подбор вовсе не влияет на признак, подбираемый самками. Таков состав первого поколения, в котором появилось предположенное отклонение у самцов; вычислим теперь второе, третье и т. д. до десятого, тогда мы получим нижеследующие таблицы²⁸.

²⁸ Для желающих поверить помещаю вычисления еще двух поколений. *Второе поколение.* Плодовитые самки поспевают к спариванию раньше малоплодных и потому спарятся с самцами более привлекательными, так что все уклонившиеся самцы сойдутся с плодовитыми самками и будут иметь каждый по 2 детеныша, по одному сыну и одной дочери. Остальные 6572 плодовитые самки спарятся с неуклонившими самцами и принесут тоже по 2 детеныша, наполовину самок, наполовину самцов. Так как ранние уклонения наследуются детенышами обоего пола, а поздние только соответствующим полом, то от рано уклонившихся самцов будут и дочери, и сыновья с уклонениями, от изменившихся же в зрелом возрасте только сыновья разовьют отцовский признак, а дочери останутся неизменными, похожими на своих матерей. *Следовательно:* 1) от рано уклонившихся 1714 самцов, спарившихся с плодовитыми самками, родится приплода – 3428 особей обоего пола, все с уклонениями ранними, именно – 1714 самцов, а 1714 самок р[ано] укл[онившихся], 2) от поздно уклонившихся приплод будет такой же, только с тою разницею, что лишь 1714 самцов будут с уклонениями, а 1714 самок не изменятся; 3) остальной приплод будет весь неуклонившийся – самцы и самки, а всего 11 572 самца и столько же самок, но к числу самок надо прибавить 1714 от поздно уклонившихся, получим – 13 286 неуклонившихся самок. Принимая, что $4/7$ всякой породы должны погибнуть, мы получим к следующему периоду размножения: самцов неуклонившихся – 16 082; самцов р[ано]

уклонившихся] – 1959, поздно уклонившихся – 1959; самок неукл[онившихся] – 19 021; самок р[ано] укл[онившихся] – 979. Таков состав второго поколения; вычисление третьего поколения немного сложнее. *Третье поколение.* Его состав обусловится следующим образом. I. Самки, рано уклонившиеся, будут рождены 1) от всех плодовых рано уклонившихся, на каждую по одной – 489,5; 2) от самок р[ано] укл[онившихся] малоплодных – 244,75; 3) от плодовых неукл[онившихся], спарившихся с самцами р[ано] укл[онившимися]; всех плодовых неуклонившихся самок – 9510,5, самцов же р[ано] укл[онившихся] – 1959, причем часть их должна спариться с плодовитыми р[ано] укл[онившимися] по следующему расчету: обозначив чрез x – число спарившихся с р[ано] укл[онившимися] самками, чрез y – с неукл[онившимися], мы будем иметь два уравнения: $y = 489,5; 9510,5 x + y = 1959$ Разрешая их, мы получим для искомого y – 1863, а приплод будет вдвое больше, на половину самок и самцов, т. е. р[ано] укл[онившихся] самок по этому разряду будем иметь именно 1863, а всего = 2587,25, прежних – 979, а помножая на $4/7 = 2037,86$, что и составит контингент самок р[ано] укл[онившихся] в третьем поколении к периоду размножения. – II. Самцов р[ано] укл[онившихся] родится столько же, сколько и самок, т. е. 2587,25, да прежних – 1959, всего – 4546,25, а сохранится = 2597,86. – III. Самцов п[оздно] укл[онившихся] от самок плодовых неукл[онившихся] и самцов поздно уклонившихся, по расчету, который выше приведен для самок р[ано] укл[онившихся] от самок неукл[онившихся] и самцов р[ано] укл[онившихся], так как цифры остаются те же, т. е. 1863, прежних – 1959, всего 3822, сохранится – 2154. – IV. Самцов неукл[онившихся] родится: 1) от плодовых самок н[е]у[клонившихся] и самцов н[е]у[клонившихся], так как на долю самцов уклонившихся отходит этих самок – 3726, то остается – 5784,5, столько же будет и приплоду мужского пола; и 2) от малоплодных неуклонившихся половина всего приплода – 4755,25, всего 10 549,75, старого поколения – 16 082, итого – 26 631,75, а сохранится = 15 218,14. – V. Самок неуклонившихся будем иметь: 1) столько, сколько самцов н[е]у[клонившихся], т. е. 10 549,75, и 2) столько, сколько самцов п[оздно] укл[онившихся] = 1863, всего – 12 412,75, старого поколения – 19 021, итого = 31 433,75, сохранится = 17 692,14. Таков будет состав третьего поколения к периоду размножения. Вычисление следующих поколений совершенно аналогично, за исключением последних, когда число укл[онившихся] самцов начинает превы-

Таблица приплода 10-ти поколений

Порода	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Самцы неукл[онившиеся]	9000	11572	10549,75	9165,5	7426,5	5358,02	3178,69	1882,63	987,89	463,09
" r[ано] укл[онившиеся]	3000	1714	2587,25	3866,15	5600,93	7795,6	10262,87	12086,84	13423,74	14244,63
" n[оздно] укл[онившиеся]	3000	1714	1863	1968,48	1972,57	1846,38	1560,44	1030,53	588,47	292,28
Самки неукл[онившиеся]	15000	13286	12412,75	11133,85	9399,07	7204,4	4737,13	2913,16	1576,36	755,37
" r[ано] укл[онившиеся]	0	1714	2587,25	3866,15	5600,93	7795,6	10262,87	12086,84	13423,64	14244,63
Итого	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000

Таблица состава 10-ти поколений к периоду размножения

Порода	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Самцы неукл[онившиеся]	16572	16082	15218,14	13933,44	12205,68	10036,4	7550,34	5390,27	3641,66	2347,3
" r[ано] укл[онившиеся]	1714	1959	2597,86	3693,72	5311,23	7489,62	10144,28	12703,49	14927,77	16671,09
" n[оздно] укл[онившиеся]	1714	1959	2184	2372,84	2483,09	2473,98	2305,38	1906,24	1425,54	981,64
Самки неукл[онившиеся]	20000	19027	17962,14	16626,28	14871,63	12614,87	9915,43	7330,62	5089,7	3340,04
" r[ано] укл[онившиеся]	0	979	2037,86	3378,72	5128,37	7385,13	10084,57	12669,38	14910,3	16659,96
Итого	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000

Выводы ясны; таблицы красноречивы сами по себе и многих комментариев не требуют. Очевидно, что рано или поздно процесс полового подбора должен вытеснить не только неуклонившиеся формы, не привлекательные для самок, но и поздно уклонившиеся, равно привлекательные, как и ранние уклонения. Такой результат происходит от двух причин: 1) *от абсолютной неравночисленности* размножающихся особей, происходящей вследствие нашего молчаливого допущения, что *только потомки мужского пола поздно уклонившихся особей передают этот признак своим*

шать число плодовых самок, но и тут все разрешается введением новой пары уравнений 1-й степени.

детям. Насколько мы имели право сделать подобное предположение и в каких пределах оно согласно с действительностью, мы разберем немного позже. 2) Вторая причина большей быстроты размножения рано уклонившихся особей заключается в том, тоже молчаливо допущенном условии, что в то время как потомки рано уклонившихся особей все наследуют родительский признак, *между потомками поздно уклонившихся часть, происшедшая от спариванья с рано уклонившимися самками, увеличивают собою ряды не отцовской, а материнской породы.* Основания для этих допущений мы сейчас рассмотрим, но если они правильны, то становятся вполне понятны результаты наших вычислений, что станет еще нагляднее из нижеследующих таблиц плодovitости и приращения разных пород. Общее число рождений в нашем гипотетическом виде 30.000 особей при численности всего вида в 40.000, так что на 100 особей всех пород рождается приплода 75 детенышей всех пород. Таков % рождаемости нашего вида вообще, а вот таблица рождаемости каждой породы, вычисленная для каждого поколения.

На 100 взрослых особей каждой породы рождается:

I.	рано уклонившихся	поздно уклонившихся	неуклонившихся
II.	200,00	100,00	67,97
III.	176,0823	95,0995	65,4
IV.	166,798	90,132	61,1785
V.	160,142	83,131	55,098
VI.	149,347	74,35	46,394
VII.	137,856	63,074	34,938
VIII.	119,328	44,701	27,457
IX.	105,811	30,872	20,153
X.	95,4375	20,5031	13,836

Уже с первого шага очевидно, что борьба двух подбираемых форм неравная; во втором поколении рождаемость одной вдвое превышает рождаемость второй, в третьем и четвертом немного менее, чем вдвое, в пятом почти вдвое, а начиная с VI неравенство все возрастает, достигая наконец в X своего maximum'a, именно без малого в пять раз. Вот *сравнительная* рождаемость, вычисленная сообразно предыдущей таблице:

На 100 особей рано уклонившихся рождается:

	поздно уклонившихся	неуклонившихся		поздно уклонившихся	неуклонившихся
I.	-	-	VI.	49,783	31,065
II.	50,000	33,985	VII.	47,189	25,488
III.	54,582	36,578	VIII.	37,554	23,014
IV.	54,039	36,578	IX.	29,188	19,052
V.	51,132	34,381	X.	21,474	14,492

Если же возьмем в расчет, что вдобавок существует и абсолютное неравенство размножающих то и другое уклонение особей, то легко поймем быстроту процесса вытеснения одной формы и преобладания другой, хотя обе формы были первоначально равночисленны и равно нравятся и подбираются самками.

Теперь нам надо припомнить те осложняющие влияния некоторых законов изменчивости и наследственности, которыми мы в начале пренебрегли, и рассмотреть, не видоизменяют ли они действие закона ограниченной полом наследственности в том упрощенном виде, в котором мы прилагали ее к нашей гипотезе. Переберем все возражения, которые, с этой точки зрения, можно сделать против гипотезы, а следовательно, и против доказательности вычисления. Прежде всего, могут сказать, вы предполагаете в самом начале невозможное, что игра изменчивости вызвала у одних лишь самцов такой значительный % однородных уклонений, как 6 000 из 15 000 родившихся самцов. Конечно, *такой % уклоне-*

ний в действительности невероятен, но уклонение 2-х, 3-х или даже десятка самцов без одновременного уклонения самок весьма возможно, так как самцы вообще значительно изменчивее. Если же это возможно, то, сохраняя остальные условия, результат вычисления останется тот же; только нам для наглядности пришлось бы вычислить не 10, а, быть может, 110 поколений, потому что поздно уклонившиеся продолжали бы размножаться гораздо дольше. С другой стороны, предположение появления уклонений не только у самцов, но и у самок тоже не изменило бы конечного результата вычисления. Поздно уклонившиеся самки вовсе не повлияли бы на него, передавая свои уклонения только самкам и, не будучи подбираемы, вероятно, скоро исчезли бы; рано же уклонившиеся самки только ускорили бы процесс. Следовательно, незаконное преувеличение вероятного числа уклонения самцов от нормального типа оказывается вовсе не таким незаконным, потому что только ускоряет ход процесса, а так как мы наблюдаем только качественную, а не количественную сторону процесса, то такое предположение оказывается вполне целесообразным. Могут еще возразить, что гипотеза равного числа уклонений в раннем и зрелом возрасте тоже не совсем вероятна; с этим нельзя не согласиться отчасти. Изменчивость, действительно, по-видимому, вызывает большее число уклонений в раннем возрасте, чем в зрелые годы. Это можно заключить *a priori*, сообразив вероятное действие причин изменчивости. Соотносительная изменчивость толь-

ко следует за другими изменениями и, таким образом, для вопроса значения не имеет. Упражнение и неупражнение частей и органов, вероятно, произведет большее действие в зрелом возрасте. Прямое и определенное действие условий, вызывающее приспособительные процессы, действует равно на взрослых и малолетних, но последние необходимо менее устойчивы, и потому едва ли не наибольшее число уклонений вызовет этот деятель в молодых особях²⁹. Реверсия, одна из причин изменчивости, обыкновенно проявляясь при рождении, значительно реже развивается в более позднем возрасте; неопределенная игра изменчивости, вызываемая изменением условий существования или скрещиваньем, действует тремя путями, которым Дарвин придает, по-видимому, одинаковое значение: изменения, претерпеваемые половыми элементами до оплодотворения, изменения зародыша в период утробной жизни, изменения особи уже индивидуализировавшейся – вот эти три разряда уклонений. Первые два, очевидно, произведут уклонения, проявляющиеся уже при рождении, третий же, по причинам, вышеприведенным для определенного действия условий, вероятно, будет деятельнее в молодости, чем в более зрелые годы. Таким образом, едва ли вероятно, чтобы порождалось одинаковое число изменений ранних и поздних; если бы мы предположили, что весь приплод доживет до зрелости, то очень невероят-

²⁹ Дарвин, между прочим, на стр. 427 II тома "Прир. жив." говорит о раннем возрасте организма, что в это время *"он всего более способен изменяться"*.

но, чтобы после этого появилось такое же число уклонений, как при рождении и в молодости, а так как мы предполагаем, что естественный подбор безразлично относится к нашему признаку, то тоже нет никакого основания предполагать, чтобы особей с уклонениями ранними погибло бы больше, чем особей, носящих в себе наклонность развить уклонение в зрелом возрасте. Если же это так, то несомненно, что принятое нами условие равного числа ранних и поздних уклонений неверно, но как должна отразиться наша поправка на ходе и характере процесса? Ясно, что она ускорила бы его, не изменяя его характера.

Далее, невероятно, чтобы изменчивость ограничилась только одним поколением, а затем уже предоставила наследственности и половому подбору распределять, стирать или распространять порожденные ею признаки. Раз вызванная к действию, она произведет, конечно, уклонения и во II, III и т. д. поколениях, причем, с одной стороны, она будет в потомках неуклонившихся особей развивать подбираемый признак, с другой – лишать его потомков особей уклонившихся; из этих двух тенденций первая, вероятно, возьмет верх, потому что раз начавшаяся изменчивость имеет наклонность скорее развиваться в ту же сторону, чем в противоположную. Так как, конечно, нет никакого основания предполагать, чтобы в следующих поколениях уклонения распределялись по возрастам иначе, чем в первом (средним счетом они должны распределяться одинаково), то продол-

женное действие изменчивости будет только мультиплицировать эффекты наследственности и подбора; процесс только ускорится и облегчится, не изменяя ни направления, ни конечного результата. Но склонность раз начавшейся изменчивости развиваться в том же направлении должна выразиться еще в усилении у потомков уклонившихся особей родительского признака; здесь надо принять во внимание два закона. *Во-первых*, изменчивость проявляется сильнее в более многочисленных породах, вследствие чего надо предполагать, что рано уклонившиеся индивиды произведут большее число усиленных уклонений, которые, вероятно, установят градацию привлекательности между самими уклонившимися особями. *Во-вторых*, несколько ослабляет значение этого соображения закон наследственной изменчивости: отцовская изменчивость наследуется сильнее материнской, так что рано уклонившиеся особи произведут потомков с усиленными уклонениями, хотя и больше, нежели поздно уклонившиеся, но непропорционально своему численному превосходству. *Во всяком случае*, осложнения процесса, порожденные установлением степеней привлекательности, не отразятся на процессе подбора изменением его окончательно результата и даже, по-видимому, будут благоприятны ранним уклонениям и, таким образом, ускорят процесс. Итак, рассмотрев те нарушения законов изменчивости, которые допущены были в нашей гипотезе, мы видим, что введение этих условий только значительно осложнило бы вычисление,

не изменив ни конечного результата, ни характера процесса: одни условия отдаляют, другие приближают разрешение, исход борьбы разных пород. Переходим к рассмотрению нарушений законов наследственности.

Самым крупным возражением с этой стороны против доказательной силы вышеприведенных таблиц, несомненно, является закон *передачи* признаков без *ихразвития*, так что потомки женского пола поздно уклонившихся особей могут *передавать* своим сыновьям признаки своих отцов, их дедов. Это несомненно; но весьма важно знать, передаются ли они с *такою же* силою, как в случае, когда эти признаки не только передаются, но и *развиваются матерью*. Этого не должно быть, и вот на каких основаниях. Развитие известных признаков у внуков, когда у дочери их не было, принадлежит, конечно, к разряду случаев реверсивных. Это уже сразу должно указать ее меньшую силу, сравнительно с прямым унаследованием. Дарвин говорит³⁰: "Обстоятельства, вредящие наследственности, насколько мы их знаем до сих пор, суть ... скрещиванье различных разновидностей в каком-либо из предыдущих поколений вместе с реверсией, или атавизмом, т. е. стремлением потомков походить на своих *дедов* или даже более отдаленных предков, вместо непосредственных родителей". Тут Дарвин рассматривает реверсию только как фактор, колеблющий наследственность. Еще яснее он выра-

³⁰ Прир. жив., II, 28.

жается когда пишет³¹: "В общем итоге можно сказать, *что наследственность – правило, изменчивость – исключение*. В некоторых случаях известный признак не наследуется потому, что окружающие условия прямо противятся его появлению; в других случаях потому, что эти условия постоянно вызывают новые отклонения... В остальных случаях *это отступление может быть приписано возвращению к дедовскому или еще более отдаленному типу*". Итак, передача дедовского признака, не развитого самою особью, есть только отступление от общего правила; унаследование же признаков непосредственных родителей и есть это общее правило. Кроме того, реверсия бывает 2 родов: а именно, реверсия, появляющаяся у разновидностей или племен, которые не были скрещены и утратили, вследствие вариации, какой-либо признак, которым обладали прежде и который вновь появляется впоследствии. Второй отдел заключает в себе все те случаи, в которых *"известная особь, разновидность, племя или вид были скрещены в какой-либо прежний период с отличною формою, и признак, заимствованный от этого скрещивания и исчезнувший в течение одного или нескольких поколений, вдруг появляется вновь"*³². Очевидно, наш случай относится ко второму отделу, про который далее Дарвин говорит³³, что невозможно указать, чрез сколько поколе-

³¹ *Иб.*, II, 404.

³² *Ibidem.*, II, 30.

³³ *См.*: *Ibid.*, 11, 38.

ний стремление к реверсии исчезает, но прибавляет, что это рассуждение не должно применять к первому отделу, когда реверсия может проявиться чрез неопределенно долгое время. Ясно, значит, что если и вообще реверсия только фактор частный, исключение из общего правила унаследования родительских признаков, то второй отдел ее как проявляющийся слабее во времени должен рассматриваться как еще более исключительный. То обстоятельство, что этого рода реверсия невозможна после определенного ряда поколений, доказывает, что наследственность от одного родителя имеет склонность ослабевать с каждым поколением, пока, так сказать, не выветрится совершенно; значит, она должна отчасти ослабеть уже во втором поколении. Из этих соображений следует, что поздние уклонения самцов, не наследующиеся самками, хотя и должны передаваться ими своим сыновьям, но непременно слабее, чем ранние уклонения, которые в самках не только передаются, но и развиваются. Но если это справедливо, т. е. если сила передачи потомков женского пола, происшедших от поздно уклонившихся самцов, слабее силы, с которою самки передают уклонения, унаследованные ими от рано уклонившихся самцов, то окончательный исход процесса будет тот же, как если бы дочери поздно уклонившихся вовсе не передавали бы своим сыновьям признаков своих отцов. В самом деле, мы знаем, что преобладание ранних уклонений в нашем вычислении зависит: 1) от того, что с кем бы ни спарились рано уклонившиеся сам-

ки, они произведут потомство рано уклонившееся, даже от самцов поздно уклонившихся, хотя, быть может, в этом случае данный признак будет ярче у детенышей мужского пола; и 2) от того, что вообще число особей, передающих ранние уклонения, уже со второго поколения больше числа особей, размножающих поздние уклонения. Изменятся ли эти два условия от введения нового соображения? Первое, конечно, не изменится, второе же претерпит изменение только частное, но не будет совершенно парализовано, потому что только часть дочерей поздно изменившихся воспроизведет в своих сыновьях отцовский признак, а с другой стороны, часть этих дочерей спарится с самцами рано уклонившимися и произведет потомков обоего пола рано уклонившихся. Это ведет нас к убеждению, что даже если бы все дочери поздно уклонившихся передавали сыновьям данный признак, то и тогда исход борьбы в пользу ранних уклонений был бы неизбежен; *во-первых*, потому, что ранние уклонения многочисленнее поздних, *во-вторых*, даже при гипотезе равного числа уклонений *все особи* рано уклонившиеся, и мужского, и женского пола, оставят потомство *обоего пола* рано уклонившееся, тогда как *часть* особей, передающих поздние уклонения, произведет потомство обоего пола уклонившееся, хотя, вероятно, не в равной степени. Таким образом, даже при самых невозможно благоприятных условиях, при предположении равночисленности ранних и поздних уклонений, при предположении равенства силы передачи без унаследования

и силы непосредственной наследственности, все же оказывается, что раз начавшееся уклонение, подвергаясь действию полового подбора, неизбежно распространяется на оба пола и пренебреженный нами закон передачи признака через дочерей внукам только замедляет процесс, не влияя на его исход.

Мы должны теперь ввести в нашу гипотезу еще два закона наследственности, нами пренебреженные для упрощения задачи. *Первый закон:* признак, которым обладают оба родителя, передается постоянно и притом стремится усилиться в потомстве. То, что он передается постоянно, важно, ибо доказывает, что унаследование ранних уклонений потомством тех пар, где и отец, и мать уклонившиеся, прочнее унаследования поздних уклонений. Но еще важнее усиленное развитие признака, потому что это устанавливает в среде уклонившихся степени привлекательности; мы видели, что подобная градация вызывается самою изменчивостью и что есть Основание предполагать, что она будет благоприятна ранним уклонениям. Вводимый теперь нами закон наследственности делает это несомненным. Вследствие этого половой подбор, который мы предположили равно благоприятным для ранних и поздних уклонений, вмешается в процесс борьбы двух форм наследственности и склонит победу на сторону ассоциации обоих полов против их дифференцирования. Относительно вопроса, не будет ли спариванье поздно уклонившихся с дочерьми поздно уклонившихся производить такие

же последствия? – ответ будет несомненно аналогичный вышесделанному: да, последствия будут такие же, но в меньшей степени как по качеству, так и по количеству.

Второй, опущенный нами закон наследственности – стремление признака развиваться в потомках несколько раньше, чем в родителях и предках. Это, конечно, значительно облегчило бы процесс ассимиляции, если бы не мешала тому трудность перехода (а не вытеснения – это надо различать) одной формы наследственности в другую. Но так как возможность такого перехода отрицать нельзя, то мы можем с некоторой вероятностью заключить, что, сочетаясь с другими вышепоименованными факторами, этот закон может содействовать ускорению процесса, который произошел бы и без него. Итак, все рассуждения ведут нас к тому, что наше вычисление соответствует вообще характеру процесса, который совершился бы при взаимодействии всех условий, нами опущенных и измененных. Восстановление одних из них замедляет, введение других ускоряет ход процесса, но ни один из опущенных деятелей не изменяет исхода процесса, так что мы приходим к тому конечному выводу, что половой подбор, предоставленный самому себе, вообще стремится изменить всю породу без различия пола и даже, пожалуй, ведет скорее к ассимиляции, чем к дифференцированию полов.

Дарвин держится, по-видимому, другого воззрения³⁴:

³⁴ Происхождение человека и половой подбор, I, 340.

"Возьмем пару животных, не особенно плодовитых, не особенно бесплодных, и предположим, что они живут средним числом 5 лет, по достижении половой зрелости, производя ежегодно по 5 детенышей. Они произведут, таким образом, потомство в 25 штук; и я полагаю, что немного удалюсь от истины, если сделаю предположение, что из 25 неделимых погибнет 18 или 20 штук, не достигнув зрелости, в период юности и неопытности; остающихся же 7 или 5 неделимых будет достаточно для поддержания колена зрелых особей. При таком предположении легко видеть, что изменения, случившиеся в юности, напр. в отношении красоты и не приносящие молодому животному никакой выгоды, будут иметь шансы быть утраченными впоследствии. Наоборот, подобные же изменения, появившиеся во время или около зрелости на сравнительно меньшем числе неделимых, доживших до этого возраста, которые непосредственно приносят пользу самцам, делая их более привлекательными для самок, легко сохраняются". Ошибочность этого рассуждения, после всего вышеизложенного, очевидна. *Во-первых*, если не принять во внимание естественного подбора (которого Дарвин в этом месте не берет в расчет), то нет оснований предполагать, что расположенных к изменчивости в зрелости выживет больше, чем изменившихся в юности, а между тем Дарвин это подразумевает, и, *во-вторых*, что касается полезности украшений зрелым самцам и бесполезности молодым, то едва ли по этому поводу можно говорить о влиянии

неупражнения, вследствие чего они, дескать, могут их и потерять, потому что ведь и взрослые, хотя и пленяют ими самок, однако трудно это пленение назвать упражнением. Относительно вооружения с этим еще можно бы было согласиться, если бы молодежь не упражняла их в играх. Во всяком случае, впрочем, эта небольшая разница, если и существует, покрывается с лихвою большим количеством ранних уклонений, и мы, быть может, должны прибавить одну причину к списку деятелей, замедляющих неизбежный исход полового подбора, когда он предоставлен самому себе. Сам Дарвин отказался, по-видимому, от вышеприведенного аргумента³⁵, но все же в продолжении всего сочинения поддерживает мнение, что именно половой подбор производит вторичные половые признаки, и постоянно оспаривает мнение Уоллеса о естественном подборе как причине дифференцирования полов. Это нас ведет к рассмотрению вопроса о влиянии естественного подбора на половой подбор, вопроса, выше нами отложенного для простоты задачи. Дарвин высказывает следующий взгляд на значение естественного подбора как начала, осложняющего эффекты полового подбора: "Многие из признаков, свойственных взрослому самцу, были бы положительно вредны молодым, так как яркая окраска делала бы их более видными для глаз неприятеля, большие рога требовали бы большего расхода сил"³⁶. Вследствие

³⁵ См.: *Иб.*, II, стр. 1.

³⁶ *Иб.*, I, 134.

этого естественный подбор имеет общую тенденцию уничтожать особей, приобретающих в раннем возрасте какие-либо особые украшения или вооружения, потому что если вооружения и полезны взрослой особи не только в соперничестве из-за самок, но и в борьбе за существование, то для молодых особей они не могут принести пользы в борьбе за существование по их слабости, а между тем закон экономии роста дает преимущество особям, не имеющим их. Таким образом, часто естественный подбор действует вовсе не безразлично на признаки, подверженные половому подбору; благодаря его влиянию, поздние уклонения получают громадное преимущество, особенно у пород, истребляемых многочисленным неприятелем. Но этим истреблением в молодости рано уклонившихся особей не ограничивается естественный подбор; он часто и в зрелом возрасте преследует уклонения, подбираемые самками. Правда, относительно самцов здесь равно гибнут оба разряда особей, с поздними и ранними уклонениями, и эта гибель равно вознаграждается половым подбором, но относительно самок этого сказать нельзя: 1) потому, что передающие поздние уклонения самки остаются сами без уклонений и не преследуются естественным подбором и 2) потому, что гибель самок не вознаграждается их подбором. Большая слабость самки, критические периоды вынашивания и выкармливания детенышей составляют новый ряд фактов, способствующих устранению всяких невыгодных для жизни уклонений у самок. Этим путем совер-

шенно видоизменяется характер и исход процесса полового подбора, и получается в результате дифференцирование полов, вторичные половые признаки. Ни естественный подбор сам по себе, ни половой подбор независимо от естественного не произвели бы этого дифференцирования, но их сложное действие часто приводит к этому неизбежным путем, именно: во всех случаях, когда признак, распространяемый половым подбором, устраняется естественным подбором. Тот же результат должен произойти, если бы признак, распространяемый половым подбором, искоренялся прямым действием условий жизни.

Влияние прямого действия условий жизни на ход и исход полового подбора тем важно, что оно может произвести дифференцирование полов не только противодействуя, но и содействуя половому подбору, именно: когда чрез упражнение, вынужденное новыми условиями жизни, какая-нибудь часть организма получает большее развитие, и эта гиперестезия понравится самкам. Может случиться, что особые условия жизни самцов произведут и другие изменения самцов только в зрелом возрасте, а половой подбор распространит их.

Итак, резюмируя наше предварительное рассуждение о половом подборе вообще, мы можем сказать: половой подбор зависит от взаимодействия законов изменчивости, наследственности и полового инстинкта, управляемого эстетическим вкусом, при условии неравночисленности полов, абсолютной или только условной, как при полигамии или

неединовременном созревании самок. Последнее условие есть условие только отрицательное, и та или другая форма его не влияет на процесс, но присутствие которой-либо из них необходимо; иначе половой подбор не может начать своего действия. Вообще половой подбор имеет склонность изменять всю породу без различия пола; предоставленный самому себе, он не ведет к дифференцированию полов. Этот результат получается, когда он сталкивается в своем развитии с естественным подбором или прямым влиянием условий; в том и другом случае чрез устранение ранних уклонений, а также женских уклонений получает преобладание наследственность, ограниченная полом. К тому же результату может привести и согласное действие условий и полового подбора, именно: когда условия влияют только на один пол и в зрелом возрасте. Впрочем, в этом последнем случае, дифференцирование только ускоряется половым подбором, а производится прямым, определенным действием условий.

Глава VII

Половой подбор в браке

Изложив, таким образом, в общих чертах способ действия полового подбора и его последствия в органическом прогрессе, посмотрим, насколько он может быть почитаем фактором, действующим и в общественной жизни, деятелем и социального прогресса. Прежде всего мы знаем, что он не представляет простого деятеля, порождаемого каким-либо *одним* биологическим законом, а является сложным, иногда запутанным результатом сложного и запутанного действия нескольких биологических законов под давлением особых условий и сил. Сами законы наследственности и изменчивости, конечно, действуют и в социальной жизни, но вопрос не в их компетентности, а в осуществимости того их сочетания, которое называется половым подбором. Сочетание это происходит под влиянием стимула, управляющего спариванием особей и под условием неравночисленности спаривающихся, абсолютной или относительной. Эти-то два условия полового подбора изменяют свой характер с возникновением общественной организации.

Абсолютной неравночисленности полов, настолько значительной, чтобы она могла проявить свое влияние на способ спаривания, мы вправе ожидать только у некоторых дика-

рей, где существует обычай убивать новорожденных девочек или же где кровопролитные войны истребляют мужчин; относительная неравночисленность встречается повсюду, где распространена полигамия; таким образом, оба эти условия встречаются только на низших ступенях цивилизации. Что же касается неравновременного созревания здоровых и плодovitых и слабых неплодородных женщин, то это не может быть применимо к человеку, потому что у женщин, как известно, нет особых в году половых периодов, к которым одни могли бы приготовиться раньше, другие позже. Брать во внимание то обстоятельство, что здоровые девушки вообще достигают, вероятно, раньше других половой зрелости, нельзя уже потому, что зрелость мужчин наступает позже, чем у женщин. Следовательно, руководствуясь теми условиями полового подбора, которые нами выше определены, мы должны заключить, что рамки действия полового подбора в обществе весьма ограничены, но прежде, чем принять окончательно этот вывод, мы должны рассмотреть, не может ли неравночисленность полов быть заменена особым способом спариванья и социальные условия, относящиеся к сближению полов, не могут ли играть роль этого естественного условия? Для этого мы рассмотрим по отношению к нашему вопросу различные способы спариванья, господствующие в человеческих обществах. Первобытный способ спариванья человека мало чем отличался от способа спариванья низших животных и до вмешательства в межполовые отношения го-

сударства и религии прошел несколько ступеней развития, известных этнологам под именем коммунального брака, полиандрии, полигамии умычкой (увода). Когда, наконец, государство большею частью под влиянием религии начало регулировать межполовые отношения, то этим создались две, с общественной точки зрения, различные формы спариванья: законная, или брак, и незаконная. Дальнейшее развитие начало различать различные незаконные формы – конкубинат, или незаконное сожитительство, прелюбодеяние, или тайная незаконная связь, и проституция, связь развратная. Законная форма тоже весьма сильно разнообразится, смотря по народам, эпохам и степеням цивилизации. Поочередно мы разберем значение каждой формы для полового подбора; мы должны определить, чем обусловливается каждый из этих способов спариванья и как отражается он на составе следующего поколения?

Брак — общепризнанная и самая распространенная форма спариванья. Насколько эта форма спариванья преобладает над остальными, можно судить по следующему вычислению, сделанному для России по "Военно-статистическому сборнику". В европейской России с 1820 по 1860 год общее число браков равнялось 17 934 580, так что средним числом ежегодно их совершалось за этот период 448 364. С другой стороны, с 1804 по 1844 родилось всего детей обоего пола 67 973 801; по "Воен. – стат. сб." из каждой 1 000 родившихся дожило до 15 лет 548, до 20 – 529, поэтому мы не

сделаем ошибки, если для 16 лет возьмем 544. В таком случае за весь период 1820 – [18]60 гг. достигло 16-тилетнего возраста всего 36 976 747 лиц обоого пола, а ежегодно средним числом = 924 418. При отношении женщин к мужчинам как 102,5: 100 мы будем иметь для одних женщин цифру 467 916 ежегодно достигающих 16-ти лет. Такова ежегодная прибыль невест, а убыль их выходом замуж = 448 364, разность 19 552 показывает число девушек, достигших зрелости, ежегодно не находящих себе женихов. Предполагая между ними такую же смертность, как и в остальном женском населении, мы получим для рассматриваемого сорокалетнего периода среднюю цифру девушек чадородного возраста, не нашедших себе законной пары = 435 523. К этому надо прибавить число молодых вдов, и тогда мы будем иметь число женщин, по необходимости выходящих на путь незаконных половых отношений. Уже видна ничтожность влияния незаконных форм спариванья на состав поколений в России; число незаконнорожденных в России = 3,56 % общего числа рождений. Для западноевропейских государств у г. Янсона³⁷ находим данные об относительной численности не вступивших в брак девушек. Всех таких девушек, старше 20-тилетнего возраста, числится (в процентах в общей численности):

³⁷ Сравнительная статистика, I, 93–98.

Швейцария	21,5%	Австрия (Цисл.)	16,1%
Португалия	21,0%	Дания	16,1%
Бельгия	20,50%	Франция	13,9%
Швеция	18,4%	Италия	13,8%
Голландия	18,0%	Испания	13,5%
Англия	16,7%	Греция	5,7%
Норвегия	16,6%	Венгрия	3,0%
Германия	16,2%		

Имея в виду, что в Западной Европе сравнительно незначительный процент девушек вступает в брак раньше 20-ти лет, мы должны будем согласиться, что все эти данные достаточно ясно показывают первенствующее значение в социальной жизни законной формы спаривания; очевидно, именно ее последствия будут, главным образом, определять состав будущих поколений. Поэтому-то нам необходимо подольше и повнимательнее остановиться на выяснении себе способа действия этой формы.

Разнообразие форм брака в различных обществах и на различных ступенях исторического развития одного и того же общества особенно усложняет изучение биологического значения этого института. Первобытную форму брака более или менее единодушно все лучшие этнологи и антропологи (Тайлор, Леббок, Мак-Леннан и др.) признают так называемый *коммунальный брак*, когда, собственно говоря, никакого брачного установления не было и половые отношения обуславливались влечением и силой. Очевидно, на этой ступени еще не может быть и речи о влиянии социальных деятелей, потому что, если и были зачатки общества, это

общество еще не вмешивалось в половые отношения мужчин и женщин и даже не влияло на них своим нравственным авторитетом. Здесь остались еще в полной силе и действии, почти без всякого ограничения или усложнения социальными влияниями деятели органические, и, конечно, половой подбор мог иметь место при благоприятных условиях, т. е. при неравночисленности полов. Неравночисленность полов также весьма вероятна, если принять во внимание довольно распространенный в эту пору обычай детоубийства, преимущественно девочек. Этот обычай, являясь содействователем органического прогресса, вместе с тем вызвал изменение форм брака. Истребление девочек в среде племени должно было произвести оскудение женщин и оставить, быть может, многих мужчин без возможности спариться. Такое положение в различных племенах вызвало различные последствия: одни обратились к полиандрии, которая у них сменила, таким образом, коммунальную форму; другие стали похищать женщин из других племен. Похищенная и уведенная силою, конечно, принадлежала уже исключительно похитившему, а не целому племени; такое преимущество брака с чужеземкой должно было распространить обычай похищения, причем каждый, натурально, старался увести столько женщин, сколько мог похитить и прокормить. Таким образом, в этих племенах параллельно, и друг друга обуславливая, развились полигамия и обычай экзогамии (экзогамия – брак с иноплеменницею); эта форма брака, господ-

ствующая ныне у низших племен и некогда преобладавшая и у арийцев, объясняется необходимостью похищения, брака уводом или умычкой, вызванного оскудением женщин племени, а с другой стороны, их относительною самостоятельностью, столь противоположную полному подчинению иноплеменниц. Этим-то способом из одного источника, коммунального брака, развились две совершенно противоположные формы: *полиандрия*, сопровождаемая обыкновенно *эндогамией* (брак с соплеменницею) и *полигамия*, сопровождаемая обыкновенно *экзогамией*. Трудно даже приблизительно сообразить, какой % первобытных племен пошел тою, а какой – иною дорогою; но достоверно только то, что в племенной борьбе за существование решительный верх взяли племена, пошедшие второю дорогою, принявшие брак уводом со всеми его последствиями. Есть много доказательств тому, что прежде полиандрия вовсе не была такою редкостью, как ныне, и что потому мы не имеем права утверждать, что обращение коммунальной формы в полиандрическую было только частным исключением, а общим правилом являлся переход к экзогамичной полигамии, к браку умычкой. Такой авторитет, как Мак-Леннан, предполагал даже, что полиандрия была общим правилом, но Дж. Леббок опровергнул это мнение. Однако чем же объяснить такую повсеместную победу полигамичных племен над полиандричными? Мне кажется, это было делом органического прогресса, но уже обусловленного социальными деятелями. Половой подбор так же, как

и естественный, способствовал этому. При браке умычкой фактором, управляющим спариванием, являются сила, хитрость, энергия мужчины; чем мужчина сильнее, хитрее, деятельнее, ловче, тем большее количество женщин он будет в состоянии похитить и содержать и тем многочисленнейшее оставит потомство; таким образом, племена, принявшие полигамию уводом, должны были подбираться по силе, энергии и т. д. – качествам, столь же важным в борьбе за существование, как и в борьбе за женщину. Совершенно наоборот в эндогамичной полиандрии: здесь управляет спариванием предпочтение женщины, решающим элементом является привлекательность мужчины, и какое бы она ни имела значение в соперничестве за женщину, она не дает никакого преобладания в борьбе за существование. Таким образом, различные социальные брачные обычаи повлияли так, что половой подбор в одном случае размножал силу и энергию, в другом – красоту; естественно, что при столкновении последние должны были потерпеть поражение, особенно если принять в расчет большую быстроту размножения при полигамии, чем при полиандрии. Таким-то путем половой подбор расчищает поле для действия естественного подбора, когда наступит момент борьбы различных обществ за существование. Неравенства качественные и количественные, порожденные различиями в форме спариванья, принятой в том или другом обществе, – вот что решает исход их борьбы. Но независимо от полового подбора эти неравенства создают-

ся непосредственным влиянием биологических законов наследственности и скрещиванья; обычай эндогамии, повсюду сопровождавший полиандрию, вел к тесному скрещиванию, а тесное скрещивание одноплеменных особей при немногочисленности первобытных обществ должно было раньше или позже выказать все свои последствия, т. е. уменьшенную плодовитость и физическое вырождение, которое кончается вымиранием племени. Но даже не доводя процесса до этого последнего результата, уже средние термины его, малоплодность и ослабление организма, Дают громадный перевес враждебным племенам. Таким образом, под влиянием органического прогресса получила повсеместное преобладание полигамия умычкой с вытекающим отсюда порабощением женщин. В своем первобытном грубом виде форма эта господствует еще и ныне у австралийцев, некоторых полинезийцев и негров; остатки и следы этой формы можно проследить почти у всех племен земного шара, так как потомки полиандричных племен составляют ничтожное меньшинство. У арийцев, предков нынешних европейцев, форма эта существовала, по-видимому, как общее правило; многие из славянских этнографов не желают допустить этого относительно славян, толкуя различным образом известные места у Нестора. Другие, которые даже допускают, что умычка была похищением, вероятно, возмутились бы, если бы ее поставили наряду с безобразными и варварскими обычаями каких-нибудь папуасов или негров. А между тем все за-

ставляет думать, что у наших предков господствовала именно эта грубая форма похищения. Я не буду говорить о неизбежной преемственности форм брака, и что самое признание похищения, хотя бы без грубого насилия, ведет за собою неизбежное заключение, что ему предшествовали более варварские обычаи, когда племена были более отчуждены; что существование смягченной формы доказывает, что славяне выбрали не полиандрию, а брак уводом и что потому во время их перехода к этой форме они должны были пройти ту степень развития, которая неизбежно лежит между исходною и конечною. Наконец, мне кажется, анализ самого текста Несторовой летописи показывает правильность этих заключений.

Описывая брачные обычаи у славян, Нестор следующим образом характеризует их у различных племен. Про древлян он говорит: "Браци у них не бываху, а оумыкивахоу себе девиц оуводы; имеху же по две и по три жены". Про северян, радимичей и вятичей он выражается иначе: "Браци у них не бываху", разумея, конечно, правильный, по его понятию, брак, а были, продолжает он, между сел игрища и плескованья, и на них-то они "оумыкивахоу себе жен, с нею же кто свещашеся". У полян обычаи описываются еще иначе, но для нас они не важны; остановимся на тексте "оумыкивахоу себе девиц оуводы" и уясним себе его филологически. Принято слово *оумыкивахоу* переводить "похищали", но я не знаю, есть ли филологическое объяснение этого сло-

ва, а между тем мне кажется, что это объяснение пролило бы особенный свет на предыдущую историю брака у славян. В самом деле, "оумыкивати" есть термин, применяемый исключительно к похищению жен, а если так, то не должен ли он по своему корню означать либо форму, либо обстоятельства похищения, либо вообще что-нибудь относящееся к браку? Постараемся же отыскать значение корня *оумыкивати*; отбросив суффиксы – "ива" и "ти" и префикс "оу", получим корень "мык". В русском языке мы находим этот корень в словах: *мыкать* (жизнью, горе), *горемыка*, *помыкать*, *прес(д)мыкаться* и др. Безотрадное значение корня очевидно. Принимая во внимание, с одной стороны, это значение, а с другой – чередование в древнеславянском языке звукии носовых ?и? (камы, ?н?), мы легко перейдем к другой группе слов того же корня мука (корень м?к), мучить, при-мучивать и т. д. Если, что весьма вероятно, и древнерусское "оумыкивати" того же корня, то по-русски оно переведется *умучивать*. – Между тем мы знаем, что там, где существует форма брака похищением, там подобное выражение получи-ло бы вполне действительный, хотя и печальный смысл. Австралийцы похищают своих жен грубым насилием, действительно *умучивают*. Вот несколько примеров: "В Сиднее, – говорит Леббок³⁸, – несчастных женщин стараются украсть в отсутствие их покровителей. Их сперва оглушают ударами

³⁸ Дж. Леббок. Начало цивилизации и первобытное состояние человека, рус. перев., гл. III, 63–64.

по голове, по спине и плечам, затем окровавленных тащат в лес за руку с такою силою и быстротою, что надо удивляться, как им не вывихнут руки. Похититель не обращает внимания на попадающиеся пни или камни, заботясь исключительно о том, чтобы дотащить приз до места стоянки"; или: "На Бали, одном из о-вов между Явою и Новою Гвинею – тоже распространен обычай похищать девушек грубым насильем, волоча за волосы и не щадя пинков, чтобы заставить идти за собою скорее в чащу"³⁹. Я думаю тот, кто назвал бы этого рода похищение *умучиваньем*, *оумыкиваньем*, был бы прав. Конечно, нельзя утверждать, что умыкивание девиц у древлян происходило именно в такой форме; будь это так, Нестор, конечно, не преминул бы сообщить это; но слово оставалось в то время памятником более отдаленной эпохи, когда оно было впервые изобретено для господствовавшего в то время способа похищения; оно соответствовало этому более древнему способу, но по привычке применялось и к более мягким позднейшим формам, даже к похищению по добровольному согласию, как у северян, вятичей и др. Однако у древлян форма умычки все же осталась насильственной, хотя, быть может, не столь грубою, как у современных сиднейцев или балийцев. На это указывает тот же текст Нестора.

1) Весьма важно выяснить себе значение выражения "*оуводы*". Сколько мне известно, это слово читали *оу воды*, но в таком случае это решительно *nonsens*; зачем у воды? С какой

³⁹ Ibidem., 64.

статьи замешалась тут вода?⁴⁰ Если же читать слитно *оуводы*, то смысл ясен – это творительный падеж множественного числа мужеского рода от существительного *увод*; *оумькиваху оуводы* значит *похищали уводами*, т. е. силою, насиле-ем, уводом. Стоит обратить внимание на то, что, говоря про северян и вятичей, Нестор заменяет выражение "*оуводы*" выражением "*с нею же кто свещаешся*", как бы противуполагая их одно другому. И тут, и там похищение, но у древлян *уводом*, а у северян "*с которою кто уговорится*". 2) Косвенным подтверждением насильственного увода у древлян являются слова Нестора "*имеху же по две и по три жены*"; мы знаем, что насильственное похищение и полигамия идут всегда рука об руку.

Однако нам пора вернуться к предмету нашего рассуждения. Мы остановились на том моменте, когда полигамия умычкой под влиянием органических деятелей вытеснила племена с коммунальною или полиандрическою формою брака.

При этой первобытной полигамии, как мы видели, представляется широкое поле для действия полового подбора, которому подвергаются мужчины по отношению к силе, хитрости, энергии, ловкости, способности трудиться и т. п., – ка-

⁴⁰ Наши мифологи строили, впрочем, на основании этого места самые разнообразные теории о значении воды как символа и пр., и пр. Мне приятно оговориться, что покойный славист, проф. В.И. Григорович, одобрил мое толкование выражения *оуводы*, хотя и не согласился с выводами, сделанными мною из этого толкования.

чествам, необходимым для умычки, сохранения и прокормления жен. Первобытная форма полигамии умычкой должна была существовать долгое время, постепенно изменяясь под влиянием большего общения между людьми и давления религии, пока, наконец, мелкие племена не слились или не разрослись в народы, народы не сложились в государства и пока, таким образом, не появилась впервые власть принудительная, кроме обычая и личной силы, *власть государственная*. С этого момента начинается впервые вполне определенное воздействие исторических деятелей на деятелей органических; хотя на этой ступени различные социальные деятели: богатство, религия, правительство, наука и т. д. – еще не дифференцировались, а соединяются в одном господствующем классе, однако и в таком, так сказать, зачаточном состоянии они должны оказать влияние, качественно сходное с их влиянием в развитом состоянии. В чем выразилось их влияние при самом их появлении в виде первой государственной власти? Какими последствиями отразилась она на половом подборе в полигамичных обществах, где проявилась? До ее появления половой подбор широко распространял свою компетентность и обуславливался, направлялся так же, как в органическом прогрессе; посмотрим на него после появления государственной власти.

Всякая власть, мы знаем, реализуется в общественной жизни некоторым перераспределением значения личных волей, так что воли некоторых личностей, так сказать, приоб-

ретают осуществимость непропорционально личной силе их обладателей; воли других, напротив того, относительно слабеют. Так как в полигамичных племенах, где умычка была господствующим обычаем, сила определяла отношения полов, то естественно, что еще долгое время после появления государства сила же, только несколько перераспределенная, иначе определяющаяся, удерживала свое господство в этой области; но теперь уже не личная сила или энергия давали перевес мужчине в борьбе за женщину, а большая или меньшая высота общественного положения, большее или меньшее участие в государственной власти, соединенное с богатством, потому что первоначально богатыми были и могли быть только причастные власти.

Прежде, когда личные качества особи мужского пола обусловливали ее торжество или поражение в борьбе за спариванье, качества, благоприятствующие торжеству, размножались в потомстве, и этим путем проявлялся половой подбор. Теперь, когда успех в борьбе за женщину зависит от *права* приказать или от *богатства*, дозволяющего купить, — от двух условий, *которые органически ненаследственны*, теперь прежнее русло, по которому шло течение полового подбора, оказалось совершенно засоренным; конечно, засорение и засасывание это шло постепенно. Сначала при слабости или ограниченности сферы влияния государства умычка продолжала существовать и только мало-помалу заменилась признанием прав властителя на всех женщин (Да-

гомея), покупкою, правом первой ночи и др. проявлениями новой принудительной силы. С другой стороны, в случаях, где государство возникло не как следствие завоевания, можно предполагать, что наследственность аристократии и богатства установилась не сразу и что потому отчасти возвышались до власти только обладавшие известными личными качествами и, оставляя более многочисленное потомство, упрочивали и размножали эти качества. Но все эти соображения относятся только к раннему периоду государства; затем сфера компетентности государственной власти расширилась, ею начали регулироваться брачные отношения, с другой стороны, упрочилась наследственность господствующих классов, и этими двумя путями государство окончательно вытеснило половой подбор с той дороги, по которой он развивался до возникновения государства. Но закрывая, так сказать, одни двери, государство открыло половому подбору другие; возникшее среди полигамичных племен государство узаконило эту форму брака, устранив только умычку как проявление произвола, который государство старалось подчинить себе. Эта *законная* полигамия, передавая возможность выбора в руки наследственной аристократии, уничтожила подбор через мужчин и открыла поле для подбора женщин, но только по красоте. Из этого *права* аристократии произошли следующие последствия: 1) так как подбор сосредоточился только в аристократии, то ее результатом явилось дифференцирование сословий по внешнему виду, и 2) так как

полигамия, признанная законом, могла действительно осуществляться только в господствующем классе, то этот класс должен был быстрее размножаться. Это второе последствие особенно важно для уяснения причины поглощения победителями побежденных, а не наоборот, как это бывает у моногамичных народов. Таково-то действие полового подбора при тех измененных условиях, в которые его поставила государственная власть и которые мало-помалу повсюду были освящены религией и вошли в традиционный нравственный кодекс народов. Народы эти и до сих пор стоят на той же ступени брачных отношений и вообще медленно поддаются влиянию других форм быта. Опередившие их народы точно так же вытесняют их с арены истории, как когда-то они вытеснили полиандрические и коммунальные племена.

Однако не все племена пошли только что очерченной дорогой; мы знаем, что еще в более раннюю эпоху часть и, по всей вероятности, довольно значительная часть коммунальных племен перешла не к полигамии умычкой, а к полиандрии, и хотя большинство этих племен должно было погибнуть в борьбе с полигамными и от слишком тесного скрещиванья, но некоторые из них могли сохраниться вследствие, быть может, большей многочисленности или рано появившегося религиозного воспрещения кровосмешения. По исчезновении обычая детоубийства равновесие полов в этих племенах должно было восстановиться, и полиандрия сама собою обратилась в моногамию. Таким образом, могли воз-

никнуть первые моногамичные общества. С другой стороны, не все племена, принявшие брак умышкой, развили эту форму брака в законную полигамию, и часть их под влиянием религии при возникновении государства обратилась к моногамии. Вообще было бы крайне интересно проследить в подробности процесс развития этой формы брака, но для нас не так важна причина ее появления, как последствия, которыми она отразилась на половом подборе. С первого взгляда очевидно, что распространение моногамии должно было положить конец половому подбору в той форме, в которой он проявлялся при низших фазах, в коммунальном браке, в полиандрии, в полигамии умышкой и в законной полигамии. Абсолютная или относительная неравночисленность полов, служащая обыкновенно условием полового подбора, не может иметь места в моногамичном народе. *A priori* можно видеть, что при почти равной численности полов и при многочисленности народа всякая желающая особь может найти себе пару и оставить потомство; если же социальные условия и не допустят некоторые категории лиц до брака, то последствия такого явления не могут быть отнесены к эффектам полового подбора, так как устранение их от брака зависит не от поражения в борьбе за спариванье, а от неудачи в борьбе с обстоятельствами жизни, с условиями социальными. Это скорее эффекты естественного подбора, чем полового, если только нужно непременно определить это явление биологическим термином.

Рассматривая условия, от которых зависит брак в моногамичных обществах, мы не находим, чтобы сила являлась тут главным регулятором спариванья. Конечно, злоупотребление властью и тут имеет место, но здесь это уже злоупотребление, исключение, вначале, правда, весьма частое, но все же исключение, а общее правило – либо добровольное соглашение спаривающихся, либо, с одной стороны, добровольный выбор, а с другой, – согласие родителей, либо с обеих сторон соглашение между родителями. Чтобы половой подбор мог проявиться, необходимы следующие условия: 1) те, от которых зависит заключение брака, обладают склонностью выбирать качества, более или менее однородные и органически наследственные, 2) особи, обладающие этими качествами, оставляют более многочисленное потомство. Почему бы им оставить более многочисленное потомство, если условий, указанных Дарвином: неравночисленности полов, неединовременности созревания и полигамии, – не существует? Быть может, это было бы возможно, если бы особенно нравящиеся качества находились в генетической связи с плодовитостью. Если бы те качества, которые обыкновенно ценятся при браке, были причинно связаны с плодовитостью, то они, по-видимому, могли бы размножиться и способствовать размножению мужских качеств. Конечно, их собственное размножение можно приписать подбору только с натяжкой, но чрез их посредство могут, как выше упомянуто, размножиться и некоторые мужские признаки. Про-

цесс этот мы можем себе представить следующим образом: качество A высоко ценится в невестах, это качество генетически связано с плодовитостью, им обладает только, положим, $1/2$ невест; эта $1/4$ невест поэтому осаждается женихами, и ей представляется поле для выбора; в женихах преимущественно ценится качество B , поэтому большинство обладающих им поженятся на плодовитых невестах и, вероятно, оставят более многочисленное потомство. Конечно, логически представить себе этот процесс весьма возможно, но реализовать его в мысли на конкретном примере чрезвычайно трудно. Во всяком случае, я не вижу другого пути, которым бы мог проявиться половой подбор при строгой моногамии, исключая высшие классы. Завидное положение жены лица, принадлежащего к господствующему классу, дает мужчинам этого класса широкую возможность выбора между женщинами всех классов, а таким путем в высших классах подберется красота. Впрочем, эндогамия, господствующая в большинстве моногамичных аристократий, сильно препятствует этому.

Итак, единственный путь, сколько-нибудь общий, которым может совершаться половой подбор при строгой моногамии, – это высокая оценка при заключении брака женских качеств, соединенных причинною связью с плодовитостью, т. е. либо таких, которые зависят от плодовитости, либо таких, от которых зависит плодовитость, либо, наконец, тех, которые имеют причину, общую с плодовитостью. Обыкновенно

венно руководством при заключении брака служат порознь или вместе следующие качества: красота, богатство, общественное положение, нравственные достоинства. Все эти качества ценятся как в невестах, так и в женихах. Реже в невестах обращают внимание на другие физические качества, силу, иногда даже на здоровье прямо. Впрочем, значение физических качеств, которые, однако, одни *могут* иметь связь с плодовитостью, постепенно падает в глазах обоих полов, и поэтому, хотя и можно сказать, что их преимущественный выбор мог бы порою восстановить половой подбор, однако это восстановление должно пониматься в весьма тесных пределах. Из психических качеств разве только про одну энергию можно сделать предположение, что она несколько связана с плодовитостью чрез посредство здоровья, но она-то именно менее других качеств ценится в женщинах; что касается качеств эмоциональных, интеллектуальных, нравственных в тесном смысле, то для этих трех преимущественно ценимых категорий психических качеств даже с натяжкой нельзя установить связи с плодовитостью. Два остальных условия заключения брака: состояние и общественное положение – органически не наследственны.

Из этих рассуждений мы видим, что с развитием цивилизации, т. е. с прогрессом социальных деятелей, значение полового подбора падает, с одной стороны, вследствие установления моногамии, с другой – от изменения мотивов спаривания. Самое большое, что мы можем допустить – это, что он

проявляется через посредство высокой оценки физических достоинств, да и то весьма проблематично. При строгой и наследственной сословности он может содействовать дифференцированию сословий по внешнему виду, но с успехами цивилизации сословность падает, а с нею, по-видимому, исчезает последняя возможность деятельного полового подбора. Вообще, при строгой моногамии, как мы только что видели, половой подбор может быть вызван к действию при двух условиях: или строгая наследственная сословность, или высокая оценка в невестах качеств генетически связанных с плодовитостью. Оба эти условия с развитием цивилизации падают; сила почти вовсе не берется в расчет, особенно для женщин; значение красоты тоже уменьшилось, да и ее связь с плодовитостью проблематична; фортуна весьма непостоянна и потому не может сыграть роль наследственной аристократии; наконец, нравственные качества, если бы и имели большее значение при заключении брака (чего надо ожидать с развитием цивилизации), к плодовитости отношения не имеют.

Итак, мы можем сказать о последовательном развитии полового подбора в человеческом обществе, что главные фазисы его были следующие: 1) *коммунальный брак* – подбор обусловлен абсолютною неравночисленностью полов вследствие детоубийства; 2) *полиандрия* – подбор обусловлен тем же, подбирается красота и развивается эндогамия; 3) рядом с полиандрией *полигамия умычкой* – подбор обуслов-

лен господством личной силы как регулятора брачных отношений; 4) *законная полигамия* – подбор обусловлен кастовым устройством и деспотизмом высших классов; 5) *моногамия* – подбор обуславливается сословностью и связью подбираемых женских качеств с плодовитостью при взаимном подборе женщинами мужских качеств. Ход прогресса в последнем фазисе уничтожает оба условия, так что половой подбор, игравший на первых ступенях прогресса большую роль, теряет, по-видимому, при его поступательном движении всякое значение и должен быть, наконец, исключен, как кажется, из числа факторов исторического прогресса, хотя бы второстепенных. Первым ударом по его значению в полигамичных племенах было образование государственной власти, положившей конец похищению силой и сосредоточившей его деятельность только в высших классах; в полиандричных и частью полигамичных племенах удар его влиянию нанесло установление моногамии, которая ограничила его компетентность только аристократией и существованием довольно сложных условий, соединенных с ценимостью качеств, связанных с плодовитостью. Развитие демократии, с одной стороны, а с другой – первенствующее значение и привлекательность богатства и высокого положения и замена в идеалах качеств физических нравственными – вот что решительно вытеснило половой подбор даже с того тесного поля, которое первоначально было ему предоставлено моногамией. Возникновение государственной власти, распростране-

ние моногамии, торжество демократии, изменение идеалов – вот последовательные ступени падения полового подбора. Основные биологические законы, сочетанием которых порождается половой подбор, остались в полном значении, но их сочетание разложилось под влиянием новых уже чисто социальных деятелей: государства, религии, законодательства, богатства, эстетических и нравственных идеалов.

Глава VIII

Половой подбор вне брака

Мы видели, что с тех пор как государство и общество вмешались в межполовые отношения, с одной стороны, ограничив и сделав их более постоянными, а с другой – изменяя мотивы брака, половой подбор брачащихся особей начал свое падение, пока, наконец, не исчез совершенно в строгом моногамическом браке при демократических учреждениях и возвышении нравственных идеалов. Но, помимо брачной формы, регулируемой законодательством и общественным мнением, всегда существовала форма союза, избегавшая этого влияния или даже шедшая прямо навстречу их контролю; с тех пор как возникла *законная полигамия*, а затем *законная моногамия*, рядом с ними начали свое развитие *незаконные связи*, тайные (прелюбодеяние) или явные (конкубинат), смотря по состоянию общества, а чаще всего те и другие одновременно. Нельзя сказать, чтобы они, конечно, остались вне влияния социальных деятелей; с одной стороны, мотивы сближения зависели от умственного и нравственного состояния общества, в котором эти формы развивались, а с другой стороны, на них отражалось весьма сильно и непосредственное давление государства и общества; только отражалось оно иначе: если на брачной законной фор-

ме оно отражалось охранением, упрочением раз заключенного союза, дошедшим в строгой моногамии до абсолютной неразрывности его, то влияние их на незаконную форму было совершенно противоположное. Как законодательство, так и общественное мнение старались по возможности положить препоны ее развитию, препятствуя заключению союза, облегчая разрыв или даже прямо разрывая уже заключенный союз, наказывая вступивших в него, отвергая их от общества и т. д. Такие различия в социальных условиях, при которых развиваются обе формы – законная и незаконная, налагают на нас обязанность рассмотреть особо незаконную форму и определить, не открывает ли она половому подбору, по крайней мере, калитку для входа в общественный процесс, когда ворота, находящиеся в распоряжении брака, по-видимому, наглухо заперты?

Выше я показал, как ничтожно в сущности число незаконных сближений относительно числа браков. Ничтожный % незаконнорожденных, (среднее число за пятилетний период с 1859–1863 гг. всего 108 620, т. е. лишь 3 без малого процента) доказывает тоже весьма красноречиво, что влияние незаконных спариваний на состав поколений не должно быть сильно. Вообще для Европы мы находим у г. Янсона⁴¹ следующие данные. На 100 рождений приходится незаконных:

⁴¹ См.: Сравнительная статистика, I, 185–194.

Австрия (Цисл.)	12,4	Венгрия	6,6
Дания	11,0	Англия	6,1
Шотландия	9,8	Швейцария	5,3
Швеция	9,6	Голландия	3,4
Германия	8,7	Ирландия	3,0
Норвегия	8,4	Румыния	3,0
Бельгия	7,3	Россия	2,7
Франция	7,3	Греция	1,2
Италия	6,6	Сербия	0,7

Не надо забывать, кроме того, что закон и общество ставят незаконнорожденных обыкновенно в весьма непривлекательную жизненную обстановку, так что им не под силу конкурировать с законнорожденными, появление которых на свет так тщательно регулируется и контролируется государством и обществом. Незаконнорожденных умирает относительно больше еще до достижения зрелости; поставленные в худшие условия жизни, они, конечно, оставляют меньше потомства. Все это сводит до нуля значение незаконных форм в сложении будущих поколений при том состоянии общественного развития, на котором стоит, например, в настоящее время Россия.

Однако это нас не освобождает от обязанности исследовать процесс незаконных форм с занимающей нас точки зрения. Мы видели, что в России ежегодный перевес предложения невест над их спросом – 19 552; излишек женихов гораздо меньше. За тот же период (1820–1860 гг.) он не превышал ежегодно средним числом 2 566 не нашедших пары

женихов, принимая созревание мужчины, как оно определено законом, в восемнадцать лет, двумя годами позже, чем у женщины⁴². Такая неравночисленность совершенно понятна; хотя преобладание женского пола для целого народа и невелико (102,5: 100), однако при большой абсолютной численности жителей и *при большой абсолютной численности браков*, которая совершенно одинаково вычитается из числа жителей обоего пола, естественно, остатки для мужского и для женского населения должны оказаться в совершенно другом отношении. В государстве, где вообще незначительно преобладание одного из полов, в частности, для не вступивших в брак преобладание выразится весьма резко, если только браки заключаются часто. Например, в России ежегодный контингент невест, остающихся вакантными, более чем в 7 раз превосходит число не нашедших пары женихов; на одного такого жениха приходится 7,61 не нашедших пары невест, тогда как отношение полов для всего населения выражается только как 1:1,025. Но обыкновенно неуравнительность бывает даже больше: для Царства Польского она выражается отношением 100:106,8, для Финляндии – 100:105,4, для Сибири – 100:95,9. Но уже и при том отношении, которое представляет нам Европейская Россия, неравновесие созревших, но не нашедших пары девушек и мужчин очень значительно; правда, выше добытые цифры выражают вер-

⁴² Это вычисление, сделано на основании цифр "Военно-статистического сборника", т. VI. Россия.

но только арифметическое отношение, тогда как геометрическое должно несколько измениться от прибавления числа вдов и вдовцов. Вообще, чем более будут возрастать абсолютные цифры, тем менее резка будет неравночисленность. В той резкой форме, в которой мы ее констатировали для России, неравночисленность эта могла бы вызвать половой подбор.

Вероятность полового подбора, обусловленного этою неравночисленностью, падает вместе с падением строгости семейных нравов, с ослаблением прочности и ненарушимости семейных уз, так как в таком случае на рынок незаконного спроса и предложения явится много лиц обоего пола, состоящих в браке, и, таким образом, если бы их явилось даже и равное число, то геометрическое отношение между незаконно спаривающимися полами было бы сильно поколеблено и равновесие было бы несколько восстановлено. Однако есть основание предполагать, что мужчин, состоящих в браке, обратится к незаконной связи больше, чем женщин, потому что даже при обоюдной, явной размолвке, женщина, имеющая детей, часто воздержится от второго союза, не говоря о том, что общество полагает на этом пути больше препятствий женщине, чем мужчине. Таким образом, тот самый общественный процесс, который распространяет значение незаконных форм конкубината и прелюбодеяния, с другой стороны, устраняет условие, которое могло бы вызвать при этих формах деятельный половой подбор. Но посмотрим, не

открываются ли ему другие пути? Может ли тут установиться неравночисленность относительная? Прямая полигамия тут не может с достаточною силою проявить свое влияние, хотя несомненно эта форма встречается. Значение ее уничтожается следующими соображениями: 1) нескольких konkubin одновременно могут содержать только люди богатые и развратные, так что, хотя разврат между богатыми и распространеннее, тем не менее относительно всего населения или даже всех незаконных связей число их будет ничтожно; 2) лицо, имеющее несколько konkubin, имеет их, конечно, не по любви, а за деньги, а так как обладание деньгами органически ненаследственно, то тут нечему и подбираться, и 3) развратные связи бывают обыкновенно бесплодны. Итак, прямая незаконная полигамия, выражающаяся в содержании любовниц, столь близком к проституции, не может иметь определенного влияния на состав будущих поколений; половой подбор тут ни при чем. Можно разве сказать, что, делая красивых женщин бесплодными, обычай так называемого содержания их понижает общий уровень красоты расы. Но, помимо полигамии, относительную неравночисленность ищущих пары можно представить и при моногамных отношениях, если только легко допускают разрыв. В таком случае, естественно, особи, обладающие привлекательными качествами, имеют шансы в разные периоды своей жизни сблизиться с большим числом лиц другого пола, а следовательно, и потомство должны, вероятно, оставить более многочислен-

ное. Таким образом, можно, кажется, думать, что конкубинат (по любви, а не содержание) допускает половой подбор, особенно если взять в расчет тот путь, которым бы он мог совершаться и в моногамном браке, т. е. связь некоторых качеств с плодовитостью. Возможность реализации полового подбора в этих двух видах подтверждается даже самым общим сравнением стимулов сближения в браке и в конкубинате. Богатство, которое является таким могучим определителем при заключении брака, теряет свое значение для незаконных форм. Оно может тут проявиться только в облегчении богатым развратникам удовлетворять своим похотям, но это, как мы видели, к половому подбору не относится. То же должно сказать (хотя и в меньшей мере) и об общественном положении. Таким образом, устраняются мотивы, обусловленные качествами, органически ненаследственными. Остаются красота и нравственные достоинства, которые, таким образом, по-видимому, могут быть подбираемы⁴³. Все незаконные связи должны быть разделяемы на связи по любви и связи по разврату, связи купленные. Первые (при неравно-

⁴³ Допуская это, мы допускаем органическую наследственность нравственных качеств, между тем ясно, как суживаются пределы даже этого проблематического подбора, если мы хоть часть психических явлений признаем ненаследственными. Нужно помнить, что подбору могут подвергаться преимущественно самые сложные психические образования, наследственность которых наиболее спорна; менее всего совершенства внешних чувств или даже простые интеллектуальные процессы вроде памяти могут дать перевес в борьбе за любовь, но, скорее всего, качества *характера* и достоинства *чисто нравственные*: героизм, самоотвержение и пр.

численности полов) допускают половой подбор, который ведет к подбору обоих полов по красоте и нравственным качествам; вторая группа бесплодна и распространение ее может повести только к понижению уровня красоты. Вот каковы последствия, которые производятся распространением незаконных форм: восстановление полового подбора, направляемого развитием нравственных и эстетических идеалов. Роль его тут служебная, правда, но и в этой роли он мог бы выказать свое значение, если бы только незаконные связи были чаще и если бы жизнь молодого поколения, порождаемого ими, не была столь много хуже жизни законнорожденных. Распространение незаконных связей, сопровождающее ныне, по-видимому, прогресс цивилизации, ведет к устранению первого ограничения, но второе остается в полной силе. Установление гражданского брака, облегчающего развод, и вообще всякое облегчение этого акта ведет отчасти к тому же, как и обращение значительного числа лиц к незаконной связи по любви, не производя вместе с тем тех же печальных последствий для потомства. Правда, *с узаконением* свободной моногамии богатство и общественное положение возвращают свое значение как определители при сближении, но едва ли в такой степени, как при пожизненной ненарушимости супружеских обетов.

Таким образом, исторический прогресс, который сначала, устанавливая пожизненную моногамию, сословное равенство и экономическую неуравнительность, совершенно устранил

половой подбор, сам же при дальнейшем развитии стремится возвратить его к действию, уничтожая пожизненность моногамии или подтачивая прочность семейных уз. Последнее явление, конечно, нельзя назвать прогрессивным, потому что оно вносит в общество обман, вызывает множество и других безнравственных явлений и создает в молодом поколении целый разряд людей, незаслуженно поставленных с самого рождения в печальное положение. Все эти последствия являются естественною карою для общества, столь упрямого в своем консерватизме, что оно противится всякому смягчению суровости пожизненной, неразрывной моногамии. Эти невзгоды, вероятно, много превышают ту пользу, которую общество могло бы извлечь из возобновленного действия полового подбора, который является теперь лишь воплостителем нравственных и эстетических идеалов эпохи. Несомненно, оно извлекает эту пользу, когда идет навстречу прогрессу и устанавливает более свободную форму моногамии. Впрочем, это уже вопрос не абстрактной, а прикладной науки, и решение его зависит от соображения частных условий и обстоятельств, от вычисления вреда или выгоды не одного фактора, но всех в совокупности. Так, например, в нашем случае прочность семьи для общества важна как обеспечение лучшей участи большинства молодого поколения, хотя вместе с тем оно жертвует меньшинством. Вопрос прикладной науки – решить, когда это меньшинство стало достаточно значительно, чтобы дальнейшее пренебрежение им не сделалось

опасным и когда, следовательно, надо улучшить его долю, ухудшив, может быть, долю другой части молодежи? Много и других соображений необходимо брать в расчет прикладной науке; но нам, занимающимся абстрактным анализом явлений, довольно и того, что мы сделали. Как бы взаимодействие факторов ни спутывало и ни изменяло последствий, все же мы теперь уяснили себе влияние тех из них, которые исследовали; мы знаем, в каком направлении каждый из них толкает общественное развитие, причем в общих чертах выясняется и ход, и значение прошлого прогресса.

Проституция, строго говоря, не может иметь какое-либо положительного значения для состава будущих поколений; поэтому и при рассмотрении полового подбора ею можно пренебречь. Благодаря своему бесплодию, она стремится понизить в расе те качества, которыми обладают проститутки. Главный определитель – нищета, условие органически ненаследственное, подбору подлежать не может. Затем выбор красивых для разврата, несомненно, должен повлиять на общий тип расы, если проституция приняла широкие размеры. Что касается нравственных качеств, то едва ли непосредственно, путем органической наследственности, проституция может повлиять на ослабление которого-либо из них. Нравственные качества проституток слишком различны; слабость воли так же, как и решимость самопожертвования или отчаяния, любовь к свободе так же, как и нравственная тупость, покоряющаяся чуждому влечению, и мно-

гое другое может вывести девушку на путь разврата. Проституток по природной, наследственной развращенности в здоровом обществе не должно быть много; так как подобные женщины потомства не оставляют, значит, они наследовали свою наклонность от непроституток, и их многочисленность показывала бы распространение глубокой развращенности в среде общества. Их бесплодие производит только благие последствия, останавливая разлитие заразы. Этими немногими замечаниями о проституции я и ограничусь.

Прорезюмируем теперь все наше исследование о значении и деятельности полового подбора в историческом прогрессе. Половой подбор проявляется только при двух условиях, которые должны находиться налицо одновременно: *во-первых*, мотивы, которыми руководствуются оба пола или один из них при сближении, относятся к признакам, которые могут быть органически унаследованы; и *во-вторых*, лица, обладающие этими качествами, необходимо оставляют более многочисленное потомство, а это второе условие осуществляется или при неравночисленности полов, или при многобрачии, или при генетической зависимости между подбираемыми женскими качествами и плодовитостью. При двух первых условиях половой подбор является весьма могучим деятелем, при последних сила его значительно уменьшается и самое проявление обуславливается некоторыми обстоятельствами. При первобытных формах отношений между полами и при первобытных обычаях человечества господствует

абсолютная неравно-численность полов, и ею обуславливается в эту пору половой подбор. Путем, который выше указан, она уступает место второму условию – многобрачию, в одних обществах – полигамии умычкой, в других – полиандрии, которые, в свою очередь, переходят в законную полигамию и пожизненную моногамию. Переход этот совершается под влиянием возникновения национальной религии и государственной власти. Законная полигамия сильно извращает действие полового подбора; и только, быть может, кастовое устройство спасает его от совершенного вытеснения; именно это делает пожизненная моногамия, когда оставляет в силе только третье условие, а оно постепенно теряет значение вследствие перемены идеалов и развития экономического неравенства. В пожизненной моногамии так же, как и в законной полигамии, временно половой подбор поддерживается сословностью, но успехи демократизма уничтожают и эту последнюю точку опоры полового подбора. Это – кульминационная точка, апогей процесса, минута, когда половой подбор окончательно изгоняется с арены народного развития или – вернее – когда он загоняется в тесные рамки незаконных связей. Ничтожные по количеству эффекты полового подбора, действующего в этих рамках, исторический прогресс окончательно изглаживает, затирая и унижая незаконнорожденных. Россия находится, по-видимому, в этом периоде; незначительность незаконных рождений при строгой пожизненной моногамии служит тому доказательством. Од-

нако дальнейшее развитие вновь вызывает к действию половой подбор, но уже в качестве деятеля служебного, воплотителя идеалов, созданных общественным развитием. Это совершается установлением права развода, или распространением конкубината. Этот процесс восстановления полового подбора, по-видимому, развивается в Западной Европе. Во всяком случае, он является вовсе не самостоятельным органическим деятелем, но только, так сказать, мультипликатором эффектов деятеля социального, эстетико-нравственного движения.

Но не может ли произвести половой подбор в сочетании с другими *органическими* деятелями полового дифференцирования? Если да, то, пожалуй, придется признать за ним некоторую самостоятельную роль. Мы видели, что половой подбор, даже облеченный всею мощью, которую он проявляет в органическом прогрессе, предоставленный самому себе, не может вести к половому дифференцированию. Только встречаясь в своем течении с естественным подбором или определенным действием условий, половой подбор проявляет наклонность дифференцировать полы.

Естественный подбор, подвергая либо истреблению неприятелем, либо закону экономии роста, устраняет ранние и женские уклонения, направляя половой подбор на поздно уклонившиеся мужские особи. Но ни экономия роста, ни нападения хищников не будут падать на особей рано уклонившихся в цивилизованном человеческом обществе, а по-

тому при гипотезе равного % уклонений ранних и поздних ранние должны, как выше показано, непременно восторжествовать. В таком случае половой подбор в будущем не может встречаться с естественным, и с этой стороны половое дифференцирование невероятно. Но может быть случай и такого рода: условия жизни общественной вызывают в мужчинах и женщинах уже в зрелом возрасте приспособительные процессы, различные для двух полов, так что значительнейшая часть уклонений будет происходить в зрелом возрасте. Если так, то влияние этого обстоятельства будет вести к половому дифференцированию и без полового подбора. Но если идеалы для обоих полов будут различны, то половой подбор может еще усилить и ускорить процесс дифференцирования. Это случай, нами вышеуказанный, когда дифференцирование полов является следствием согласного действия условий и полового подбора; только условия тут социальные, а половой подбор является их мультипликатором. Остается третий случай, когда условия и половой подбор друг другу противоречат, т. е. в нашем случае идеалы находятся в противоречии с бытом; в этом случае половой подбор не будет иметь времени проявить свое влияние, потому что это переходное время борьбы между старыми идеалами, воплотившимися в жизнь, и новыми, стремящимися воплотиться. Итак, в цивилизованном обществе половой подбор всегда и во всяком случае является простым мультипликатором различных социальных деятелей. Такова-то служебная роль, к которой нис-

ходит в историческом прогрессе деятель, некогда проявлявший себя столь мощным двигателем органического прогресса.

В заключение этого этюда сделаю несколько беглых замечаний о вероятных эффектах полового подбора у низших племен, где он проявляется отчасти еще в своем первобытном виде. Прежде чем исторический прогресс выдвинет на сцену богатство, знатность, достоинство как определители спариванья, оно направляется, как у низших животных, силою и привлекательностью (красотою). Поэтому, разумеется, эти же качества и продолжают подбираться первобытным человечеством; но нельзя обойти разницы между подбором этих качеств у низших животных и у человека. Умственное превосходство человека повело к изобретению искусственного оружия и искусственных украшений, качеств органически ненаследственных; поэтому, в то время как Животные подбирают преимущественно вооружения и украшения, у человека должны были подбираться сила и красота вообще. Такой оборот дела, когда он совершился, должен был отразиться и на процессе полового дифференцирования, потому что ни сила вообще, ни красота вообще не могли подлежать преимущественному устранению в ранний период, как то можно утверждать относительно специфических приращков и ярких украшений. Вообще это должно было замедлить ход полового дифференцирования, так как оно в таком случае могло явиться только вследствие различного упражне-

ния в зрелом возрасте. Различные половые различия, приводимые Дарвином, можно объяснить с этой точки зрения, за исключением одного замечательного случая, который, на первый взгляд, кажется противоречащим всем моим выводам. Нельзя усомниться, что приводимый у Дарвина пример широкотазых готтентотов относится к эффектам одного лишь полового подбора без всякого воздействия других деятелей. Однако его легко объяснить согласно с нашими заключениями. Перечисляя вторичные половые признаки у человека, Дарвин между прочим называет и большее развитие тазовых костей у женщин, но сейчас же оговаривается, что этот женский признак надо скорее признать первичным, чем вторичным. Если же он тесно связан с первичными половыми признаками женщины, то, естественно, он не может наследоваться мужскими потомками, и при его подборе наследственность должна неминуемо ограничиться только женским потомством. То же было бы, если бы какое-нибудь племя стало подбирать своих женщин по какой-либо особенности грудных желез; естественно, что мужчины не могли бы наследовать этой особенности. Одним словом, несомненно, что первичные половые признаки могут быть развиваемы у одного пола в ряде поколений в том или другом направлении, нисколько не отражаясь на соответствующих признаках другого пола, так что случай подбора готтентотами широкотазых женщин нисколько не противоречит нашим выводам.

дам⁴⁴. Вообще должно, по-видимому, склониться к тому воззрению, что в деле дифференцирования полов у человека половой подбор играл едва ли значительную роль, быть может, даже только усиливал эффекты других деятелей. В настоящее время вся его деятельность сведена к этому усилению, но в первобытные времена его роль этим не ограничивалась, и ему, вероятно, человечество обязано многими дифференцированиями сословий, рас и племен. Поставив своею целью только выяснить *роль и условия проявления* полового подбора в социальной жизни, я не буду касаться вопроса о его различных последствиях, а интересующихся отсылаю к сочинению Дарвина "О происхождении человека", где вопрос этот разобран со свойственною этому мыслителю глубиной и осторожностью.

В первых четырех главах этого сочинения я обратил внимание на различные деятели, существующие в обществе и своим взаимодействием производящие исторический прогресс; деятелей этих тогда я сгруппировал в три разряда сил – органических, физических и собственно общественных; тогда же я указал и на те два обстоятельства, что, во-

⁴⁴ У Люка читаем: "Nous entendons parler de la propagation de l'écoulement menstruel des meres aux garçons, puis des ceux-ci a leurs fils" (Lucas. De l'Heredité Naturelle, I, 248). Значит общая тенденция наследовать признаки обоих родителей так сильна, что даже иногда распространяется на первичные органы. Но эти исключения не колеблют общего разграничения первичных и вторичных половых органов; цитруемые случаи, быть может, можно объяснить реверсией к отдаленным гермафродитным предкам.

первых, последний разряд сил, возникший предварительно особым сочетанием первых двух разрядов, раз образовавшись, стремится все более и более расширить свою компетентность и подчинить своему регулированию деятелей физических и биологических или даже вытеснить и заменить их, и *во-вторых*, что между деятелями органическими надо различать два рода – деятелей простых, основных, как законы наследственности, размножения, изменчивости; и сложных, как подбор естественный и половой, причем компетентность первых в социальной жизни так же безусловна, как и в органическом прогрессе, проявление же вторых зависит от благоприятных условий, допускающих данное сочетание основных биологических законов. В следующих затем главах (V–VIII) я поставил своею задачею исследовать метаморфозы одного из сложных органических деятелей, полового подбора, в обществе, чтобы таким путем способствовать уяснению ряда отношений, существующих между явлениями биологическими и социологическими. К каким же заключениям пришли мы в нашем исследовании?

Относительно *условий проявления* полового подбора мы можем сказать, что это *условия социальные*: сначала де-тоубийство, потом умычка и полиандрия, далее государственная власть, сословность, прочность брачных уз, смена идеалов, ослабление брачных уз – вот различные причины, обуславливающие проявление или не проявление полового подбора; все это обычаи или законы, заменившие

собой физических деятелей. Относительно *эффектов процесса*, напр., полового дифференцирования, мы должны сказать тоже; *прежде* оно обуславливалось встречей полового подбора с естественным, *теперь* этот господствующий в органическом прогрессе способ процесса исчез; *прежде* иногда дифференцирование было следствием совпадения полового подбора и определенного влияния условий, *теперь* это господствующий способ, но только эти условия суть деятели социальные, а не физические. *Относительно роли* полового подбора должно заключить, что значение его все стеснялось; начав с роли самостоятельного фактора прогресса, половой подбор был постепенно выбиваем из своих позиций развивающимися и вновь возникающими социальными деятелями, на время был даже вовсе вытеснен от влияния на ход прогресса, и если потом дальнейшим развитием он, по видимому, и может возвратиться к деятельности, то с ролью служебной, с значением воплотителя идеалов нравственного движения и мультипликатора последствий общественных условий, идеалов, которые и без него воплотились бы, и последствий, которые и без него осуществились бы.

Если бы от разбора значения полового подбора сделали мы заключение по аналогии и к другим деятелям первой группы, руководствуясь, главным образом, тем фактом, что в нашем исследовании о половом подборе мы встречались с ними и находили их там, где встречали, в состоянии, сходном с состоянием полового подбора, если бы поэтому мы

заклучили, что вообще вся первая группа, создавшая своим взаимодействием общество со всеми его специальными деятелями, вслед за тем мало-помалу вытесняется и подчиняется этой новой группе деятелей, мы, может быть, были бы недалеко от истины. Но не будем торопиться выводами и ограничимся теперь констатированьем только того несомненного факта, что именно это случилось с одним из видных деятелей первой группы. К другому главному деятелю органического прогресса как деятелю исторического прогресса, к естественному подбору мы обратимся в следующих главах.

Глава IX

Исторический подбор и первобытные общества

С тех пор как существуют в мире трезвые философы, с полным благоразумием и бесстрастностью вззирающие на треволения мира сего, с тех пор признано и решено безапелляционно, что жизнь человеческая есть по необходимости юдоль плача, порока, несчастий, что таков закон природы и неблагоприятно восставать против него. Но с другой стороны, с тех пор как существуют утописты, мечтающие о всеобщем счастье, о том, что люди – братья и что неестественно трезвое философствование в виду гибели ближнего, с тех пор появляются от времени до времени протесты против закона природы и неблагоприятные подозрения, что, быть может, означенный закон совсем не закон природы, а только закон человеческий. Кто прав, кто заблуждается? Антагонизма между трезвыми философами, признающими несчастье уделом жизни человеческой по неизменному закону природы, и утопистами, подозревающими несуществование такого закона, антагонизма, столь же старого, как сама история, я коснулся с целью показать, что вопрос, который отчасти будет трактоваться на следующих страницах, изучался своей существенной частью не со вчерашнего дня, и биология здесь

мало нового поведала социологам. Новую постановку вопроса, новые термины, новые аргументы – вот что она дала в руки трезвых философов; формулы же решения pro и contra в этой тяжбе направлений остались те же. Самым важным аргументом, которым снабдила биология социальные теории о необходимости нищеты, – полезность такой необходимости, усовершенствование породы, будто бы вытекающее из нее через гибель индивидуумов. До вмешательства биологии трезвые философы говорили: бедность, несчастье, голод царствуют повсюду в обществах человеческих, *это прискорбно*, но таков закон природы; теперь же они изменили тон: в наших обществах, говорят они, масса людей гибнет от голода, изнурения, нищеты, но вследствие этой гибели остаются живы и оставляют потомство только наиболее совершенные личности, и гибелью одних людей покупается прогресс; только таким путем может осуществляться прогресс, и кто скорбит о падших жертвах, кто старается предотвратить их гибель, тот враг прогресса, сам того не понимая. Таковы выводы социологов трезвой школы из биологических обобщений Дарвина. Задача наша заключается в проверке этих выводов и в определении отношения между естественным подбором и социальными деятелями, составляющими в историческом прогрессе *плюс* относительно органического прогресса.

В предыдущих главах, касаясь по необходимости естественного подбора, я уже указал неизбежные факторы, из

которых он слагается. Размножение в себе самом не имеет предела, и внешним его пределом является ограниченность пищи: недостаток пищи вызывает борьбу за существование, в которой гибнут особи менее совершенные, а переживают приспособленнейшие. Борьба за существование является первым условием естественного подбора: она *направляет* производимый им прогресс жизни, но этот последний порождается изменчивостью, упрочиваемую наследственностью, так что вообще естественный подбор проявляется: 1) при перевесе размножения над средствами существования и 2) при органической наследственности качеств, которым особь обязана своим переживанием. Таким образом, естественный подбор является фактором сложным, но, как уже было указано, не столь сложным, как половой подбор, потому что разлагается на начала, для биологии элементарные: быстрота размножения, ограниченность средств, индивидуальная изменчивость, наследственность, тогда как факторы полового подбора, (неравночисленность полов, полигамия и пр.) сложны даже с чисто биологической точки зрения. Следствием такого различия является более легкая разложимость факторов полового подбора, а с разложением одного из них разлагается и самый процесс полового подбора. Поэтому-то при изменении течения жизни половой подбор легко разлагается, и уже преобразований, претерпеваемых жизнью при самом возникновении цивилизации, вполне достаточно для его вытеснения из числа факторов прогресса. Не

то с естественным подбором; простота, элементарность его факторов не допускает его разложения чрез их разложение: может быть разложено только сочетание, что при неустрашимости самих слагаемых весьма трудно. Мы попытаемся проследить влияние, которое оказывает возникновение новой жизненной среды, культуры и цивилизации на естественный подбор в его целом и на его факторы в отдельности. Мы должны определить, насколько необходима и как проявляется борьба за существование под влиянием новых исторических деятелей и насколько орудием такой борьбы за существование служат качества, органически наследственные; только при одновременном присутствии этих условий естественный подбор может проявиться.

В органическом прогрессе естественному подбору принадлежит значение первенствующее, роль главного определителя и двигателя прогресса. Дарвин говорит о нем⁴⁵: "Переход от одной степени различия к другой, высшей степени, в некоторых случаях может зависеть от продолжительного действия различных физических условий в двух различных местностях; *но мне не слишком верится в такой процесс, и я приписываю переход* разновидности из состояния, в котором она мало разнится от своего родича, в состоя-

⁴⁵ Дарвин. Происхождение видов, русск. изд., 1865, стр. 42; кроме того, сходные мнения см.: *ibidem.*, стр. 5 ("...я убежден, что естественный подбор был главным деятелем" и пр.), 9, 56 (где Дарвин показывает, что даже влияние климата в органическом прогрессе преимущественно выражается вызовом естественного подбора) и др. места.

ние, в котором она разнится от него значительно, *действию естественного подбора*, накапливающего в известных, определенных направлениях разности строения". Другой известный биолог, одновременно с Дарвином пришедший к идее естественного подбора, Альфред Уоллес, говоря о фауне и флоре Малайского архипелага, замечает⁴⁶: "Необходимо заметить, что различие архипелага по естественным произведениям вовсе не соответствует делению на основании физических и климатических условий, – факт очень интересный для теории зависимости животных форм от внешних влияний... Нигде *прежняя теория о зависимости естественных произведений страны от физических условий не встречает такого резкого и очевидного противоречия, как здесь*". Таким образом, здесь Уоллес, подобно Дарвину, сводит прямое определенное влияние условий к весьма небольшим размерам. Герберт Спенсер, называющий естественный подбор косвенным уравниванием и вообще придающий прямому уравниванию (определенному влиянию условий) большее значение, чем большинство биологов, признающих изменимость видов, все-таки считает, "что м-р Дарвин несомненно доказал, что значительная часть фактов – *быть может, наибольшая* — объяснима только как результат выживания особей, уклонившихся каким-нибудь косвенно вызванным путем от прародительского типа"⁴⁷. Можно было бы привести

⁴⁶ Уоллес. Малайский архипелаг, русск. перевод, стр. 20.

⁴⁷ Герберт Спенсер. Основания биологии, прим. к § 373, стр. 389 (русск. перев.

и другие цитаты, доказывающие, что большинство биологов, признающих гипотезу развития видов, признает вместе с тем главным фактором развития естественный подбор родичей в борьбе за существование; остальные процессы: астрономические, геологические, атмосферические и др. влияния – признаются деятелями вспомогательными, только содействующими, но не производящими прогресс самостоятельно. Таким образом, под влиянием и главным руководством естественного 1 126 подбора совершалось течение органического прогресса в продолжение тех долгих периодов, через которые жизнь прошла, прежде чем она развила человека, а затем и первое человеческое общество. Самое происхождение человека и общества Дарвин приписывает действию естественного подбора преимущественно перед другими деятелями. Вот вкратце изложение теории Дарвина⁴⁸.

Приведя цитату из Мальтуса о быстроте размножения, Дарвин останавливается на причинах, противодействующих ему: недостаток средств к жизни, следствием чего уменьшение плодовитости, войны, повальные болезни, разврат, а у дикарей, кроме того, детоубийство. Прародители человека, которые были еще беспомощнее дикарей и у которых едва ли могло в то же время быть распространено детоубийство, должны были плодиться чрезвычайно быстро, а потому должны были испытывать периодический голод в громадных

изд. Полякова).

⁴⁸ См.: Дарвин. Происхождение человека и половой подбор, т. I, гл. IV и V.

размерах. Это последнее обстоятельство вело к естественно-му подбору, к выживанию приспособленнейших. В борьбе за существование победа человека была следствием его физического строения, умственных способностей и общественных инстинктов. "Хотя, – говорит Дарвин, – умственные способности и общественные привычки суть обстоятельства первой важности для человека, но мы не должны уменьшать важности и телесного его строения". Здесь на первом плане – твердость и устойчивость равновесия при стоянии на двух конечностях, давшая свободу рукам и тем самым громадное преимущество в битве и в добывании средств; освобождение рук и развитая ими вследствие того ловкость уменьшили деятельность челюстей и зубов, а потому и развитие их; умственное прогрессирование увеличило объем и изменило форму черепа и лица; стоячее положение и увеличение веса головы повлияло на изменение спинного хребта и тазовых костей. Таким образом, путем естественного подбора создан, по Дарвину, физический человек, каким мы его знаем⁴⁹. "Я старался показать, – говорит он, – что некоторые из самых характеристичных свойств человека усвоены им, по всей вероятности, посредством естественного подбора, прямым или еще чаще косвенным путем".

⁴⁹ Развитие руки Дарвин рассматривает: *ibid.*, 154–156; вертикальное положение и его влияние на руки, позвоночный столб и таз – 156–159; уменьшение челюстей и зубов – 160; увеличение черепа, изменение его формы и влияние на позвоночный столб – 162–163. Кроме того, о наготе кожи см. 161–166 и о потере хвоста – 168. Приведенную цитату см. стр. 168.

Особо и подробно в главах второй и третьей своего сочинения Дарвин рассматривает происхождение умственно-превосходства и нравственности у человека, где он доказывает, впрочем, что они могли произойти из тех же психических основ, которые находим мы и у животных, но этот вопрос для нашей цели имеет мало значения. Указав только на то, что Дарвин выводит развитие нравственности из общительности, которые являются взаимно обуславливающими, перехожу к гл. IV, где трактуется человек уже с готовыми умственными способностями и нравственным чувством. После того как человек усвоил себе умственные и нравственные способности, отличающие его от низших животных, действие естественного подбора на его физическую организацию должно было сделаться ничтожным, так как все изменения в окружающей среде он уже встречал изобретениями и находчивостью ума. "Вопрос принимает⁵⁰, однако, другой вид, как справедливо замечает Уоллес, когда дело идет об умственных и нравственных способностях человека. Эти способности изменчивы, и мы имеем полное право думать, что изменения способны наследоваться. Поэтому если они были вначале очень важны для первобытного человека и его обезьянообразных прародителей, то совершенствовались и развивались под влиянием естественного подбора". Затем, на следующих страницах⁵¹, Дарвин останавливается

⁵⁰ Ibid., I, 177.

⁵¹ См.: Ibidem., I, 177–187.

на том особом роде подбора, который является следствием борьбы за существование не особей между собою, но племен и обществ и который я, в отличие от обыкновенного естественного подбора, буду называть подбором историческим, или социальным. Он состоит, *во-первых*, в том, что наиболее одаренные племена вытесняют, истребляют или порабащают менее одаренные (при этом Дарвин указывает и путь, которым усовершенствование или изобретение члена племени передается другим членам, — *подражательность*), и *во-вторых*, в том, что в среде самого племени происходит подбор качеств, более полезных племени, а отсюда нравственный прогресс. Указывая на тот факт, что люди, более одаренные общественными инстинктами (нравственностью), должны, естественно, больше гибнуть вследствие их самоотвержения и храбрости, Дарвин замечает, что тут не мог иметь места подбор в силу закона наследственности. *Распространение этих качеств должно было идти другим путем*; примеры самоотвержения и храбрости должны были убеждать других, насколько это выгодно при взаимной преданности и верности, а отсюда — образование привычки, усиление симпатии, что может уже передаваться по наследству. Вторым, еще более важным стимулом должно было служить одобрение племени, слава. Удивление, возбуждаемое героем, вызывает в других желание отличиться. "Таким образом он (т. е. нравственно одаренная личность) может принести своему племени гораздо более пользы, чем в том случае, если бы

он оставил потомков с врожденным стремлением наследовать его благородный характер"⁵². Из этих рассуждений Дарвин выводит, что всегда более нравственное племя или народ одержит верх над менее нравственным, а этим путем в человечестве подбирается нравственность.

Далее Дарвин переходит к обзору роли естественного подбора в цивилизованном обществе; но мы к этому обзору вернемся несколько позже, а теперь пока рассмотрим аргументацию изложенного. Прежде всего я должен обратить внимание на то, что в вышеприведенной теории Дарвина он под именем естественного подбора понимает две совершенно различные формы подбора, более резко различающиеся друг от друга, чем подборы естественный и половой. Я говорю о том, что я выше назвал *подбором историческим*. Роль этого деятеля в органическом прогрессе совершенно ничтожна не только в сравнении с значением естественного подбора, но и относительно других факторов органического прогресса. В этой маловажности социального подбора в органическом прогрессе и надо искать причины того, что до появления Дарвинова "Происхождения человека", сколь мне известно, никто из биологов не обратил на него внимания; сам Дарвин впервые коснулся его, когда заговорил о прогрессе человечества, которое живет в обществах; но естественно, что наблюдая его в области, в которой он не был полным хозяином, как в биологии, Дарвин не отличил его от деятеля аналогич-

⁵² Ibid., 184.

ного и хорошо ему известного в органическом прогрессе. В самой аргументации Дарвина мы уже можем почерпнуть некоторые черты отличия; обобщив их, мы увидим, что деятель, показавшийся Дарвину его хорошим знакомым, есть лицо совершенно новое и даже состоящее далеко не в дружеских отношениях со старым знакомцем Дарвина, представленным им всему миру под именем "естественного подбора *родичей* в борьбе за существование". Естественный подбор, как мы знаем, порождается изменчивостью, упрочиваемую *наследственностью* и направляемую переживанием приспособленнейших в борьбе за существование. В историческом подборе роль наследственности (деятели органического) заменяют, пример, подражательность, расчет выгоды, тщеславие, боязнь позора, традиция и предание (все – деятели социальные); переживание приспособленнейших не только не есть необходимость в историческом подборе, но, как сам Дарвин замечает, часто случается обратное, а направляющим фактором является победа обществ, в которых оказалось больше приспособленных к общественному быту, хотя бы их погибло относительно больше, чем из числа менее приспособленных соплеменников. Таким образом, факторы, сочетание которых производит естественный подбор, и те, следствием общего действия которых является подбор исторический, не одни и те же, и если Дарвин смешал эти два процесса, то, вероятно, потому, что оба вылупливаются, так сказать, из яиц, имеющих большое внешнее сходство,

порождаются борьбою за существование между особями и борьбою за существование между обществами, а с другой стороны, оба приводят к *совершенствованию* породы, испытывающей их влияние. Но совершенствование – понятие относительное, если под ним не разуметь приспособления, а если его понимать таким образом, то придется сознаться, что совершенствование может идти не только бесконечно различными, но даже и прямо противоположными путями, и потому, если оба процесса и ведут к приспособлению, из этого еще вовсе не следует, что оба следуют тому же пути и друг другу не противоречат, не находятся в антагонизме. Именно в таком-то естественном антагонизме находятся наши деятели и вовсе не нужно много проницательности, чтобы убедиться в этом.

Какие качества подбираются естественным подбором? Без сомнения, такие качества, которые даруют одной особи победу над другою и которые могут быть унаследованы потомством победившей особи; но качества, дарующие победу одной особи над другою, – *это качества, которыми она может устранить, уничтожить или обмануть другие особи* наследоваться могут только физические и психические качества, а потому подбираемыми качествами, помимо физической силы и ума, будут жестокость, хитрость, лесть, вероломство – *вообще же качества, разъединяющие людей*. Они же будут размножаться естественным подбором наравне с другими, о которых я теперь не упоминаю. По-

смотрим теперь, какие качества размножаются подбором историческим? В борьбе между обществами, как соглашается и Дарвин, берут перевес общества, теснее и лучше сплотившиеся, т. е. такие, где особи действуют единодушнее, где более сознана и осуществлена солидарность. Таким образом, исторический подбор стремится размножить качества, которыми (в пределах племени) *одна особь помогает, содействует, сочувствует другим и прямо устраняет наклонности, разъединяющие людей* (соплеменных). Противуположность процессов естественного и исторического подбора выясняется этим сама собою. Оставляя даже в стороне все другие эффекты обоих деятелей, мы видим, что одновременно действовать они могут только друг друга подрывая; действительно, уже из этого беглого сопоставления фактов видно, что исторический подбор направляет свою деятельность на развитие чувства симпатии, сознания солидарности, явлений, прямо противудеяствующих, по крайней мере, борьбе за существование между членами общества и тем подрывающих проявление естественного подбора.

Но этим противодействием проявлению борьбы за существование не ограничивает исторический подбор свой антагонизм подбору естественному; он идет дальше и стремится устранить самую причину борьбы за существование – перевес размножения особей над количеством пищи. Естественно, что победу при других равных условиях одержит племя более многочисленное, такое, которое размножается быст-

рее; размножение без искусственного умножения пищи производством ее ограничено весьма тесными пределами, но чем совершеннее способ ее производства или даже способ ее добывания в первобытной жизни, тем более раздвинуты пределы размножения, тем быстрее может размножаться племя, тем скорее перерастет оно численностью своих соседей. Значит, обыкновенно племя будет тем многочисленнее (при других равных условиях), чем скорее умеет оно раздвигать предел размножения, чем полнее равновесие между размножением его членов и умножением пищи. Очевидно, что и с этой стороны исторический подбор, даруя победу племенам более многочисленным, распространяет способы, которыми размножение потребностей и размножение средств удовлетворения удерживаются в равновесии или, по крайней мере, в большем равновесии, и тем самым пытается разложить сочетание деятелей, производящее борьбу за существование. Здесь вопрос не в том, производит ли исторический подбор равновесие между размножением и возрастанием средств и возможно ли вообще такое равновесие? – Положим даже, будто невозможно; но несомненно, что возможно приближение к нему более или менее полное, создаваемое развитием культуры, и исторический подбор, сам ничего не производя, только сортирует эти приближения и охраняет наибольшие, даруя им победу в борьбе племен и обществ. С другой стороны, несомненно, что чем больший дан простор размножению, тем меньшее поле остается для бор-

бы за существование, которая и вызывается стеснением размножения; ослабление же борьбы за существование влечет и ослабление естественного подбора. Таким образом, борьба за существование с двух сторон стеснена историческим подбором – развитием чувств и мыслей в особях, отвращающих их от борьбы, и расширением предела размножения, отчего она является уже не столь повелительною. Кроме этого противодействия естественному подбору чрез ослабление и ограничение борьбы за существование, исторический подбор прямо истребляет и уничтожает те общества, в которых наиболее развился эгоизм, т. е. в которых, следовательно, естественный подбор был наиболее деятелен, а этим исторический подбор должен отчасти косвенным путем содействовать разложению борьбы за существование и органической наследственности признаков, дарующих победу. Устраняя общества, в которых естественный подбор наиболее деятелен, потому что создаваемые им качества оказываются невыгодны в борьбе между племенами, но не будучи в состоянии устранить самую борьбу за существование, исторический подбор естественно сохранит те племена, где борьба за существование пользуется орудиями, органически ненаследственными. Это же обстоятельство вытесняет естественный подбор, не вытесняя борьбы за существование. Таким косвенным покровительством племенам, принявшим ненаследственные орудия в борьбе за существование между сочленами, не ограничивается исторический подбор. Искусствен-

ные орудия борьбы – власть, богатство, знание, привилегия и т. д. Пользование этими орудиями в борьбе за существование изменяет ее характер; прямое насилие заменяется эксплуатацией. Большинство этих орудий при своем развитии дает также перевес в борьбе между племенами, а естественно, раз они стали главными орудиями успеха, они должны развиваться. Это развитие богатства и знания при других равных условиях дает также перевес и в борьбе племен – триумф, который, конечно, не стоит доказывать. Говоря о власти как орудии борьбы за существование, я менее всего понимаю борьбу за власть, когда она не орудие, а цель, и притом преследуемая большею частью в борьбе насилем; орудием в борьбе за существование власть может быть только тогда, когда она прочна, а ее прочность может иногда показывать дисциплину племени; значение дисциплины в борьбе между племенами тоже не требует доказательств. Даже привилегии, поскольку они во время их возникновения послужили накоплению богатства, знания, военного искусства, могли сослужить свою службу в междуплеменной борьбе. Если же, таким образом, замена грубой борьбы за существование, где орудиями борьбы служат сила, быстрота, ум, ловкость, жестокость, неразборчивость средств, тою формою этой борьбы, которая зовется конкуренцией и употребляет орудия, органически ненаследственные: богатство, знание, привилегию, искусство, власть, если эта замена оказывается выгодною в борьбе племен, то исторический подбор дает

преобладание последней форме, хотя вообще он ослабляет всякую борьбу за существование. Таким образом, исторический подбор по всем пунктам является антагонистом естественного подбора; он распространяет чувства и склонности, отвращающие человечество от индивидуальной борьбы за существование; он распространяет культуры, удачнее других решающие вопрос о равновесии между потребностями и средствами удовлетворения; он, наконец, дает преобладание косвенно и прямо формам общежития, где в большей степени устранена органическая наследственность орудий борьбы за существование. Если первыми двумя путями он только ослабляет естественный подбор, то последним он может его изгнать совершенно. Таковы-то эффекты исторического подбора; будучи сочетанием иных деятелей, хотя наружно походя на естественный подбор, он является повсюду его антагонистом. Не касаясь в настоящее время вопроса, насколько он в состоянии совершенно изгнать естественный подбор, нельзя не признать, что именно к этому тяготеет его деятельность. Исторический и естественный подбор – силы, взаимно исключают; это два полюса в ряду процессов, которыми совершается прогресс жизни. Но оба они процессы сложные, а потому их антагонизм должен находить истолкование в антагонизме их факторов. Если деятельность естественного подбора угнетается историческим подбором, то, значит, факторы первого противодействуют факторам последнего, и процесс исторического прогресса даже без вмешательства

исторического подбора должен быть враждебен естественно-му подбору и именно в тех самых пунктах, поражением которых исторический подбор угнетает естественный. Эту сторону вопроса мы и должны разобрать теперь.

Мы видели, что исторический подбор борется с естественным тремя путями: *во-первых*, он стремится разложить сочетание борьбы за существование и органической наследственности орудий борьбы и победы, *во-вторых*, он стремится ограничить и парализовать проявление борьбы за существование, развивая чувства и наклонности, ей противоположные, и *в-третьих*, он стремится уничтожить причину борьбы за существование, покровительствуя культурам, лучше других уравнивающим размножение населения умножением средств. Но он, как я уже упоминал, есть деятель, только сортирующий племена и культуры, которые создаются другими процессами; в индивидуальной борьбе за существование материал для сортирования доставляет индивидуальная изменчивость; в борьбе племен этим материалом служат различия культур и цивилизаций, созданные не случайно, но необходимым развитием исторического прогресса. Поэтому и различия по тем трем признакам, на основании которых исторический подбор сортирует борющиеся племена, должны возникать не иначе, как путем этого прогресса. Общественное развитие, следовательно, независимо от того процесса, двигателем которого является исторический подбор, должно разлагать сочетание борьбы за существование и ор-

ганической наследственности признаков, дарующих победу, должно развивать чувства, отвращающие население от борьбы, должно стремиться уравновесить размножение населения с размножением средств. Все это должно создаваться прогрессом каждого общества, а дело исторического подбора только дать преобладание наиболее успешным обществам; не производись эти явления естественным ходом исторического прогресса, историческому подбору не над чем было бы и работать. Повсюду он по необходимости является деятелем, только мультиплицирующим эффекты естественного общественного процесса. Рассмотрим же поочередно, как проявляются в историческом прогрессе те три явления, на которых мы выше остановились: устранение органической наследственности орудий борьбы за существование; развитие нравственного чувства, восстающего против проявления борьбы за существование между людьми; и уравнивание размножения населения умножением средств. Начнем с первого явления.

Глава X

Органическая наследственность орудий борьбы

Пересмотрим для нашей цели различные общественные формы, через которые прошла цивилизация в своем историческом развитии. Нам нет надобности останавливаться на вопросах о причинах, обуславливавших переход от одной формы к другой, на деятелях, создававших исторический прогресс; эти причины и эти деятели суть явления общественные в тесном смысле, и их проявление, поскольку оно создавало явления общественные же, не относится к предмету настоящего исследования. Ими мы займемся лишь настолько, насколько они воздействовали на те сложные биологические деятели, которые делали прогресс органический. Мы уже определили общий и коренной антагонизм, существующий между проявлением естественного подбора и прогрессом человечества, насколько он производится подбором социальным, или историческим. Теперь мы должны рассмотреть, как независимо от этого сложного деятеля прогресс исторический воздействует на проявление естественного подбора. В какое отношение становятся к нему различные общественные условия по мере возникновения их в обществе с развитием цивилизации, и прежде всего по наше-

му плану нам предстоит решить вопрос об отношении этих условий к одному из условий естественного подбора, к органической наследственности признаков, дарующих победу в борьбе за существование. С этой-то точки зрения мы и пересмотрим сейчас различные формы, в которые последовательно отливались человеческие общества.

Наиболее древняя и вместе с тем наиболее простая форма общества представляется *диким состоянием* (*sauvagerie*). Несмотря на разнообразие быта диких племен, можно установить общие признаки этого состояния, которые вместе с тем должны быть и самыми основными. Обращаясь к экономической стороне жизни этих племен, самым характеристическим отличием будет то, что пища ими *добывается, но не производится*: охота и рыбная ловля составляют главный источник их пропитания, затем следуют дикорастущие плоды, травы и корни. В этом состоянии размножение ограничено еще теми средствами пропитания, которые производит сама природа, не направляемая трудом человека. Прогресс экономический тут может заключаться в расширении сферы добывания пищи чрез включение произведений, прежде недоступных добыче, что производится при помощи усовершенствования орудий и снарядов, служащих для охоты и рыбной ловли. Палица, праща, дротик, топор с каменным лезвием, а затем, быть может, и с металлическим, нож и лук – вот разные приспособления, которые достижимы и в дикой форме человеческого общества; сюда же можно отнести удочки

с костяными крючками, острогу с каменным или костяным наконечником, плетеную из ветвей западню для рыб, равно как капканы для зверей и волосяные силки для птиц. Все эти и некоторые другие снаряды и орудия были изобретены в период дикого состояния и предназначались служить облегчением в добыче пищи; с этой стороны можно бы было сказать, что уже и в дикости человек отчасти, косвенным путем обратился к производству пищи, производя орудия для добывания ее. Но, во всяком случае, прямого производства пищи мы не встречаем в этой форме общежития.

Вторую характеристическою чертой дикости в ее экономической жизни является простота, элементарность всех ее производств. Главною стороною производства должно было быть создание вышеисчисленных орудий и снарядов для добывания пищи; одно простое перечисление их, мною сделанное, указывает на несложность производства. Прогресс в производстве этих орудий, как и многих других предметов труда дикаря, был отчасти обусловлен умением искусственно производить огонь; искусственное добывание огня известно всем дикарям, с какими только знакома наука, но, конечно, было время, когда люди не знали его. В добывании огня мы замечаем некоторый прогресс: желобок и палочка, огневое сверлило и кремень – вот различные фазисы этого прогресса. Все способы самые простые, не требующие, как наши способы, сложного сотрудничества для производства

снарядов⁵³. После добывания пищи и добывания огня надо обратить внимание еще на производство снарядов для приготовления пищи (посуда), одежды, жилища. Пересмотрите поочередно все эти производства, как они изложены, напр., у Тайлора⁵⁴, и вы согласитесь, что все производимое дикарем не требует необходимо сложного сотрудничества, разделения труда, хотя в высших фазах развития дикого общества оно и могло бы проявиться. Итак, экономические признаки дикого общества сводятся к *добыванию пищи* (отсутствию ее производства) и к *простоте форм производства* (отсутствию разделения труда). На такое определение могут, пожалуй, возразить, что я определяю дикое состояние отрицательно, отсутствием таких-то признаков; на это я замечу, что положительную характеристику экономической жизни дикого состояния будет уже присутствие производства, какого бы то ни было, и что *насколько присутствие производства отграничивает дикое общество от досоциального состояния, настолько отсутствие производства пищи и отсутствие сложного сотрудничества, вместе взятые, отделяют его от последующих состояний и форм общественных.*

⁵³ О снарядах для добывания огня, употребляемых в первобытной культуре, см.: Тайлор. Доисторический быт человечества, гл. IX. О несуществовании незнакомых с добыванием огня племен, стр. 307–317. О снаряде "палка и желобок", стр. 319; об огнесверлиле, стр. 320–333; о других снарядах диких для той же цели – на следующих страницах. Эти снаряды (кроме кремня) состоят в различных приспособлениях трения дерева об дерево.

⁵⁴ См.: Ibidem., о посуде, 9-я же глава, после добывания огня.

При таком экономическом быте, где каждый член общества может обойтись без помощи своих сочленов или, по крайней мере, где содействие выражается обыкновенно в форме простого сотрудничества и только как исключение в форме сложного, при таких условиях экономической жизни зачатки материальной культуры, находимые нами в диком обществе, не могут изменить существенно условий борьбы за существование. Отсутствие производства пищи исключает возможность значительных сбережений и запасов ее, которые могли бы капитализоваться и за которые обладатель их мог бы покупать услуги и помощь других; это же отсутствие обуславливает отсутствие и собственности в том виде, как вырабатывается это понятие впоследствии, а это опять-таки лишает возможности одних лиц покупать труд других, не обменивая его на свой собственный. Простота всех производств, доступность их более или менее каждому сочлену делает бесполезным накопление этих незамысловатых продуктов, что тоже мешает созданию капитала и приобретению органически ненаследственных орудий борьбы за существование. Таким образом, *экономические условия* первобытного дикого общества нисколько не ограничивают действия естественного подбора, поскольку оно зависит от органической наследственности орудий борьбы за существование. Влияние их в этом направлении ограничивается, быть может, только введением новых признаков как орудий борьбы, напр., изобретательности, искусности ручной работы и

т. п. Не надо забывать, впрочем, Что уже и дикая культура все же расширяет пределы размножения и с этой стороны частью противодействует борьбе за существование. Укажу еще и на то обстоятельство, что если сложное сотрудничество и не необходимо в экономическом быту диких, то все же оно возможно и выгодно для племени, где проявится, и исторический подбор не преминет выдвинуть подобные племена и даровать им успех в междуплеменной борьбе за существование. Сложное же сотрудничество и при отсутствии производства пищи может породить капитализацию продуктов, хотя бы, напр., глиняной посуды. Такими частными осложнениями вообще простого производства, которые должны непременно возникать со временем и в диких обществах, отчасти нарушается значение личных, органически наследственных качеств в борьбе за существование, но покамест это нарушение не идет дальше простого колебания, быть может, замедления естественного подбора.

Политическая жизнь диких племен находится еще в более рудиментарном состоянии, чем экономическая. Главную роль играет союз семейный; но значение различных форм брака (коммунального, полиандрии, полигамии, умычки), господствующих в диких обществах, я рассмотрел в этюде о половом подборе в обществе. Там я показал, как коммунальный брак должен был естественно перейти в полиандрию или полигамию уводом; как полиандрические племена, принявшие повсюду обычай эндогамии, должны были вследствие

тесного скрещиванья измельчать и погибнуть; как, напротив того, полигамы должны были быстро размножиться и подбираться по силе, ловкости и т. д., вследствие чего они должны были взять верх в междуплеменной борьбе и вытеснить племена полиандрические и коммунальные. Значение форм брака для проявления полового подбора и направления его деятельности чрезвычайно важно, но на течение естественного подбора, кроме некоторых указанных в прошлом этюде черт, они могут иметь влияние весьма тесное. Укажу, напр., на последствия порабощения женщин, которое в большей или меньшей степени сопровождает форму брака умычкой. Власть, которую в таком браке приобретает муж над женою, делается в руках мужа одним из орудий борьбы за существование; он по возможности слагает с себя трудности повседневной работы, часто ограничивая свою деятельность только добыванием пищи, все же производство лежит на жене или женах. Тяжелая работа, обременяющая женщину, делает ее малоплодовитою⁵⁵, и племя, дальше других ушедшее

⁵⁵ См.: Герб. Спенсер. Основания биологии, т. II, ч. VI, § 327, а также главу VIII той же части (§§ 347–351), где Спенсер доказывает, что между количеством траты силы организмом и генезисом существует антагонизм. Любопытный пример в этом роде приводит Уоллес в "Малайском архипелаге", именно племя дайяков на о. Борнео, которое, несмотря на все благоприятные условия, не размножается. Уоллес объясняет это обременением дайякской женщины, на которой лежит тяжелая работа, см. русск. перев., стр. 99-101. Поэтому, мне кажется, мои соображения о значении порабощения женщины для исторического подбора имеют за себя как теоретическую подкладку в выводах Спенсера, так и замечательный пример. У Герб. Спенсера приведены и другие примеры, даже, по-видимо-

по пути обременения женщины, должно медленнее размножаться, а это роковым образом отзываясь на нем в междуплеменной борьбе за существование. Таким образом, порабощение женщины, служащее орудием в индивидуальной борьбе за существование, является причиною поражения в междуплеменной борьбе, так что если, как мы видели в прошлом этюде, исторический подбор и дарует победу полигамии уводом, порождающей порабощение, то он же полагает и предел такому порабощению.

Кроме семьи, дикое общество знает еще форму племени, т. е. союза семей одного происхождения, но Ото наименее исследованная сторона первобытной культуры. Вообще можно сказать, что это форма весьма неустойчивая, власть племени или его предводителя весьма невелика (надо помнить, что я говорю о диких в строгом смысле, как определяются они вышеочерченным экономическим бытом). Надо полагать поэтому, что власть, которую облакался начальник племени, не могла служить особенно деятельным орудием в борьбе за существование, если сам начальник не обладал какими-либо особыми личными преимуществами, а с

му, более поразительные, но ни один не соединяет в себе столько условий плодovitости при доказанной неплодovitости. Интересны следующие факты: кафры имеют от 12 до 20 детей, готтентоты редко более 3, многие женщины совершенно бесплодны. Плодovitость малодетельных канадцев-французов и малоплодность деятельных англичан-канадцев. Во Франции и Австрии дознано, что зрелость крестьянской трудящейся девушки наступает годом позже, чем праздно́й девушки среднего сословия (см. §§ 360–367).

другой стороны, трудно допустить, чтобы были часты случаи начальников, не возвышавшихся над своими соплеменниками личными преимуществами. Вообще надо признать, что в диком обществе условия политического быта также мало колебали органическую наследственность орудий борьбы за существование, как и условия экономические. Некоторое колебание могли произвести власть мужа над женою (и, быть может, отца над детьми) и наследственность звания предводителя племени, где она успела установиться, так что *власть*, в будущем столь могучее орудие борьбы за существование, в диком обществе еще бессильна в конкуренции с личными преимуществами так же, как *капитал и собственность*.

Чрезвычайно распространено мнение, что вначале звание начальника племени и священника, посредника между богами и людьми, облекало всегда одного человека, так что только впоследствии выделились власть светская и духовная, но мне кажется, что подобный случай не может быть рассматриваем как общий и даже как господствующий. Несколько позже в родовом быту это, действительно, по-видимому, было всегда так, но в диком состоянии, как мы его выше определили, это явление едва ли может почитаться необходимо присущим, неизбежною первой ступенью развития жречества. В сравнительно более высоком патриархальном быту были и религиозные воззрения несколько выше; оба элемента религиозного развития – обоготворение сил и явлений природы

и поклонение душам умерших – приняли несколько систематическую форму, олицетворились, поэтому и форма поклонения приняла более постоянный и определенный характер, явилась необходимость постоянного жертвенника, правильных, периодических приношений, а кому же, как не родоначальнику, было естественнее всего исполнять эти религиозные обряды за весь свой род. Но такая выработанность (относительная) религиозных воззрений могла явиться в диком обществе разве уже при переходе его в другие формы и потому не может рассматриваться как общее правило. Преобладающею формой мифического мирозерцания дикаря должно было быть обоготворение предметов природы и умерших в самой грубой форме. Здесь не находим мы еще ни постоянных жертвоприношений (или, лучше сказать, вовсе не находим жертвоприношений в их позднейшей форме), ни молитв, ни храмов; религиозное поклонение выражается в колдовстве и заклинании. Колдун и знахарь, по всей вероятности, предшествовали жрецу-предводителю племени, как идея об управлении природы, посредством заклинаний и различных раздражательных действий предшествовала идее управления ею при помощи умилоствления всемогущих богов. Если же таков был прогресс религиозного мышления, то, значит, в диком обществе мы должны найти дифференцированными власть политическую и влияние, соединенное с званием посредника между людьми и богами. Мы, действительно, видим повсюду у диких, что не начальники их яв-

ляются у них шаманами, колдунами, кудесниками, ведьмами и вообще различных наименований вещими мужами, женами и девами. Эти же наименования служат, во всяком, случае, более надежным орудием в борьбе за существование, чем сомнительные капиталы дикаря или колеблющаяся власть его предводителя. Власть различных *вещих* над дикарями изумительна и, конечно, представляет собою действительное, могучее орудие в борьбе за жизнь и притом орудие, органически ненаследственное. Для нас важно бы было определить теперь, как оно приобретается. Если приобретение его связано с каким-либо особенным личным качеством или качествами, то эти качества должны быть покровительствуемы естественным подбором. К сожалению, антропология представляет мало материала для решительного определения пути достижения у различных диких племен звания знахаря, колдуна. *A priori* можно сделать несколько предположений; *во-первых*, вероятно, это частью люди душевнобольные с расстроенным воображением, энтузиасты, быть может, галлюцинанты; *во-вторых*, весьма часто это должно быть просто хитрецы, ловкие обманщики. Эти качества, следовательно, вероятно, могли бы подвергнуться подбору, но я думаю, по крайней мере, относительно второго разряда, что они должны развиваться скорее чрез упражнение, чем подбором. Если люди первого разряда, быть может, и могут возвыситься до звания колдуна, вещего человека самостоятельно, без содействия прежнего колдуна, то едва ли это ве-

роятно для лиц второго разряда; колдун же окажет содействие, научит, скорее всего, своего сына, и таким образом это звание, вероятно, на практике является наследственным. Наследственность звания в известных родах исключает деятельность естественного подбора, а болезненность первого разряда знахарей не позволяет рассчитывать на оставление ими более многочисленного потомства. И это, вероятно, самое чувствительное ограничение естественного подбора в диком обществе.

Пересмотрев, таким образом, все главнейшие стороны быта диких племен, мы приходим к заключению, что значение в борьбе за существование орудий, органически ненаследственных, весьма ограничено в диком обществе; в экономическом и политическом быту оно даже ничтожно, и их можно ценить разве как зародыши условий, имеющих развиться; несколько больше значение их в религиозном быту. Поэтому остается полный простор людям употреблять в борьбе за существование их личные природные преимущества, которые в большинстве случаев и решают борьбу, и этим путем естественный подбор удерживает свое значение. Теперь нам нужно только определить направление, в котором должен действовать естественный подбор в диком обществе, если не повсеместно и не всегда, то, по крайней мере, в большей части случаев. Появление культуры, хотя и не в совершенной форме, должно было уже изменить направление подбора. На это изменение я уже указывал в этюде о

половом подборе, именно, что вместо подбора специальных орудий вооружения для нападения и защиты (вроде рогов, клыков, брони и т. п.), которые подбираются в докультурный период, на первый план выступает подбор силы, ловкости, быстроты, ума вообще. Благодаря этому изменению признаков, подверженных подбору, происходит и другое немаловажное изменение. Различия особей по силе, ловкости, быстроте, уму должны меньше, чем различия по величине, крепости, выгодной форме и пр. орудий вооружения, зависеть от индивидуальной изменчивости при рождении (возникающей вследствие случайных причин, особого столкновения наследственностей при скрещивании, реверсии и т. п.) и происходят, вероятно, больше из различия упражнения. Если же это так, то естественный подбор значительною частью является лишь деятелем, умножающим последствия прямого приспособления чрез усиленное упражнение. Я не хочу сказать, чтобы случайная изменчивость вовсе не доставляла или доставляла очень мало материала для подбора, но только то, что она с возникновением даже дикой культуры начинает доставлять его меньше, чем в докультурный период, и что очищаемые ею области занимаются изменчивостью, порождаемою определенным влиянием условий; одним словом, что определенное влияние условий, раз вступив на почве социальной жизни в борьбу с естественным подбором за значение в прогрессе, берет верх, что называется, не мытьем, так катаньем. Не будучи еще в состоянии значительно поколе-

батьразмеры его деятельности, оно частью делает его просто мультипликатором своих эффектов, изменяя *род его деятельности*.

Выше я упомянул, что естественный подбор в обществах дикарей Должен тоже, по-видимому, содействовать развитию ума; мы видели, говоря об историческом подборе, что, между прочим, естественный подбор должен развивать антисоциальные психические качества: лукавство, обман, вероломство, жестокость. Быть может, именно его действию должны мы приписать встречаемое между дикарями людоедство и вообще зверство, иногда превосходящее все, что мы знаем о подобных чувствах у низших животных⁵⁶. Отсутствие чувства симпатии, жалости должно было развиваться в индивидуальной борьбе за существование. Помимо этих качеств, естественный подбор, вероятно, производит у дикарей подбор ума, энергии, находчивости, а особенно совершенства внешних чувств и, может быть, некоторых других

⁵⁶ См.: Леббок. Начало цивилизации, гл. VII. На стр. 164 он говорит, что жестокость, воровство, убийство, грабеж считаются у дикарей похвальными; при этом он прибавляет даже: "Нравственность дикарей гораздо ниже и менее развита, чем вообще предполагают" (стр. 165). Ряд интересных и многочисленных примеров на стр. 164–167; приводимые факты чрезвычайно разнородны и, конечно, далеко не одинаковой пробы и значения; но есть между ними и такие, которые не только вполне подтверждают взгляд Леббока, но даже доказывают больше, напр., см. о тасманийцах, австралийцах, восточных неграх и др. (*Прим. 1-го изд.*) Добавлю это примечание указанием на интересные данные, заключающиеся в книге г. Кулишера "Очерки сравнительной этнографии", 8-12. (*Примеч. 2-го издан.*)

психических свойств, но ни в каком случае и никогда нравственности. Мы видели, что противоположное мнение Дарвина произошло оттого, что он под естественным подбором разумел исторический подбор, процесс, существенно от него отличный по своим составным факторам и прямо противоположный по эффектам. Резюмируя наше обозрение проявления естественного подбора в диком обществе, мы можем сказать: 1) что создание первобытной культуры, которая отличает эту форму общественного быта, ведет к изменению направления естественного подбора, обращая его на подбор силы, быстроты, ума вообще, а не орудий вооружения, которые заменяются искусственным оружием; 2) что такое изменение характера подбора заставляет его в большей степени пользоваться изменчивостью, порождаемую определенным влиянием условий, и таким образом делает его отчасти просто мультипликатором эффектов этих условий, подбирая наиболее удачные; 3) что создание культуры, поскольку оно выражается в появлении сложного сотрудничества, политической организации и того мнимого знания, которое выражается в колдовстве, влечет за собою появление на арене борьбы за существование орудий, органически ненаследственных, и тем ослабляет деятельность естественного подбора; 4) что это ослабление весьма незначительно, и естественный подбор играет поэтому видную роль в жизни диких обществ; но 5) всякое подобное ослабление покровительствуется историческим подбором, и потому общий про-

гресс всего дикого человечества выражается в постепенном, ослаблении естественного подбора, хотя при условиях дикого быта он и не может быть вытеснен совершенно.

Я остановился подробно на диком обществе, потому что в нем мы уже встречаем в зерне главные социальные условия, имеющие развиться и определиться с ходом исторического прогресса; они еще бессильны ввиду физических и органических деятелей, но направление, характер их деятельности мы можем наметить довольно отчетливо и в этом зачаточном состоянии. По отношению к занимающему нас вопросу органической наследственности орудий борьбы за существование направление это состоит во введении орудий, ненаследственных органически, и притом соразмерно развитию сложного сотрудничества, укреплению политической организации и значению действительного или предполагаемого только знания. Факторы эти не сами по себе производят такое последствие, но чрез создание капитала, власти и знания и чрез распределение их несоразмерно личным качествам. Раз такое распределение возникло, оно уже само служит причиною дальнейшего развития в том же направлении; первоначально же возникает это явление из естественного стремления передать свои преимущества (богатство, власть, знания) детям, которые, конечно, не всегда обладают личными качествами, доставившими их отцам переданные им преимущества. Все эти выводы и соображения мы можем сделать, наблюдая первобытную культуру диких, ко-

гда все отношения еще не затемнены, когда указанные социальные деятели еще только зарождаются, взаимно друг друга не осложняют и стоят лицом к лицу преимущественно с деятелями органического прогресса, силами докультурного периода. Определив их значение при самом, так сказать, их зачатии, мы тем облегчаем себе дальнейший путь, где будем иметь дело с ними же. Поэтому мы можем ограничиться лишь беглым обзором последующих форм быта и остановимся несколько подробнее только на последней форме – цивилизованном государстве.

В экономическом развитии поворотным пунктом от дикого состояния к цивилизованному надо, по-видимому, считать время, когда впервые была произведена пища; окончательно же переходит дикий быт в другие формы, когда производство пищи получает решительное преобладание над ее добыванием, когда земледелие или скотоводство заменяют охотничий и рыбный промыслы. Теперь отвергнуто мнение, будто скотоводство необходимо предшествовало земледелию; оба способа производства пищи возникали прямо из дикого состояния, смотря по условиям страны, в которой жило племя, делавшее этот прогресс. Однако от этого не уменьшаются существенные и весьма важные различия обоих способов производства. В то время как развитие земледельческой промышленности вместо зверо- и рыболовной значительно усложнило процесс добывания пищи как для каждого индивида, так и для всего общества, возникнове-

ние скотоводства едва ли даже не упростило этот процесс, по крайней мере, для каждого индивида. Уход за стадами, состоящий в одном оберегании, кухонное искусство, производство молочных продуктов, кож, войлоков – вот чем ограничивался труд члена кочевой общины; разделение труда мы едва ли вправе тут ожидать больше, чем в диком состоянии, а отсутствие частной собственности предупреждает накопление капитала. Вообще по условиям быта кочевого, пастушеского надо ожидать, что тут исчезает индивидуальная борьба за существование и вполне возмещается борьбою между родами. Было бы весьма интересно определить орудия борьбы и победы в междуродовых войнах пастухов-кочевников, но это прямо не относится к предмету настоящего этюда.

Земледелие, как выше упомянуто, осложняет производство и потому открывает путь к развитию сложного сотрудничества; но гораздо важнее то обстоятельство, что возможность неравенства урожая, возможность делать запасы и сбережения производят нечто вроде капитализации, процесс, постоянно поддерживаемый сложным сотрудничеством⁵⁷. Рядом с экономическими преобразованиями ру-

⁵⁷ Я здесь вовсе не касаюсь вопроса об образовании капитала в современной экономической жизни, производится ли он чрез сбережение, как утверждают одни, или производительным потреблением, как думает, напр. Милль, или наконец, вследствие постоянной разности между ценностью, потребляемою трудом и воспроизводимую им, как доказывает К. Маркс. На той ступени экономического развития, которой я тут касаюсь, не может быть речи о подобных разногласиях, тем более, что я рассматриваю тут капитал не как орудие и средство производства (определение экономической науки), а лишь как орудие и средство борьбы

ка об руку идут политические. Здесь главным отдельным пунктом является возникновение государства, промежуточной формой – родовой или патриархальный быт, а также общинный. Мы не будем вдаваться в разбор всех этих форм и их генезиса. Довольно того, что в это время шаг за шагом возникали собственность, сословия, рабство, государственная власть, жреческая иерархия и, таким образом, постепенно развивались преимущества, которые не могут быть унаследованы органически и которые не связаны причинною связью ни с каким органически наследственным признаком. Все эти преимущества росли и количественно, и качественно, увеличивалось их число и их сила, так что, наконец, в цивилизованном государственном быту мы находимся лицом к

за существование. Если в обоих своих значениях капитал и не лишается своих характеристических отличий, то все же он является далеко не в одном и том же убранстве. Может быть, мне возразят, что в таком случае лучше не употреблять термина *капитал*, чтобы не затемнять и без того не слишком отчетливое представление о нем, господствующее в науке; с этим нельзя не согласиться, но термин *богатство* еще менее выдержит критики, потому что далеко не все богатство употребляется как орудие борьбы за существование, а значительная часть растрачивается. Большею частью только та доля его, которая употребляется на производство служит орудием борьбы за существование, поэтому ей и приличествует всего более название капитала. Однако, менее кого бы то ни было я смешиваю капитал в смысле орудия производства и в смысле орудия борьбы за существование; богатство, употребленное на подкуп, не есть орудие производства, хотя оно тут послужило орудием в борьбе за существование. Государственные затраты на канализацию, осушение болот или орошение безводных степей пошли на производство, но они никому не послужили орудием борьбы за существование, напротив, они, расширив предел размножения, ослабили борьбу за существование.

лицу с чрезвычайно сложным механизмом культуры и гражданственности, где успехи каждого члена общества заранее, так сказать, предопределены его положением и управляются течением обстоятельств, в весьма слабой степени зависимым от его воли. Знатность, участие во власти, богатство, образование, покровительство сильных мира сего, политические учреждения родины, образование и состоятельность среды и пр., и пр. – вот главные орудия успеха в цивилизованном обществе. Говорят, находчивость, предприимчивость, энергия много значат; но что со всеми этими достоинствами поделает бедняк, не получивший образования и не имеющий сильного покровителя? А получить образование, составить состояние, приобрести покровителя – разве это зависит от бедняка, всем обделенного, а не от ряда обстоятельств, сложившихся, быть может, за много времени даже до его рождения и над которыми во всяком случае он не властен. Вообще, я не могу представить себе пути, который естественный подбор мог бы проложить себе на арену социального прогресса в цивилизованном быту. Мнение, мною высказываемое, противоречит многим авторитетам и, между прочим, воззрениям Дарвина и Герберта Спенсера; поэтому мне придется теперь остановиться на разборе их мнений. Начну с Дарвина.

Вот краткое изложение воззрений Дарвина⁵⁸. Первым противодействием влиянию естественного подбора в цивили-

⁵⁸ См.: Дарвин. Происхождение человека и половой подбор, I, рус. пер. Сеченова, гл. V, стр. 187–203.

лизованной жизни являются средства против болезненности и смертности, призрение беспомощных, богадельни и приюты и пр. Осложняющим влиянием является собственность, вследствие чего на арену борьбы за существование люди выходят не с одинаковыми средствами (Sic!). "Хотя цивилизация, – соглашается Дарвин⁵⁹, – противодействует во многих отношениях естественному подбору, зато, с другой стороны, введением лучшей пищи и избавлением от случайных нужд она, очевидно, благоприятствует лучшему развитию организма". Это доказывается тем, что люди цивилизованных стран сильнее дикарей. Значит, замечу я от себя, естественный подбор вовсе не столь благодетельная вещь и порода может улучшаться и без него; ведь сам Дарвин приписывает не ему улучшение породы, а прямому влиянию цивилизации. Однако обратимся к Дарвину. Определив, таким образом, противодействующие условия, Дарвин переходит к положительному проявлению естественного подбора: несомненно, что наиболее смысленные и изобретательные лучше успевают в жизненной конкуренции, что, впрочем, до известной степени уравнивается размножением непредусмотрительных людей. Что касается вопроса о бесплодии талантливых людей, то Гальтон решил его положительно: "Относительно физического строения, усовершенствованию вида способствует подбор несколько более одаренных, а не сохранение резких и редких аномалий. То же должно суще-

⁵⁹ Иб., 191.

ствовать и относительно умственных способностей". Поэтому вопрос о наследственности таланта не так важен. Гальтон открыл закон среднего уклонения от нормы, в силу которого при общем повышении уровня умственных способностей должно являться и более талантов. Для нравственного усовершенствования путем подбора важны следующие факты: казни, заключения и ссылки преступников; самоубийства меланхоликов и помешанных; удаление помешанных; эмиграция беспокойных людей; сильное сокращение жизни пьянством; неплодовитость развратных женщин и обыкновенное безбрачие развратных мужчин. Однако, перечислив все это, Дарвин замечает⁶⁰: "Насколько вопрос касается высокого уровня нравственности и увеличения числа способных людей, естественный подбор имеет, по-видимому, у цивилизованных наций мало влияния". До сих пор приведены факты, в которых естественный подбор является деятелем совершенствующим, но дальше Дарвин приводит и другой ряд фактов: бедные (большею частью менее образованные) и легкомысленные женятся рано, откуда происходит не только то, что они производят больше детей и что поколения их сменяются быстрее, но и то, что дети их сильнее и здоровее. Влияние этих фактов уравнивается фактами их большей смертности и меньшей плодовитости при неумеренности. В этом отношении интересные данные представляет статистика, которая показывает, что между 20–80 годами жиз-

⁶⁰ Ibid., I, 194.

ни холостяков умирает почти вдвое больший %, нежели женатых того же возраста. Отсюда Дарвин вслед за Фарром выводит, что только лучшие представители каждого поколения находят возможность вступить в брак. История тоже доставляет Дарвину несколько примеров естественного подбора. вредное влияние инквизиции (особенно в Испании) на уровень умственных способностей; вредное влияние безбрачия духовенства в средние века, когда все трудолюбивое и умственно развитое шло в духовные. Этим исчерпывается все сказанное Дарвином о действии естественного подбора в цивилизованном обществе. Правда, Дарвин сам, как мы выше видели, допускает его с весьма ограниченным значением, но все же допускает больше, чем я могу уступить; разберем же шаг за шагом аргументацию Дарвина.

Прежде всего, останавливаясь на деятелях, противудействующих естественному подбору, Дарвин посвящает большую долю своего внимания тем условиям, которые спасают от конечной гибели лиц, уже побежденных в борьбе за существование; но очевидно, если бы этим ограничивалось противодействие естественному подбору, то по большей мере оно замедлило бы только ход его. Из органических ненаследственных орудий борьбы за существование Дарвин берет в расчет только собственность и то довольно поверхностно⁶¹; все же остальные факторы: образование (которое ведь унаследовано быть не может), власть политическую, духов-

⁶¹ См.: *ib.*, I, 189–191.

ную власть священника, сословные привилегии, различные монополии и вообще весь сложный механизм политических, гражданских и религиозных прав, корпораций, союзов, влияние общественного мнения и пр., и пр. – все это Дарвин игнорирует совершенно, будто бы не это служит орудием борьбы за существование, а, напр., изобретательность и смекаленость. Люди изобретательные и смекаленные массами гибнут в борьбе за существование, потому что бедны, потому что негде и не на что им было получить образование, потому что они лишены тех или других прав (а какое значение имеет лишение некоторых прав, лучше всего доказывает участь незаконнорожденных), да и мало ли еще иных "потому что" можно отыскать и назвать; а с другой стороны, люди совершенно бездарные и даже положительно глупые живут припеваючи и плодят большое потомство. Как же тут можно говорить о подборе изобретательности? Если она растет, то благодаря упражнению, а не подбору. Замечу, что привилегия на изобретение есть скорее покровительство знанию, чем изобретательности. Если на все это мне и могут возражать, что я не доказал положительно несуществования подбора умственных качеств, то я возражу, *во-первых*, что я, надеюсь, показал недоказанность его присутствия, и *во-вторых*, его невероятность наряду с деятелями столь сильными и затирающими личные преимущества, если последние не опираются на них же. Остальные соображения Дарвина по поводу воззрений Гальтона доказывают только, что если бы

естественный подбор имел место, то он поднятием среднего уровня способностей содействовал бы появлению талантов.

Факты, которые Дарвин приводит в подтверждение влияния естественного подбора на нравственные качества, еще меньше выдерживают критику. Казнь, заключение и ссылка преступников, удаление помешанных, но разве Дарвин не замечает, что это *искусственный подбор*, который он для животных отделяет от естественного. Легко предположить, что если бы вышел закон казнить, ссылать, заключать всех курносых или голубоглазых, то в ряде поколений он повлиял бы на уменьшение в расе этих признаков, но неужели и это был бы случай естественного подбора? В таком случае он в наших руках, но почему же он после того "естественный"? Я уже не говорю о том, что вопрос о наследственности преступности есть вопрос весьма спорный и основывать свои выводы на таких шатких аргументах приличнее противникам Дарвина, чем ему самому. По-видимому, гораздо внушительнее факты вроде самоубийства меланхоликов и помешанных, смертности пьяниц и неплодовитости проституток и развратников. *Во-первых*, несомненно, что меланхолия, помешательство, пьянство и половая развращенность наследственны⁶², а *во-вторых*, нельзя оспаривать и того, что это

⁶² Факты наследственного душевного расстройства общеизвестны; интересующихся же наследственностью пьянства и развращенности я отошлю к сочинению Люка "De l'Heredité naturelle", I, 461—487. Там приведены некоторые примеры наследственности пьянства, азартной игры и половой страсти — примеры, которые, по-видимому, не могут быть оспариваемы. К сожалению, материал (весьма

большую частью люди, не устоявшие в борьбе за существование; по-видимому, значит, это уже несомненный естественный подбор, ведущий к совершенствованию чрез устранение меланхоликов, помешанных etc. Но это только "по-видимому"; в самом деле, гнетущие обстоятельства, грозные поражения в борьбе за существование – вот причины, порождающие меланхолию, сумасшествие, пьянство, ведущие женщин к проституции. Ведь не меланхолия или проституция были орудием поражения в борьбе за существование; они явились продуктом поражения. Прежде потерпевший поражение в борьбе за существование умирал с голоду или холоду, бывал убиваем неприятелем, попадал к нему в рабство; этим и тому подобным выражалось его поражение, его гибель. Теперь же он кончает жизнь самоубийством, а ненормальное душевное состояние, предшествовавшее этому акту, называют меланхолией; теперь он сходит с ума, спивается с кругу, а женщина идет в проститутки, этим выражается поражение в борьбе за существование, это первые, так сказать, гуманные шаги к вычеркиванию несчастных, не устоявших в борьбе, из списка живых существ. Немудрено, если за этими первыми шагами (меланхолией, помешательством, пьянством, развратом) быстро следует и второй, решительный – смерть. Борьба за существование их создала, она же дальше и устраняет; раз

богатый), собранный Люка, не всегда отличается этим качеством; примером могут служить приводимые им факты наследственной преступности; все они могут быть объяснены иначе.

нанеся поражение, она добивает несчастного вторым ударом. Гуманность цивилизованного века предпочитает убивать в два приема да притом так, чтобы второй удар был нанесен собственной рукой: "Мое, дескать, дело – сторона". Этого-то и не разглядел Дарвин; привыкши к грубой простоте органического прогресса, он второй удар принял за единственный, не заметив, что самое качество, нанесшее второй удар, было производением первого удара. А этот первый удар был обусловлен именно теми органически ненаследственными орудиями борьбы за существование, о которых я говорил выше. Скажу несколько слов о проституции и ее неплодovitости: на это обстоятельство я обратил внимание еще в главе VIII, где и указал, что подбор для разврата красивых женщин должен понижать уровень красоты расы. Это несомненно; но не должно забывать, что этот эффект, собственно говоря, не относится к деятельности естественного подбора. Красота вовсе не представляет неблагоприятного признака в борьбе за существование, и вообще нет причин, заставляющих красивых женщин предаваться разврату преимущественно перед некрасивыми, исключая тех причин, что на них больший спрос, большая цена, а потому и больший соблазн; но эта причина относится к борьбе за спариванье, а не за существование, и все ее последствия должны быть отнесены на счет полового, а не естественного подбора. Из фактов, приведенных Дарвином в доказательство действия естественного подбора на нравственные качества, нам остались эмигра-

ция беспокойных и безбрачие развратных мужчин. Что такое беспокойность? где доказательство, что эмигрируют беспокойные? – вот Какими вопросами отвечу я Дарвину, но прибавлю, что прискорбно встречать подобные аргументы у такого всегда строгого и осторожного мыслителя. Неужели такая судьба социологии, что, кто бы за нее ни взялся, сейчас получает особенную склонность оставлять строгие научные приемы и ссылаться на факты неопределенные, которые весьма часто вовсе ничем не доказаны! О безбрачии развратных мужчин я тоже спросил бы Дарвина, откуда он это знает и не думает ли он, что если холостяки вообще развратнее, то скорее развратность есть следствие безбрачия, чем безбрачие – развратности, как, можно было бы предложить, думает Дарвин. Если же так, то надо было бы подумать и о том, что произвело безбрачие? Не поражение ли в борьбе за существование, которая велась вовсе не безбрачием или развратностью, а орудиями органически ненаследственными? Поражение в борьбе за существование, нанесенное преимуществами органически ненаследственными, затем невозможность вступить в брак, за безбрачием – разврат; это опять только гуманность, состоящая в том, чтобы доконать не сразу, а в несколько приемов. Последним ударом должна быть смерть, и действительно, Дарвин приводит факт, что холостяков умирает относительно вдвое больше, чем женатых. Дарвин и Фарр видят в этом доказательство, что только *лучшие* успевают вступить в брак; но кто же эти

лучшие? Кто их сортирует? Не борьба ли за существование? Конечно, никто другой. В таком случае эти лучшие вовсе не необходимо обладают личными преимуществами перед теми забракowanными, которые так быстро очищают сцену жизни; они только были лучше обставлены различными цивилизованными орудиями борьбы за существование, а потому им лучше (а следов., и дольше) жилось, и они успели жениться, обзавестись семьей. Поэтому напрасно Дарвин и Фэрр видят в большей смертности холостяков доказательство их худшей породы; эта смертность есть только последний акт длинной драмы жизни, где она претерпевала удар за ударом и медленно клонилась к развязке; безбрачие, развратность, ранняя смерть – все это продукты одного факта: поражения в борьбе за существование, которая решается не личными достоинствами. Где же тут естественный подбор? Все факты, приводимые Дарвином, либо относятся к искусственному подбору⁶³, либо показывают конец процесса; но поднимите завесу, скрывающую от вас начало, и нет более естественного подбора, совершенствующего породу. Перед вами борьба за существование во всей своей цивилизованной на-

⁶³ Влияние инквизиции и влияние запрещения брака духовенству – то же примеры искусственного подбора; первое можно отнести к методическому, второе – к бессознательному. Вообще всякое со стороны законодательства прямое покровительство или противодействие размножению известных признаков надо отнести к искусственному подбору. Подобного же рода некоторые примеры, приводимые Фиком в статье "Теория Дарвина на юридической почве" (см.: Знание. 1872, декабрь).

готе. Приличия же ради она наносит свои удары не сразу, а постепенно: сначала доводит пораженного до помешательства или меланхолии, а затем уже до самоубийства. Самоубийство устранило помешательство или меланхолию, думаете вы, – это ли не естественный подбор? и забываете, какие силы устранили первоначально здравый рассудок и нормальное состояние духа. Они-то, собственно говоря, произвели самоубийство, а меланхолия и помешательство были только посредствующими звеньями. Каковы же эти качества? Бедность, унижение, страдание близких – все признаки, органически ненаследственные, а потому и неустраимые никаким самоубийством. Мне кажется, сказанного вполне достаточно, чтобы показать, что Дарвин положительно ошибся, когда признал компетентность естественного подбора в цивилизованном обществе. Обратимся теперь к воззрениям Спенсера, изложенным им в VI части его биологии, трактующей о размножении. Аргументы Спенсера существенно отличны от доводов Дарвина; Дарвин собирает различные факты и старается объяснить их как проявление естественного подбора, между тем как Спенсер вовсе не касается реальных фактов и ведет свою аргументацию строго дедуктивно. Он берет организацию цивилизованного общества, как она определена современной наукою, и пытается показать, что эта организация должна вызвать естественный подбор. "В прошедшем, настоящем и будущем все видоизменения, функциональные и органические, были, суть и будут бли-

жайшими или отдаленными следствиями окружающих условий"⁶⁴, – таким общим положением начинает Герб. Спенсер свое рассуждение. Цивилизация уменьшает ряд некоторых разрушительных сил, напр., сначала опасность от хищных зверей, а потом и от людей. "Но есть опасность неумножающаяся, а именно та, которая зависит от самого умножения членов общества, – опасность от недостатка пищи. Если человеческая природа останется неизменною, то смертность от этой причины должна будет средним числом возрастать по мере размножения. Чтобы она не возросла, необходимо, чтобы умножалось и количество пищи, а это предполагает некоторое изменение в человеческих привычках, выработанное гнетом нужды". Здесь можно сделать замечание по поводу изменения *человеческой природы*, о котором говорит выше Спенсер. Конечно, поскольку уравновешение между запросом жизни и снабжением средствами зависит от изменений в быстроте размножения, постольку здесь играет некоторую роль изменение природы, но нельзя сказать того же без особенной натяжки о том случае, когда это равновесие поддерживается умножением средств. Правда, дальше Спенсер устанавливает отношение зависимости между этими двумя способами, но производным является размножение, и притом здесь идет речь не об отдаленных последствиях уравнивания, а только о непосредственной, ближайшей

⁶⁴ Герберт Спенсер. Основания биологии, т. II, ч. VI, § 373. Последующие цитаты приведены из этого же параграфа.

причине его. Эта же ближайшая причина есть до сих пор, почти повсюду, не уменьшение плодовитости, а возрастание производства. Производство же мы увеличиваем обыкновенно введением усовершенствованных или вновь изобретенных орудий, новых материалов, реагентов и т. п., затратой нового капитала, а не приспособлением наших органов. Активное приспособление органов, полезное для производства, является элементом второстепенным; пассивное же (некоторая гиперемия усиленно упражняющихся органов и анестезия бездействующих) является уже следствием усовершенствованных способов производства, а не его причиною, хотя и может оказаться полезным для последующих усовершенствований в том же направлении. С этою поправкою мы можем принять положение Спенсера.

"Это постоянное увеличение населения свыше средств пропитания порождает вечную потребность в ловкости, уме и самоконтролировании, – требует, следовательно, постоянного их упражнения и роста. Каждое промышленное усовершенствование одновременно есть продукт высшей формы человечества и требует высшей же формы для своего приведения в исполнение. Каждое новое приложение науки и искусства есть внесение большего ума в удовлетворение наших потребностей и требует дальнейшего прогресса ума". – Вообще это верно, но тоже с поправкою. Промышленное усовершенствование, говорит Спенсер, требует высшей формы человечества для своего приведения в действие; если, с од-

ной стороны, это верно, то с другой – разумеется, нет. Если управляющий промышленным предприятием должен обладать бСльшим знанием и *умом* (хотя, быть может, и просто бСльшим знанием), то от большинства рабочих предприятия с усовершенствованием производства большею частью требуется даже меньше умственной самодеятельности. Автоматичность фабричной работы вошла в поговорку. Сделав по пути эту поправку, мы будем продолжать следовать за Спенсером. "Чтобы получить больше продуктов со своего акра, фермер должен изучать химию, принять новые механические приспособления и умножением оборотов возделывать как свои собственные силы, так и силы своих рабочих". Это, очевидно, образное развитие мысли, уже нами разобранной; тем внимательнее рассмотрим эту ссылку на пример возможного осуществления указанного выше Спенсером процесса. Но прежде приведу еще одну выдержку: "Ясно, что непрестанное упражнение способностей, нужное для борьбы с ними (опасностями), и смерть людей, неспособных к такой борьбе, обеспечивают постоянный прогресс ловкости, ума и самообладания, лучшее координирование жизни, более полную жизнь". – Таким образом, обращаясь к примеру фермерской промышленности, оказывается, по Спенсеру, что развитие сельского хозяйства необходимо совершенствуется порою занимающихся им, потому что умственный прогресс вызывается успехом в конкуренции. Здесь вопрос уже иначе поставлен, чем у Дарвина: не умственное природ-

ное превосходство обеспечивает успех, но прогресс культуры вызывает усиленное упражнение ума, и кто в этом приспособлении своих способностей в культуре больше успевает, тот и одерживает перевес в борьбе за существование. Вообще против такой постановки вопроса нельзя возражать, несомненно, если есть борьба за существование и неизбежная гибель части борющихся, то выживать должны те, кто лучше приспособлен к условиям среды. Дарвину на такое рассуждение можно возразить, что приспособления к условиям среды гораздо больше состоят в качествах, органически ненаследственных; но Спенсер, по-видимому, сам готов принять это возражение и ответить указанием на то, что *если эти ненаследственные орудия употребляются в борьбе активно, то они вызовут чрез упражнение органически наследственные качества*. Правда, некоторые из цивилизованных орудий борьбы за существование, напр., богатство, весьма часто служат сами, без всякой деятельности их обладателя, орудием выживания, но, *во-первых*, даже богатство реже бывает орудием пассивной, чем активной борьбы, а *во-вторых*, другие ненаследственные орудия, как знание, часть власть, требуют самодеятельности личности. Таким образом, кажется, нельзя отрицать, что таким путем отчасти *может* прогрессировать порода, но будет ли это естественный подбор?

В самом деле, орудия борьбы за существование, органически ненаследственные (богатство, образование, политиче-

ская сила), предрешают исход борьбы, даруют победу своим обладателям, но эта победа, по-видимому, *чаще* (хотя это чаще – гипотеза) сопровождается упражнением некоторых способностей, что ведет к тому, что вообще победившие оказываются, быть может, умнее пораженных. Мы видели выше, что меланхолики, помешанные, проститутки и т. д. *погибают не потому, что они меланхолики, помешанные или проститутки, а наоборот, стали они такими, потому что гибнут, потому что потерпели поражение в борьбе за существование.* Точно то же и тут, только обратный случай – *выжившие не потому выжили, что умнее, а потому стали умнее, что выжили.* Как в первом случае поражение производит сначала меланхолию, пьянство и пр., а потом уже окончательно губит несчастного, причем эти качества, ранее произведенные тем же поражением, ускоряют гибель; точно так же и во втором случае: победа, добытая ненаследственными орудиями и состоящая в лучшей обстановке жизни, развивает ум, энергию и другие похвальные качества, а затем борьба за существование дарует уже окончательное торжество, причем содействующим фактором является высшее развитие интеллекта, ранее произведенное первою фазою победы. Где же тут естественный подбор? Высшие качества являются последствиями победы, хотя, развившись, они несколько и мультиплицируют размер торжества, точно так, как низшие качества (помешательство, пьянство, проституция), будучи результатом поражения, затем ускоряют его ход, муль-

типлицируют его последствия. Решительно здесь нет никакого подбора, а просто торжество ведет к дальнейшему торжеству, а поражение – к дальнейшему поражению, к гибели; высшее развитие ума или меланхолия и пьянство – просто фазисы этого процесса. Но скажут: результатом этого процесса является совершенствование породы и притом именно совершенствование в борьбе за существование, – это ли не естественный подбор? Нет, естественным подбором это быть не может уже потому, что здесь ничего не подбирается, но все *развивается*. Борьба за существование вызывает напряжение умственной энергии, а это постоянное напряжение производит повышение интеллектуальных способностей; здесь прогресс является результатом не погибели менее способных и выживанием более одаренных, а результатом упражнения умственной силы расы, причем погибель выпадает довольно безразлично на долю как умственно даровитых, так и малоспособных, точно так же, как и выживает бездарность наряду с талантливостью. Повторяю, в этом процессе ничего не подбирается, а все развивается вследствие определенного влияния условий. В цитированном выше примере фермерства мы можем увидеть, что развивается не только ум, но и умственная несамостоятельность. Сам фермер упражняется умственно, и чем выше сельскохозяйственная культура, тем больше умственного напряжения потребуется от фермера, тем больше будут развиваться способности его ума; совсем не то с его рабочими: чем усовер-

шенствованнее способы производства, тем меньше простора для умственной самодеятельности рабочего, тем меньше будет он упражнять свой ум и тем сильнее должен понизиться уровень его интеллектуальных способностей. Относительно сельского рабочего едва ли этот процесс может идти так далеко, как на фабрике. Это соображение открывает нам новую сторону современного прогресса, сторону, где он может проявиться в виде интеллектуального регресса⁶⁵. Если этого мы не замечаем, то потому, что в обществе действуют и многие другие силы, упражняющие ум. После всего сказанного, кажется, я имею право заключить, что естественный подбор не играет в цивилизованном обществе никакой роли, что, следовательно, исторический прогресс, путем которого человечество развилось из дикого состояния в цивилизованное, был историей постепенного стеснения поля деятельности естественного подбора чрез замену органически наследственных орудий борьбы за существование такими орудиями и средствами, которые не могут быть унаследованы.

Чтобы представить себе цивилизованное общество с деятельным естественным подбором, совершенствующим породу, мы должны представить себе следующие условия, которые еще нигде не были осуществлены: в этом обществе не должна бы была существовать юридическая наследственность богатства и политической силы; все члены его должны

⁶⁵ Эта сторона вопроса прекрасно обследована г. Михайловским в статье "Что такое прогресс?" (Отч. зап. 1869 г.).

бы были получить одинаковое общее образование; всем им должен бы был быть предоставлен одинаково доступ к высшему и специальному образованию; все должны бы быть до совершеннолетия одинаково обеспечены, но институт частной собственности надо бы было удержать. При таких условиях естественный подбор мог бы проявить свою деятельность, но повел ли бы он к усовершенствованию породы, неизвестно; он, быть может, подобрал бы различные анти-социальные наклонности, как мы видели выше у дикарей. Значит, нужно присоединить еще одно условие; необходимо, чтобы никогда гибель одного сочлена не была выгодна другому, но возможно ли это, пока существует борьба за существование? Во всяком случае, заключение из всего рассуждения то, что напрасно трезвые философы так обрадовались биологическим обобщениям. Эти обобщения вовсе не ведут к тем заключениям, какие поспешили из них вывести; борьба за существование и сопровождающая ее неизбежная гибель павших вовсе не вызывают к действию естественный подбор, вовсе не совершенствуют породу, сохраняя только лучших особей и губя менее одаренных. Они равно разят тех и других, и выживание обуславливается вовсе не личным превосходством, а социальными условиями. Личное превосходство иногда является последствием этих условий и потому сопровождает победу, а это ведет к ошибочному заключению, что именно оно и решает борьбу. Что это положительное заблуждение, кажется ясно, приняв в соображение

все предыдущее: исторический прогресс был историей вытеснения естественного подбора, лишая постепенно значения органически наследственные качества как моменты, решающие исход борьбы за существование. Но исторический прогресс и с другой стороны вел атаку против естественного подбора, атаку более решительную, хотя до сих пор и менее удачную, именно против самой борьбы за существование. Мы видели уже, что эта атака была двоякого рода: *против проявления* борьбы за существование – развитием симпатических чувств и нравственных склонностей и *против причин ее* – стремлением уравновесить размножение населения умножением средств. К этой-то стороне вопроса мы и обратимся.

Глава XI

Борьба за существование и нравственность

Борьба за существование вызывается недостатком средств для всего населения и *eo ipso* должна сопровождаться гибелью одной части ее для того, чтобы могла выжить другая; каждая особь, желающая выжить, поставлена в роковую необходимость губить другие особи, прямо ли лишая их находящихся в их пользовании средств или косвенно, добывая средства, которые могли бы добыть другие, и тем оставляя тех других на погибель. Но с другой стороны, нравственные теории и нравственные чувства возмущаются деятельностью, губящею ближних. Таким образом, борьба за существование и нравственность – элементы, в общественной жизни противоположные: поскольку успеваешь одно явление, постольку должно необходимо суживать пределы своей компетентности другое. С причинами и условиями проявления борьбы за существование мы уже отчасти ознакомились на предыдущих страницах. Но что такое нравственность? Как она проявляется? И где лежит причина ее антагонизма борьбе за существование, антагонизма, по мнению трезвых философов, совершенно безумного и доказывающего только невежественность проникнутых им, но вместе с

тем столь сильного, что никакая философия, хотя бы самая трезвая, не в состоянии искоренить его, пока общество живет и прогрессирует? Вот вопросы, которых мы еще не касались, хотя очевидно: они имеют прямое отношение к рассматриваемому нами вопросу. К сожалению, я не буду в состоянии коснуться этого предмета с желательной полнотой; нравственность есть явление чисто социальное, продукт (хотя вместе с тем и условие) социального прогресса, а потому в настоящем труде, где чисто социологические вопросы совершенно неуместны, ей нельзя отвести достаточного места. Поэтому я ограничусь только крайне необходимым.

Автор замечательного трактата по этике, обнародованного под скромным заглавием "Новейшие учения о нравственности и ее история"⁶⁶, говорит по поводу понятия о справедливости следующее: "Термин справедливости так высоко стоял во всех теориях нравственности, что его нередко применяли совершенно неточно. *Его существенная особенность в том, что он выражает неизменный закон с текущим содержанием. Его употребляли в смысле неизменного содержания, что давало повод, с одной стороны, отрицать необходимость видоизменения справедливости при разных обстоятельствах, с другой стороны, отрицать самую неизменность самого закона справедливости*"⁶⁷. Мысль вполне верная, но ее можно применить не к одной справедливо-

⁶⁶ См.: Отечественные записки. 1870, №№ 3, 4 и следующие.

⁶⁷ Отеч. зап. № 4, 465.

сти, а также и ко всей области нравственности, в которую справедливость входит как часть в целое. Очевидно, если справедливость есть неизменный закон с текучим содержанием, то нравственность должна быть таким же законом, или понятие справедливости не есть составная часть понятия нравственности! Однако автор цитируемого трактата о нравственности, занятый построением своей теории рациональной этики, увлеченный новым содержанием, которое он влагает в эту область человеческого мышления, совершенно упускает это из виду, хотя несколько раз подходит к этому воззрению весьма близко. Так, в той же статье⁶⁸ он говорит: "Нравственная ответственность лежит в пределах нравственной обязанности, т. е. *в пределах установившегося убеждения...* – Убеждение может быть очень ложно, очень извращено, очень вредно, против него, может быть, следует бороться... но пока оно существует в личности, лишь оно определяет, что нравственно и что безнравственно для личности". Но эта "нравственная ответственность и обязательность в пределах установившегося убеждения", – разве это не неизменный закон с текучим содержанием? Однако высказав это положение, автор берет его, так сказать, обратно, когда заявляет опасение⁶⁹, чтобы, остановившись на этом принципе убеждения, этика не впала в безразличие нравственных идеалов, чтобы односторонние убеждения в

⁶⁸ Ibidem., 443.

⁶⁹ См.: Ibid., 444.

их многочисленных отклонениях не были бы, с точки зрения этики, нравственно равноправны. Здесь он уже смешивает доктринальное, текучее содержание с неизменным законом. Этика как теория нравственности, как доктрина, умственная концепция, обязанная дать ответы о нравственном и безнравственном, не может и не должна впадать в безразличие идеалов, потому что она и есть то текучее содержание, которое наполняет формулу, постоянную и неизменную. В настоящее время существует несколько нравственных теорий: утилитаризм в его трех разветвлениях (Бентам, Фурье, Милль), интуицизм, эволюционизм, рационализм; все они, существуя одновременно, составляют различные фазисы развития одной и той же формулы, текучее содержание неизменного закона. Правда, в этом-то содержании и заключается наиболее важное в нравственности, оно-то и составляет ее сущность, но теперь пока для нас необходимо не содержание, а только общая формула, потому что мы хотим уяснить себе, что такое вообще *нравственное мировоззрение*. Истинное или ложное, что оно имеет общего, отличительного, выделяющего его из массы явлений, подлежащих человеческому анализу?

С первого взгляда может показаться, что положение "нравственно то, что соответствует убеждению" и будет искомою формулою; но более внимательный разбор легко убедит, что это слишком объемистое, если можно так выразиться, положение. Много есть убеждений совершенно безраз-

личных, с точки зрения нравственности; я убежден, что Земля есть сферическое тело известного объема, обращающееся с известной скоростью вокруг своей оси и вокруг Солнца; сообразно моему убеждению я, подвигаясь на Запад на 15° долготы, перевожу мои часы на один час назад. Я имею убеждение, я действую сообразно с ним, но что же в моем убеждении или моем поступке нравственного или безнравственного? Другое дело, если бы за исповедание моего убеждения мне грозили какие-нибудь опасности, преследования, гонения; тогда, все-таки провозглашая его, я поступал бы нравственно или, по крайней мере, я подлежал бы нравственной оценке, нравственному суду. Но в таком случае мой поступок соответствовал бы не тому убеждению, которое я провозглашаю (разделение его не требует *логически* его провозглашения), но убеждению, что, обладая истиной, я обязан ее провозгласить. Следовательно, есть такого рода убеждения, что сообразуемые с ними действия безразличны для нравственности, есть и другие, которые подлежат ее суду; поэтому нравственно лишь то, что соответствует убеждениям этого последнего рода.

Если мы сравним последовательно направления нравственности (добродетели), преобладавшие в различные эпохи и в различных обществах, то мы без труда заметим, что они соответствовали нуждам общества данной эпохи и при данном общественном состоянии, или, лучше сказать, они были такого рода, что обуславливали самое его (общества)

существование в данном виде. Будучи продуктом предшествовавшего исторического развития, эти добродетели были необходимым условием настоящего общественного состояния. Сравните последовательно нравственное миросозерцание нескольких эпох с современным ему состоянием и строем общества и вы увидите, что нравственное миросозерцание всегда находится в тесной, неразрывной *логической* зависимости с состоянием и строем общества и в причинной связи с самим существованием этого состояния и этого строя; они должны пасть, лишь только изменится миросозерцание.

Рассмотрите затем одно за другим все нравственные учения, провозглашавшиеся в различные времена и в различных обществах, и вы найдете, что главные положения этих учений суть просто послышки, на которых зиждется как логическое заключение тот или другой строй общества.

Посмотрите: вот люди впервые организуются из разрозненных семей и родов в более многочисленное общество; естественно, это общество, слагающееся из семей как из единиц, основывает свой строй на началах, обуславливающих первобытный семейно-родовой быт, и вот мы видим, что современное нравственное учение возводит эти начала в нравственный принцип. Оно предписывает их положительно, напр., "почитай родителей"; оно возбраняет всякое на них посягательство: "не прелюбодействуй". Эти нравственные предписания мы находим во всех первобытных обществах, вытекших из родового быта; *они же составля-*

ют необходимые начала этой ранней общественности. Затем, лишь только люди организовались в какое-либо общество, в какой-либо союз, они *eo ipso* признали необходимость некоторого взаимного содействия, а следов., и необходимость отказаться от некоторой доли взаимного противодействия, от некоторых наиболее грубых форм борьбы за существование; и вот в самых ранних нравственных учениях мы уже находим предписания, ограничивающие борьбу за существование между членами общества; "не убей", "не укради", "не обманывай" – встречаем мы повсеместно в нравственных учениях всех обществ, достигших государственного быта, но они составляют необходимые начала всякой общественности⁷⁰. Кроме ограничения борьбы за существование и охранения семейного начала, этих двух начал общественности, которые всеми первобытными обществами кладутся в большей или меньшей степени в основание их устройства, остальные принципы (если будет позволено так выразиться) этих обществ обыкновенно значительно разнообразятся. Одни из них слагаются в теократию, и в них мы находим, что рядом с упомянутыми уже нравственными правилами занимают видное место чисто религиозные, часто даже догмати-

⁷⁰ Мне приятно сослаться на Дарвина, потому что вообще в существенных частях его этической теории я не могу с ними согласиться, как выше показано. Он говорит: "Никакое общество не ужилось бы вместе, если бы убийство, грабеж, измена и т. д. были распространены между его членами; вот почему эти преступления в пределах своего племени клеймятся *вечным позором*" (Происх. челов..., 1,101).

ческие тезисы. Другие общества принимают характер военной общины; в них на первый план выступают практические добродетели вроде беспрекословного повиновения, гордости пред победителем, твердости в лишениях, воинской чести, круговой солидарности, самоотвержения, патриотизма и пр., и пр. В таких обществах редко эти добродетели, или, лучше сказать, доблести, принимают форму определенного теоретического учения нравственности, но, тем не менее, никто не станет утверждать, чтобы эти убеждения членов общества не были их нравственным мирозерцанием. Если бы мы перебрали одно за другим все последующие нравственные учения, то легко было бы показать, что все они суть формулирование, выяснение начал, на которых зиждется или должно созидаться общество; все они суть или освящение, возведение в принцип данного общественного строя, или предложение новых оснований для этого строя; *все они или реальные, или идеальные начала общественности*, потому что все они дают теорию того, как должна жить личность в обществе сообразно тому или другому реальному или идеальному общественному порядку. Таким образом, мы нашли ту неизменную формулу нравственности, которую искали: *нравственно то, что соответствует реальным или идеальным началам общественности; безнравственно все, что им противоречит*. Если личность, подлежащая нравственной оценке, выработала в себе какой-либо свой идеал общественности, то она оценивается по степени соответствия ее поступ-

ков с *этим* идеальными началами общественными, с *этим* убеждениями. В противном случае, т. е. когда личность не выработала подобного самостоятельного идеала, она судится на основании другого критерия, на основании реальных начал общественности, т. е. нравственных учений, нашедших в данном обществе осуществление и господствующих в его культуре.

Резюмируя это краткое рассуждение о нравственности, мы можем сказать, что нравственное мирозерцание личности есть та часть ее общего мирозерцания, которая объемлет вопросы об основаниях общественности, о началах, которыми должна руководствоваться личность в ее отношениях к обществу⁷¹; что нравственный идеал есть идеал

⁷¹ Одно место в вышецитированном трактате о нравственности позволяет думать, что автор его был близок к предлагаемой постановке вопроса: "В настоящее время, – читаем мы у него (*Отеч. зап. № 3. Отд. II, 89*), – социологи опираются на необходимые законы экономических явлений, на культурную среду обычного права и установившиеся кодексы, но они сознают, что *общественная связь есть связь по преимуществу нравственная, что лишь нравственные задачи дают санкцию экономическим отношениям, что лишь нравственный смысл придает жизнь мертвой букве обычая и закона, что лишь нравственная сила связывает общество в цельный организм*". Можно указать еще и других авторов, которые, по-видимому, готовы были принять сходное воззрение, так в той же статье приведена цитата из книги Лекки (№ 3,87): "Нравственность людей гораздо более зависит от целей, ими преследуемых, чем от их мнений. Сперва обстоятельства составляют некоторый тип добродетели, и люди потом принимают его за образец, по которому строят свои нравственные теории" (ссылки на Леску, 1,58). Еще ближе подходит Герб. Спенсер к предлагаемому в тексте воззрению, когда нравственные чувства называет *"чувствами, соответствующими потребностям социального быта"*. (Основ. биолог., II, ч. VI, § 372). Это до того похоже

общественности и что нравственное чувство заключается в наклонности личности поступать сообразно началам общественности и в отвращении от дел и поступков, противоречащих этим принципам. Если это так, то прогресс нравственности состоит в прогрессе соответствия между личными наклонностями и чувствами членов общества и требованиями общественности, а с другой стороны, в прогрессе самих требований общественности, в уяснении наилучших для прочности общества и его процветания отношений сочленов его друг к другу и к целому. Нравственный прогресс есть, таким образом, прогресс двусторонний, но нетрудно было бы показать, что в известных пределах обе стороны его взаимно обусловлены, что напрягаться требования нравственной доктрины могут только сообразно напряжению наклонности их удовлетворить; ограничением этой связи может служить только то обстоятельство, что напряжение требования не всегда прямо пропорционально высоте проповедуемой доктрины, хотя вообще такую пропорциональность едва ли можно отрицать. Впрочем, для нас теперь этот вопрос о взаимной связи двух сторон нравственного прогресса не так важен; для нас довольно запомнить, что если общество нравственно прогрессирует, то 1) оно изменяет свой взгляд на

на то, что я утверждаю, что я готов бы был просто на него сослаться, если бы не весь §, из которого взята цитата, который <совершенно> противоречит моему определению. Соответственная цитата из Дарвина была приведена выше, и я уверен, что при желании порыться в этических трактатах, можно было бы найти много и других подобных мнений.

обязанности своих членов по отношению к нему самому и к другим сочленам, 2) в нем распространяются между его членами чувства, заставляющие их следовать в своей деятельности этим взглядам и обязанностям, и 3) эти взгляды и чувства заключаются в определении начал общественности. Обобщая эти положения, мы можем сказать, что нравственный прогресс состоит в приспособлении (установлении соответствия) деятельности личностей к общественному состоянию (началам общественности), и выражается это приспособление в установлении совершеннейших идеалов общественности и совершеннейшего соответствия между идеалами эпохи и чувствами личностей. *Если же, таким образом, развитие нравственности есть процесс приспособления жизни к условиям социального существования, то степень этого развития может быть лучшим мерилom степени развития общества, а отношение нравственности к разным деятелям и условиям общественной жизни является лучшим критериумом отношения их к развитию общества вообще.* Если эти условия и деятели находятся в антагонизме с прогрессом нравственности, то они находятся в антагонизме с развитием общества вообще, и степень проявления их в обществе находится в обратном отношении со степенью социального развития; чем выше это последнее, тем менее должны первые иметь места в обществе, и представление о лучшем общественном строе должно неизбежно заключать в себе отрицание этих деятелей и условий. Этим, собствен-

но говоря, уже решается вопрос о значении борьбы за существование в общественном прогрессе. Борьба за существование и нравственность – явления антагоничные, следов., борьба за существование есть деятель антисоциальный. Степень ее проявления соответствует степени упадка общества, слабость проявления доказывает высоту общественного развития; совершенное же устранение борьбы за существование из общества было бы одним из признаков идеального состояния. Все это следует неизбежно, как только допустим, что нравственность заключается в соответствии с началами общности и что нравственность и борьба за существование находятся в прямом антагонизме, – а как можно отрицать эти положения? Насколько позволили рамки этой главы, настолько на предыдущих страницах я старался показать необходимость признать первое положение как неизменную формулу нравственности, наполняемую, однако, текучим, постоянно сменяющимся содержанием; о втором положении мне тоже случалось уже говорить, но для большей убедительности я сведу теперь мысли об этом предмете, разбросанные в разных местах книги. Само возникновение общества обуславливается некоторым ограничением борьбы за существование между его членами; правда, каждый индивид еще всецело предоставлен самому себе и имеет полную возможность погибнуть от голода или хищного зверя, но шансы гибели от своих соплеменников уменьшаются с возникновением самого несовершенного общества, и с развитием об-

щества это уменьшение опасности более и более прогрессирует⁷². Такое ограничение произвола личной силы в среде общества является первым нравственным учением человека и вместе с тем первым ограничением борьбы за существование. Возникновение первых нравственных принципов полагает начало первому обществу, но оно же полагает начало сокращению поля борьбы за существование. Условие происхождения общества и главный регулятор дальнейшего социального прогресса, нравственность является, таким образом, с самого начала антагонистом борьбы за существование. Как произошли первые нравственные учения? – входить в разбор этого вопроса здесь не место. Конечно, развитие чувства симпатии, подражательность и пр. имели на это влияние; конечно, допуская даже наследственность нравственного чувства, все-таки естественный подбор их не мог выдвинуть вперед, потому что они не давали никакого перевеса в индивидуальной борьбе за существование, но они могли выразиться уже во взаимной защите мужчины и женщины и их детей, что, быть может, под влиянием исторического подбора и повело к их размножению, тем более, что исторический подбор не требует необходимо органической наследственности орудий борьбы; наследственность он заменяет традицией, преданием.

⁷² Герберт Спенсер высказывает сходное мнение, говоря: "Хотя, рассеиваясь по земле и разделяясь на племена, люди сами становятся дикими зверями относительно друг друга, *однако опасность смерти и от этой причины уменьшается с соединением людей в нации*" (Основ. биол., II, § 373).

С другой стороны, естественный подбор и влияние упражнения должны были развивать интеллектуальные способности и выдвигать вперед умнейших, которые рано или поздно могли понять выгоду сотрудничества. Раз образовались такие союзы сотрудничества, между ними должны были преуспевать те, члены которых обладали более развитою симпатией и пр. Эти союзы, конечно, были вначале необходимо временными, но там, где члены союзов обладали большею симпатией и где союзы потому лучше успевали, там они должны были чаще повторяться и, наконец, сделаться постоянными. Точно так же отчасти под влиянием умственного прогресса, отчасти под влиянием симпатии, при постоянном содействии исторического подбора, должны были образоваться семьи из временных пар. Но из сочетания интеллектуального элемента (расчета выгоднейшего и приятнейшего) и эмоционального (сочувствия) и развивается нравственность. Таким образом, можно сказать, что общественность и ее условие, нравственность, развивались параллельно и взаимно помогали друг другу под непосредственным влиянием исторического подбора, который давал перевес семьям над разрозненными парами, союзам над отдельными особями, наконец, обществам с более развитою нравственностью, т. е. члены которых лучше приспособились к общественному состоянию, над обществами, нравственно менее развитыми. То обстоятельство, что ограничение борьбы за существование в известных пределах дает принявшим ограничение перевес

в борьбе вне этих пределов, вело к тому, что борьба за существование вытеснялась и ограничивалась. Однако мы уже знаем, что должно отличать две формы борьбы за существование, как и подборы, производимые ими; мы знаем, что они антагоничны, и теперь, когда видим, что процесс приспособления особей к социальной жизни существенно антагоничен индивидуальной борьбе за существование, нам становится вполне понятным антагонизм исторического и естественно-го подборов. Естественно, подбирая успевающие в борьбе за существование общества, исторический подбор размножает те из них, в которых полнее приспособление особей к этой форме жизни, полнее соответствие между жизнью индивидуальной и общественной; а приспособление к общественному состоянию заключается, между прочим, в ограничении борьбы за существование и развитии чувств, возмущающих ее.

Если бы позволяло место, то нетрудно было бы показать, что дальнейшее развитие общества, поскольку оно измеряется нравственным совершенствованием, выражалось в постепенном ограничении борьбы за существование. Все остальные начала общественности, входившие в нравственные учения, представляют нам ряд сменяющихся принципов, Доктрин, добродетелей; каждая эпоха, каждая нация, каждая религия представляет свой свод нравственных предписаний и свои образцы добродетелей. Эти предписания и образцы разнообразятся во всем, исключая одно: все они в большей

или меньшей степени требуют ограничения борьбы за существование. Ограничение борьбы за существование является необходимою принадлежностью нравственных доктрин всех времен, народов, религий и философских школ; деятельность, прямо противоположная ей, считается повсюду и всегда добродетельною. Первоначально, как мы видели, ограничена только самая грубая форма борьбы за существование и только между индивидами того же племени; относительно же индивидов другого племени разрешается даже единичная индивидуальная борьба. Затем, мы видели, расширяются пределы запрещенного в отношениях к единоплеменникам: вслед за прямым насилием общество начинает преследовать кражу, изнасилование женщины (отчасти и по другим побуждениям); затем входят в запрещенное, недостойное, все обманные действия, мошенничества, несдержанность обещания и пр.; еще далее является воззрение, считающее предосудительным всякое пользование для личной выгоды услугами других, давлением своей власти или богатства, объявляется безнравственным политическое угнетение, взятки, эксплуатация. Это одна сторона прогресса; но с другой – общества приходят к убеждению в необходимости воспретить индивидуальную борьбу и между разноплеменными членами, пока наконец прогресс доходит до того момента, когда в отношении индивидуальной борьбы уже перестают различать *своих* и *чужих* и недозволенное относительно первых признается недозволенным и по отноше-

нию ко вторым. Я сказал выше, что принцип большего или меньшего ограничения борьбы за существование составляет необходимую составную часть всего нравственного: от самого несовершенного до самого возвышенного, и, по-видимому, именно этот элемент нравственности составляет все, что мы привыкли соединять под названием *справедливости*. Вообще разграничение между всею областью нравственности и составною частью ее, справедливостью, чрезвычайно сбивчиво; но мне кажется, что предлагаемое мною определение не противоречит (конечно, только в известных пределах) общепринятому воззрению, а также не находится в явном противоречии с определением утилитаристов и рациональной этики, как назвал свою теорию уже цитированный автор "Новых учений о нравственности и ее истории". Этот автор дает формулу справедливости, определяя ее афоризмом: "Каждому по достоинству". Это неизменный закон, текучее же содержание, наполняющее его, заключается в понятиях о личном достоинстве. Несправедливым будет все, что нарушает достоинство, заслугу другой личности, и самое провозглашение принципа недозволенности нарушения, посягательства на все, подобающее и принадлежащее каждому по его достоинству, есть уже ограничение борьбы за существование. Прогресс в таком случае заключается в изменении понятия о достоинстве и в изменении понятия о следующем по достоинству. Таким образом, определение рациональной этики нисколько не противоречит воззрению, что справедливость

есть ограничение борьбы за существование.

Дж. Ст. Милль следующим образом определяет справедливость: "На более точном языке философов-юристов, долг совершенно обязательный – это такая обязанность, в силу которой другая личность или личности имеют соответственное *право*; долг несовершенно обязательный – это такая нравственная обязанность, которая не порождает никакого нрава. Мне кажется, это различие совершенно совпадает с тем, которое существует между справедливостью и прочими обязанностями нравственными"⁷³. Итак, справедливо – удовлетворять право каждого, несправедливо – нарушать чье-либо право. Здесь мы опять видим неизменный закон с текучим содержанием, которое выражается в изменении воззрений на право. Но опять-таки самое требование не нарушать права есть уже ограничение борьбы за существование; она допускается постольку, поскольку не наносит ущерба чьему-либо праву. Но понятие права в историческом прогрессе постоянно расширялось, пока не дошло до провозглашения принципа равноправности. Равноправность же есть, собственно говоря, отрицание всякой борьбы за существование, потому что признать всех равноправными значит признать за каждым право на все те блага, которыми пользуется каждый, и всякая помеха пользованию тем же явится неизбежно, с этой точки зрения, посягательством на его право. Таким образом, мы должны придти к тому заключению, что

⁷³ Дж. Ст. Милль. Рассуждения и исследования, русск. перев., III, 357–358.

прогресс нравственности вообще, а справедливости в особенности, заключается в прогрессе ограничения борьбы за существование; согласить прогресс справедливости с борьбою за существование возможно не иначе, как только предположив такое общественное состояние, где гибель личности никогда и ни в каком случае не может быть полезна другой личности. Теперь мы опять попали в тот же *cercle vicieux*, как и в том случае, когда хотели указать на условия проявления естественного подбора в обществе, при которых он может вести к совершенствованию, а не к вырождению породы.

После всего сказанного очевидно, что нравственность антагонична борьбе за существование, что она постоянно и повсюду стремится ограничить поле ее деятельности и что борьбу эту она ведет не на жизнь, а на смерть, потому что конечною целью ее стремлений есть совершенное изгнание борьбы за существование из общества. Также очевидно, что и борьба за существование антагонична нравственности: она вызывает по необходимости деятельность, губящую других людей, развивает и вызывает чувства озлобления, ненависти, лукавство, обман, жестокость и, наконец, большинство явных и тайных преступлений и пороков. Там, где борьба за существование проявляется с большою силою, все эти признаки встречаются весьма яркими и постоянными, противоположные нравственные чувства слабеют и падают, а с ними падает общественная связь и патриотизм. Борьба за существование – фактор, завещанный истории органическим

прогрессом; деятель докультурного и досоциального периода, он постоянно является врагом культурно-социального прогресса и врагом мощным, не раз уже уничтожавшим цивилизации. Антагонизм ее общественному прогрессу раскрывается лучше всего в антагонизме между ею и нравственностью. Нравственный прогресс есть прогресс приспособления жизни к условиям социального существования, и если борьба за существование противодействует этому прогрессу, если, с другой стороны, приспособление к общественной форме жизни выражается всегда и повсюду в ограничении и вытеснении борьбы за существование, то очевидно, что борьба за существование враждебна общественному быту, – и обратно, общественная форма жизни должна необходимо быть антагонистом борьбы за существование. Мы видели, что приспособление жизни к общественной форме тем полнее, т. е. нравственное состояние тем совершеннее, чем более ограничена борьба за существование; полное же приспособление жизни к общественной форме должно выразиться в совершенном изгнании борьбы за существование. Картина этой борьбы между деятелем органического прогресса и деятелями прогресса исторического раскрывается вам историей и антропологией; борьба эта ведется с переменным счастьем, в общем же перевес остается за социальными деятелями; но решится ли эта борьба когда-либо окончательно в пользу цивилизации или докультурный, антисоциальный деятель органического прогресса никогда не будет вытеснен из

общества? Решение этого вопроса зависит, конечно, не только от торжества более возвышенных нравственных доктрин, борющихся против проявления борьбы за существование, но и от успеха в разрешении задачи уравнивания потребностей жизни и средств удовлетворения.

Глава XII

Борьба за существование и мальтусовы прогрессии

1. Прогрессия снабжения

Ничто, быть может, не показывает так наглядно разобщенность различных отраслей знания не далее, как в начале XIX в., и ничто, конечно, не доказывает с такой очевидностью всего вреда такой разобщенности, как судьба двух научных теорий, одновременно появившихся, возбуждивших каждая в своей области громадный интерес и самые оживленные, даже ожесточенные споры и оставшихся в продолжение более полувека совершенно чуждыми друг другу, хотя в сущности они и имеют свое *raison d'être* только во взаимной связи. Истолкование этой связи составило в наше время славу Дарвина. Эти две теории появились: одна – в социологии и принадлежала Мальтусу, другая – в биологии и была развита Ламарком в его "*Philosophic Zoologique*", вышедшей в свет почти одновременно с знаменитым "Опытом о законе народонаселения" Мальтуса. Научная полемика, возбужденная книгою Ламарка, велась с перерывами до появления исследований Дарвина; но разобщенность наук была такова,

что до него никто из споривших не обратил внимания на громадное значение Мальтусова закона размножения жизни и средств существования для разъяснения спорного вопроса. Конец этой разобщенности положила теория Дарвина, обобщившая обе теории и нашедшая в этом обобщении ключ к объяснению происхождения и разнообразия живых форм на земле. В самом деле, главная заслуга Дарвина заключается в указании комбинации законов, прежде открытых, комбинации, которая не была констатирована единственно потому, что порождающие ее законы были установлены в двух различных науках, рассматривающих две различные области жизненных явлений. Борьба за существование была констатирована в социологии; изменчивость, наследственность, влияние среды были уже указаны и частью определены биологами; Дарвин, сопоставив эти законы, открыл естественный подбор родичей в борьбе за существование.

Почему борьба за существование, господствующая совершенно безапелляционно в органической коллективной жизни, не была констатирована биологами, и напротив того, она открыта социологами в то время, когда, как мы видели, само социальное развитие заключается в ее ограничении, это не так странно, как с первого взгляда кажется. В самом деле, борьба за существование есть фактор противунравственный и потому глубоко антисоциальный; если в органическом прогрессе он главный двигатель развития, то в социальной жизни он является самым могучим препятствием прогресс-

су и даже больше чем препятствием, производя постоянно регресс и деградацию. Очевидно, что для социолога борьба за существование – факт, не менее важный, чем для биолога. В XI-ой главе этой книги я, сколько позволяли рамки исследования, установил понятие антагонизма нравственности и борьбы за существование, указал на ограничение проявления последней, на изменение ее характера под влиянием прогресса нравственности. Но борьба против проявления известного факта, не сопровождаемая борьбой против его причин, всегда будет паллиативом, хотя относительно нашего случая я позволю себе заметить, что борьба против причины, не сопровождаемая борьбой против проявления этой причины, была бы, по всей вероятности, также бесплодна. Исторический прогресс, как уже отчасти было указано в IX главе, ведет одновременно борьбу против проявления борьбы за существование и против условий жизни, ее вызывающих. Последнее достигается созданием материальной и политической культуры, при которой лучше уравнивается размножение потребностей возрастанием средств удовлетворения их. Совершенное вытеснение борьбы за существование было бы возможно единственно при полном равновесии между потребностями и средствами; возможно ли это равновесие – вот вопрос, подлежащий нашему рассмотрению теперь.

Мы видели, что даже первобытная культура дикого общества уже расширяет предел размножения. В докультур-

ный, досоциальный период количество средств существования для данного вида в изолированной от иммиграции местности можно принять за величину в среднем выводе постоянную, так что, достигнув известной численности, вид должен был перестать размножаться и все излишне народившееся должно было гибнуть. Этот предел, как показал Герберт Спенсер, должен был периодически колебаться, то суживаясь, то расширяясь, но такое колебание, очевидно, не нарушает *среднего* числа. Нарушалось оно распространением новых видов (неприятелей, добычи, соперников), геологическими и климатическими переворотами и другими преобразованиями, независимыми от борьбы за существование рассматриваемого вида. Таковы были условия жизни в досоциальный период; возникновение общества и культуры произвело с самого начала крупное преобразование в положении вещей. Мы видели, что прогресс экономического развития в диких обществах заключается, *во-первых*, в том, что пища, прежде недоступная искусству человека, становится употребляемой, благодаря изобретению орудий и снарядов, а *во-вторых*, пища становится удобоваримее и питательнее вследствие развития кухонного искусства. Этими двумя сторонами первобытной культуры нарушается постоянный нормальный предел размножения; с каждым прогрессом в той или другой области расширяется этот предел. Но есть еще и третья сторона прогресса первобытного человечества, содействующая расширению предела, именно: введение со-

трудничества как простого, так и особенно сложного и установление некоторой относительной безопасности при добычании пищи. Таким образом предел размножения в диких обществах расширяется, с одной стороны, успехами материальной культуры, с другой – прогрессом организации труда и вообще социально-политического быта. И здесь, как везде, мы видим в диком обществе зачатки всех тех элементов, которым предстоит и в цивилизованном обществе явиться главными антагонистами недостаточности средств, а следовательно, и борьбы за существование. Дальнейший прогресс развивает все эти элементы, и конечно, важнейшим моментом этого развития было введение производства пищи вместо добывания готовой. Усовершенствование способов производства предметов первой необходимости, лучшая утилизация питательности добытого материала при помощи кулинарного искусства, более совершенные системы организации труда, социально-политическое развитие – вот различные стороны прогресса, расширяющие предел размножения. Самое широкое развитие одного из этих элементов без соответствующего прогресса остальных трех не обеспечивает успеха в борьбе общественности против досоциального и антисоциального деятеля, борьбы за существование; наименьшее, быть может, имеет значение второй элемент, а господствующая роль принадлежит первому и третьему.

Что самая лучшая система организации труда не в состоянии доставить средства существования населению, матери-

альная культура которого не обеспечивает необходимой производительности труда, – положение, не требующее доказательств. Но нетрудно убедиться, что без должной организации труда самая высокая культура не обеспечивает населению его существования. В самом деле, предположим общество, степень культуры которого так высока, что если бы половина его членов обратилась к производству предметов первой необходимости, то доставила бы всему обществу эти предметы в изобилии и вполне удовлетворительного качества, так что остальная половина граждан могла бы заняться производством предметов комфорта, разработкою искусств и наук, снабжением своими продуктами иностранных рынков; но представим себе, что в этой стране господствует рабство: 9/10 населения находятся в рабстве у 1/10, и эта десятая развила в себе склонность к роскоши; не довольствуясь туземными продуктами, она потребляет произведения отдаленных стран и принуждена их оплачивать очень дорого. Располагая вполне трудом подчиненной массы, господствующая каста направит этот труд на производство предметов роскоши, а также продуктов для снабжения иностранных рынков в обмен за ввозимые и потребляемые кастою предметы. Вследствие такого положения вещей может оказаться, что производством предметов первой необходимости будет заниматься не половина всех граждан, а только 1/3 или даже и того меньше, и, таким образом, средств не будет хватать на все население. Здесь предел размножения недостаточно рас-

ширен не вследствие физической невозможности снабдить все население средствами, а вследствие рабской организации труда. То же произойдет и в таком случае, если, сохраняя условия предыдущего примера, но при отсутствии рабства, две трети всей покупательной силы страны будет сосредоточено в руках одной трети общества и эта треть разовьет в себе склонности аристократии предыдущего примера. Влияя на рынок при помощи спроса, она направит производство на предметы роскоши, на снабжение иностранных рынков и пр., а производство предметов первой необходимости, спрашиваемое на рынке только в размере одной трети всего спроса или немного более того, соединит тоже всего около трети рабочей силы, тогда как для производства необходимого количества этих продуктов необходима половина всей рабочей силы страны. Последствием опять будет недостаток пищи, усиленная смертность, возрастание преступности и т. п., а причиную явится опять-таки не недостаток потенциальных средств страны и не недостаток рабочей силы и уменья эксплуатировать эти потенциальные средства, а распределение покупательной силы между потребителями. Можно бы было привести и другие примеры, но и этих довольно, чтобы показать всю важность в вопросах расширения предела размножения системы организации труда (в наших примерах – распределения труда между различными производствами) и социально-политических условий труда (института рабства, того или другого распределения покупательной силы между

потребителями). Я не распространяюсь о значении чисто политической стороны культуры, напр., степени безопасности труда и сбережений и пр., потому что это слишком общеизвестная истина и на нее достаточно только указать. Таковы условия, расширяющие предел области, которая может быть наполнена размножением жизни; рядом с этими условиями, изменяющими среду жизни, идет и изменение самой жизни под влиянием прогресса среды, именно: изменение пищеварительной способности и вообще всего аппарата питания, а с другой стороны, изменение плодовитости. Первое явление есть результат приспособления к прогрессу кулинарного искусства; важнейшим моментом тут было превращение желудка из плодоядного во всеядный; важно также приспособление к употреблению меньшего количества пищи, развитие вкуса и некоторые другие факты, о которых подробнее я буду говорить несколько ниже. Изменение плодовитости объемлет собою два рода явлений: ограничения плодовитости фактами социальными и ограничения биологические, только вызванные и регулируемые общественным развитием. Результат тех и других – приближение к равновесию потребностей жизни и средств. Итак, будем помнить, что равновесие между потребностями населения и средствами существования достигается или, по крайней мере, преследуется совокупным действием следующих условий: 1) *прогрессом производительности труда*, успехами в умении эксплуатировать потенциальные средства страны; 2) прогрес-

сом в *утилизации продукта* при посредстве кулинарного искусства; 3) *развитием* под влиянием этого искусства *аппарата питания*, приспособляющегося к новым условиям питания; 4) прогрессом *организации труда* 5) прогрессом *социально-политических условий* труда, и 6) *ограничением плодовитости*; причем первые пять условий стремятся уравновесить потребности и средства, расширяя предел размножения, тогда как шестое условие стремится достичь этого, предупреждая быстроту размножения. Не надо забывать, что над всеми этими условиями господствует величина потенциальных средств страны, величина, которая не может быть изменена никакою культурою и потому представляет конечный предел размножения. Эти общие рассуждения выясняют теперь нашу задачу, указывают путь, которым мы можем разрешить предлежащий вопрос: может ли общественность изгнать борьбу за существование, установив равновесие между запросом жизни и снабжением среды?

Мы должны решить вопрос о конечном пределе размножения, т. е. о потенциальных средствах земного шара; затем мы должны рассмотреть силы, расширяющие предел размножения. Оба эти вопроса находятся во многих точках в самой тесной связи. После этого мы перейдем к силам, размножающим жизнь, рассмотрим отношение этого возрастания с возможным возрастанием средств и, наконец, займемся вопросом о возможности ограничения плодовитости условиями социальными и физиологическими. Таков путь нашего

исследования, путь, проложенный многочисленными социологическими изысканиями.

Важность различия между ограничением размножения действительными средствами, доставляемыми при данных условиях культуры и цивилизации, и ограничением размножения количеством всех потенциальных средств территории и даже всего земного шара, – первостепенная важность этого различия при разборе вопроса народонаселения впервые с достаточною силою была указана Ш. Фурье. Основываясь на данных науки того времени (1808–1829), Фурье доказывал, что действительные средства, извлекаемые человеком из культуры даже наиболее цивилизованных стран, далеко ниже возможного размера производства; при этом указывал и причины, которые, по его мнению, держали производство на столь сравнительно низкой степени развития, но за всем тем он самым энергическим образом восставал против предположения о бесконечном возрастании производительности труда и даже утверждал, что за периодом такого возрастания необходимо должен наступить период регрессивного движения, который, произведенный истощением жизненной силы земли, должен закончиться совершенным упадком (*caducite*) и, наконец, вымиранием человечества. Так понимал Фурье влияние ограниченности размера потенциальной силы нашей планеты и постепенного расходования этой силы. В новейшее время наш экономист, г. Ю. Жуковский напечатал исследование по занимаемому нас вопросу, в ко-

тором, пользуясь новыми данными, добытыми современной наукою, попытался доказать вышеизложенные идеи Фурье. Эта сторона исследования г. Жуковского, несомненно, самая удачная; то, что у Фурье было скорее замечательным предвидением, чем научно доказанною истиною, у г. Жуковского является обставленным всеми атрибутами современной науки. Аналогии Фурье превратились под влиянием прогресса естествознания в строгие дедукции.

Закон сохранения силы, установленный научно Гельмгольцем, затем развитый многими естествоиспытателями, послужил фоном для дедукций г. Жуковского. Указав на различие силы в свободном и потенциальном состоянии и на то, что процесс, общий всей природе, есть процесс перехода силы из одного из этих состояний в другое, он подробнее останавливается на законе так называемой энтропии, указанном Клаузиусом, по которому сила, раз перешедшая из потенциального состояния в свободное, никогда не возвращается *вся* в состояние потенциальное, часть ее всегда уходит в космическое пространство. Благодаря этому закону, агент, обладающий ограниченным размером потенциальной силы, рано или поздно должен потерять всю силу, – всякий процесс должен рано или поздно прекратиться. Отсюда Клаузиус и его последователи выводят необходимую смертность нашей планеты, а следовательно, и всего человечества. На этом-то законе г. Жуковский, главным образом, основывает свою аргументацию. Работа человека заключается в посто-

янным высвобождении необходимых для человеческой жизни сил. Первоначально человек мог пользоваться только одними или почти одними самоосвобождающимися силами, но по мере того, как он научался сам высвобождать необходимые силы, производительность его труда и скорость его размножения должны были возрастать. К тому же не только работа в обыкновенном смысле слова, но и смерть, есть выражение траты потенциальной силы организма. "Организм, – говорит г. Жуковский⁷⁴, – добывая себе пищу трудом, тратит на свое содержание не только этот внешний труд, а нечто большее – тратит при каждом круговом процессе (траты и возобновления), выражаясь наглядно, часть своей жизни, а выражаясь точно, – часть потенциальной силы, в нем наросшей с детства путем питания, и эта трата, составляющая столь же неизбежный элемент его существования, выражается в его жизни смертностью". Вследствие этого стоимость необходимого высвобождения потенциальной силы для поддержания человеческой жизни есть величина сложная, слагающаяся из траты в виде труда и в виде смертности. Приняв во внимание оба элемента, мы не можем уже сомневаться в возрастании производительности труда, т. е. в уменьшении общего количества траты потенциальной силы организма на его поддержание. Кроме понижения смертности от установления общественного союза и порядка, важнейшими элементами, возвышавшими производительность, г. Жуков-

⁷⁴ Вопрос народонаселения. Вестник Европы, 1871, № 1, стр. 186.

ский считает разделение труда и успехи знания.

Оставляя пока в стороне вопрос о степени влияния двух последних факторов, которыми, как мы видели, далеко не исчерпывается все, расширяющее предел размножения, и которые притом обследованы г. Жуковским весьма слабо, мы можем ограничиться признанием общей точки зрения цитуемого автора. Смертность и труд устанавливают равновесие между средствами и потребностями; если бы запрос потребности был величиною постоянною или правильно изменяющеюся, то отношение между обоими факторами было бы выразимо математически. Во всяком случае, это отношение обратное; и как бы неправильно ни возрастали потребности, мы вправе заключить, что производительность труда возрастает, если смертность понижается. Понижение же смертности в цивилизованном состоянии, сравнительно с состоянием диким или даже варварским, – факт, который доньше еще никем не оспаривался. Если же так, то несомненно, что с развитием цивилизации производительность труда возрастает, несмотря на возрастание населения. Г. Жуковский видит, как кажется, в понижении смертности фактор, возвышающий производительность труда; но было бы правильнее смотреть на него просто как на мерило успехов производительности, как на результат прогресса, а не причину его. Как бы то ни было, но факт этот служит неопровержимым доказательством возрастания производительности труда. Фурье, как и многие другие, только указывал на основа-

нии соображений возможность значительно увеличить продукт, г. Жуковский указал на факт, доказывающий, что таково вообще направление развития в прошедшем. Фурье, на основании аналогий, предсказывал смерть нашей планеты, г. Жуковский привел аргументы Клаузиуса в пользу такого предсказания⁷⁵. Таким образом, вывод тот, что производительность труда должна возрасти, пока не дойдет до пределов, указанных количеством потенциальных средств земного шара; в этом согласны и Фурье, и г. Жуковский. Во второй половине теории они, по-видимому, разногласят, потому что в то время, как Фурье предполагает период, когда производительность труда остается в апогее вследствие прекращения размножения, прекращения, вызванного развитием тех же условий, которые довели производительность труда до этого апогея, г. Жуковский, по-видимому, принимает, что понижение производительности должно немедленно начаться по достижении апогея, после перегиба, как он выражается, кривой размножения в абсциссе. Кто прав? В этом для нас, очевидно, существенный вопрос; если прав Фурье, то изгнание борьбы за существование из общественного про-

⁷⁵ С тех пор, как написаны эти строки, эта гипотеза перестала быть общепризнанною передовыми мыслителями. Вопрос о смертности нашей планеты выходит, конечно, из пределов этого этюда. Укажу мимоходом на любопытную книжку: Jean Yarkowski. Hypothese cinetique de la gravitation universelle en connexion avec la formation des elements chimiques, Moscou, 1888. Книжка эта вышла потом и по-русски. На основании того же закона сохранения силы автор приходит к заключениям, диаметрально противоположным гипотезе энтропии (*Прим. 2-го изд.*).

гресса рано или поздно осуществится; если же прав г. Жуковский, то такое изгнание хотя и нельзя считать социологической нелепостью, но весьма сомнительно и, во всяком случае, весьма непрочно и непродолжительно. В первом случае борьба за существование будет вновь вызвана истощением жизненности земли, производительной силы ее почвы; во втором, если даже и осуществимо изгнание борьбы за существование, то восстановление ее не замедлит проявиться вследствие излишнего размножения. Для этой стороны вопроса г. Жуковский, можно сказать, решительно ничего не сделал в своем исследовании, а между тем несомненно здесь-то и находится вопрос в пределах социологии. В том виде, как вопрос этот поставлен у г. Жуковского, он есть параграф общей философии природы, подводящей и социологические явления под тип процесса, общий всему сущему. Общая философия в своей работе, естественно, заботится о сторонах процесса, общих и другим процессам, тогда как особенностями процесса пренебрегает; между тем эти-то особенности и важны для социологии.

Во всяком случае, будем помнить: 1) что размножение человечества имеет конечный предел в размере потенциальных средств земли, 2) что развитие цивилизации увеличивает производительность труда, но вышеуказанный предел размножения есть и предел этого роста, 3) что с достижением этого предела размножение должно остановиться, иначе производительность труда будет уменьшаться, 4) что реаль-

ный предел размножения в современных обществах не совпадает с пределом, определяемым размером потенциальных средств. Таким образом, факт ограниченности этого размера сам по себе доказывает только, что человечество, как и небесное тело, им населяемое, необходимо будет иметь свой период завершения развития; но будет ли предшествовать этому периоду эпоха полного приспособления жизни к социальному строю, эпоха изгнания борьбы за существование, равновесия между запросом потребностей и снабжением среды, эпоха торжества нравственности, этот вопрос еще не решается одним введением в исследование законов сохранения силы и энтропии, как это сделал г. Жуковский. Эти законы ничего не отвечают на вопросы: может ли возрастание земледельческого продукта поспевать за возрастанием населения, если его размножение не задерживается борьбою за существование и сопряженною с нею гибелью потерпевших поражение и позволительно ли ожидать когда-либо естественного прекращения размножения? Оба вопроса были первоначально поставлены в этой единственно социологической форме Мальтусом, а затем исследованы более или менее успешно Шарлем Фурье, Прудоном, известным русским комментатором "Оснований политической экономии" Милля и, наконец, Гербертом Спенсером⁷⁶; я опускаю неса-

⁷⁶ См.: Charles Fourier. Nouveau monde industriel et socidtaire (Oeuvres, vol. VI). Proudhon. Etudes sur la justice dans la revolution. Милль. Основания политической экономии, русск. перевод с прим. и дополн., изд. 1860 (см. также "Современник" 1860 г. в приложении). Герберт Спенсер. Основания биологии, т. II, ч. VI

мостоятельных исследователей и укажу еще только на статью г. Щапова в "Отечественных Записках" 1873 года.

Мы уже выше определили пять факторов, расширяющих предел размножения, пока действительный предел не совпадет с пределом, полагаемым размером потенциальных средств страны. Теперь нам на основании исследований указанных авторов нетрудно будет проследить развитие этих факторов. Первый фактор – возрастание производительности труда вследствие успехов материальной культуры, вследствие расширения и усовершенствования техники производства. Разбирая именно эту сторону вопроса, Мальтус пришел к своим безотрадным выводам, что никогда возрастание производства земледельческого продукта не может соответствовать размножению населения, если никакие внешние причины не приводят численность его к необходимой норме. Размножение следует в своем росте геометрической прогрессии при коэффициенте 2 и при сроках удвоения необыкновенно быстрых, напр., в 25 л., тогда как рост производства земледельческого не может возрасти быстрее арифметической прогрессии. Первую прогрессию мы разберем ниже, теперь же обратимся ко второй. Вот аргументация Мальтуса, выписанная вся целиком⁷⁷.

(§§ 365–375), русск. пер. изд. Полякова. А. Щапов. Развитие человеческой способности питания (Отеч. зап., 1873, № 1, стр. 153–182). (Прим. 1-го изд.) Этот список необходимо дополнить Джорджем: Progress and Poverty. (Прим. 2-го изд.)

⁷⁷ Мальтус. Опыт о законе народонаселения, русск. перев. Бибикова, 1868 г. Т. I, стр. 100–102.

"Если мы предположим, при возможно хорошем правлении и при самом сильном поощрении земледелия, что производство почвы на этом острове (Великобритании) может удвоиться в первые двадцать пять лет, то, вероятно, мы перейдем за пределы возможного; такое предположение скорее превысит меру возрастания количества произведений, на какое мы могли бы благоразумно рассчитывать. В следующие двадцать пять лет решительно нельзя надеяться, чтобы производительность земли возросла по тому же закону и чтобы по истечении этого второго периода плодородие учетверилось: допустить это значило бы перевернуть вверх дном все наши понятия о производительности земли. Улучшение бесплодных участков требует много труда и времени. Для человека, сколько-нибудь знакомого с этим предметом, не подлежит сомнению, что по мере расширения обработки ежегодное приращение среднего производства постоянно уменьшается с некоторого рода правильностью. Для сравнения с возрастанием населения, сделаем теперь предположение, которое, как бы оно неточно ни было, тем не менее, без всякого сомнения, преувеличивает производительность почвы сравнительно с тем, что представляет действительность. Вообразим, что ежегодное приращение среднего производства не уменьшается, а остается то же, так что в каждый 25-летний период к годовому производству Великобритании присоединяется количество произведений, равное такому же годовому доходу (во времена Мальтуса). Вероятно, никакое горя-

чее воображение не решится сделать более широкого предположения, ибо и этого довольно, чтобы в несколько столетий обратить всю почву острова в один роскошный сад. Применим это предположение ко всей земле, т. е. что в каждый 25-ти-летний период все количество произведений, доставляемых поверхностью земного шара, присоединяется к тому, что доставлялось ею в начале этого же периода. Это без сомнения все, что только мы имеем право ожидать от усилий труда человека, возможно лучше направленных. Итак, основываясь на настоящем положении занятых уже земель, мы можем сказать, что *средства существования при самых благоприятных условиях для труда ни в каком случае не могут возрасть быстрее, чем в арифметической прогрессии*".

Таковы соображения Мальтуса о возможном прогрессе производительности труда. Других аргументов в обоих томах его труда вы не найдете, как бы тщательно их ни искали. Я привел все рассуждение Мальтуса от начала и до конца без всяких пропусков, и, думаю, этого одного довольно, чтобы читатель, привыкший к современной строгой критике научных доказательств, увидел всю несостоятельность аргументации, при помощи которой Мальтус старается вывести рост производительности в виде арифметической прогрессии. На произвольность положений, на основании которых Мальтус построил свои доводы, указывали много раз, но на это легко было возразить, что сам Мальтус не настаивал на точности своего вычисления, а смотрел на него лишь как

на тахитим возможной быстроты, *принимая мерилom возможности действительные примеры и основанный на всеобщем опыте здравый смысл.* И действительно, трудно не согласиться, что в этих пределах вопрос разрешен Мальтусом довольно логические Но логически ли было заключать вопрос в эти пределы эмпиризма и была ли со стороны Мальтуса и его последователей какая-либо попытка истолковать этот эмпиризм? Едва ли такой метод исследования может почитаться логическим и соответствующим требованиям научности. В самом деле, мы выше видели, что рост производства (или, что почти то же, расширение предела размножения) зависит не только от возрастания производительности труда в тесном значении этого выражения, но и от прогресса организации труда и социально-политических условий, среди которых он применяется; если же, таким образом, рост производства есть процесс сложный, результат не одного, а нескольких различных факторов, то логично ли, научно ли принимать его за мерилo роста одного из факторов? Возрастание производительности труда есть только один из факторов и притом, мы видели, из числа факторов, влияние которых каждого в отдельности строго обусловлено благоприятным влиянием других двух. Можно ли после этого заключить по прошедшему прогрессу, измеренному притом по глазомеру, о возможном будущем прогрессе, и особенно о прогрессе, допускаемом развитием одного из факторов? Для этого необходимо было первоначально разложить слож-

ный процесс прогресса производства на его составные элементы, исследовать условия прогресса каждого из них, значение каждого в общем процессе и, наконец, условия их сочетания. Ничего этого не сделал Мальтус, но он заставил своих противников сделать это, и, быть может, в этом заключается его главная заслуга перед социологией. Уже Фурье понял зависимость успехов производства от социально-политических условий труда и предполагал, что с благоприятным изменением их возрастание производительности не будет отставать от размножения населения. Он приводит даже вычисление, по которому земной шар в состоянии прокормить 5 миллиардов жителей, но в его расчеты входят некоторые из тех вполне несбыточных его предсказаний, которые оказали теперь плохую услугу их автору и заставили забыть действительные заслуги Фурье перед наукою. С более научной точки зрения доказывал приблизительно то же Прудон. Он доказывал, что с возрастанием населения, с успехами цивилизации является возможность более полного разделения труда, вводится машинное производство и т. п. и что потому прогрессия производства, пожалуй, может выйти даже более быстрая, нежели прогрессия размножения. Играя различными "предположим", на которых Мальтус построил свою теорию, Прудон показывает, что те же самые приемы исследования могут привести к совершенно противоположному выводу. "Положим, – говорит он, – что два одиноких человека, без инструментов и оспаривая у зверей свою скудную пищу,

производят ценность, равную 2. Пусть эти два человека изменят свою жизнь и соединят свои силы. Пусть они увеличат свои силы разделением труда, машинами, вызываемыми соревнованием, производство их будет уже не 2, а положим, напр., 3, ибо каждый производит не только собственными силами, но и силами своего товарища. Если число работников удвоится, то вследствие этого удвоения разделение труда будет большее, действие машин усилится, соревнование также; поэтому производство их будет равно 6. Если число их учетверится, то производительность их будет равна 12. Это умножение производства при содействии разделения труда, машин, соревнования и пр. неоднократно доказывалось экономистами: это – прекраснейшая часть науки, на которой сходятся единодушно все писатели. Итак, если население размножается как 2,4,8,16,32,64, то производительная сила труда будет возрастать как 3,6,12,24,48,96". Если же мы этого не видим, то лишь потому, что общественные условия неблагоприятны. Конечно, можно многое сказать против вывода прогрессий Прудона, но это будут те же аргументы, что и против правильности Мальтусовых прогрессий, именно: произвольность числовых предположений; в остальных же отношениях они даже научнее Мальтусовых, потому что вторая прогрессия Прудона построена на основании научно доказанных фактов и произвольно только их числовое выражение (что в данном случае, впрочем, наиболее важно), тогда как Мальтус построил свою вторую прогрессию на осно-

вании здравого смысла, который не анализирует явлений, а судит о возможном по тому, что бывало. Да и вообще, как-то странно людям науки опираться в научных решениях не на свои критические исследования, а на мнение людей, конечно, весьма почтенных, но вовсе не ученых, а ведь именно мнение этих средних людей и составляет здравый смысл, совершенно пригодный в частной жизни, но не для решения научных задач, требующих своих особых приемов мышления, не отрицающих здравый смысл, но расширяющих его кругозор и очищающих от повседневного эмпиризма. К сожалению, такие истины еще часто приходится доказывать в социологии, а между тем всякий сочтет нелепостью определение появления известной кометы или расстояния от солнца на основании одного здравого смысла и вместе с тем всякий же соглашается, что общественные явления суть явления, наиболее сложные в природе.

Выше я сказал, что факты, на которых основал Прудон вычисление своей второй прогрессии, в сущности верны, но что их числовое выражение так же произвольно, как и числовое выражение здравого смысла у Мальтуса. Это почти разрушает убедительность доводов Прудона. Правильное числовое выражение возможного роста производительности труда независимо от социально-политических условий, принимая их всегда за самые благоприятные, – такое вычисление было крайне необходимо. Такое вычисление дал вышеупомянутый русский комментатор Милля. Прежде все-

го, он вовсе не оспаривает положения Мальтуса, что количество продукта земледельческого, произведенного рабочим, уменьшается с размножением населения, если это размножение *не сопровождалось соответственным прогрессом способов производства*, но при этом неопровержимо доказывает, что это возрастание производительности труда не должно быть вовсе таким невероятно большим. Он старается вычислить сначала общую формулу необходимого возрастания производительности труда при всяком периоде удвоения. Простота, точность и доказательность приемов не оставляют желать ничего лучшего. Обозначив первоначальное число жителей гипотетической территории через A , прибыль населения в продолжение первого года через N , первоначальную производительность труда хлебопашцев через P , необходимую производительность к концу года через P' , цитуемый автор просто определяет все остальные величины в этих, и из одного этого определения выходят самые неожиданные последствия. Таким образом, определяются:

1)

$$\% \text{ размножения} = \frac{A+N}{A}$$

2) Производительность (уменьшенная) прибылых работников =

$$P: \frac{A+N}{A} = \frac{AP}{A+N}$$

принимая, согласно смыслу Мальтусовой теоремы, что "производительность труда прибылых работников уменьшается по тому же проценту, по которому возрастает население".

3) Произведенный продукт первого года = AP .

4) Продукты второго года, если не произведено улучшение =

$$AP + \frac{ANP}{A+N}$$

5) Необходимое количество продукта для второго года = $AP + NP$.

6) Таким образом, дефицит =

$$(AP+NP) - \left(AP + \frac{ANP}{A+N} \right) = \frac{N^2P}{A+N}$$

"Очевидно также, в какой пропорции должна возрасти она (производительность), чтобы продукт второго года до-

стиг требуемой величины $AP+NP$. Ясно, что P' должно быть настолько больше P , насколько требуемый продукт $AP + NP$ больше получаемого без улучшений продукта. Но мы уже знаем, что этот получаемый без улучшений продукт

$$AP + \frac{ANP}{A+N}$$

меньше требуемого продукта на величину

$$\frac{N^2P}{A+N}$$

Итак, мы имеем:

$$(AP+NP) - \left(AP+NP - \frac{N^2P}{A+N} \right) = P' \cdot P.$$

Из этого мы получим:

$$P' = \frac{(A+N)^2 P}{(A+N)^2 - N^2}$$

Или, принимая $P=1$,

$$P' = \frac{(A+N)^2}{(A+N)^2 - N^2}$$

То есть требуемое возвышение земледелия посредством усовершенствований относится к первоначальному состоянию земледелия, как число населения второго года, возведенное во вторую степень, относится к тому же числу во второй степени за вычетом числа прибылых в год людей во второй степени".

На основании этой формулы автор ее сделал вычисления требуемого роста производительности труда при различных периодах удвоения населения, от 12-ти-летнего до 100-летнего, что показало всю относительную незначительность необходимого возрастания. Так, для 25-летнего периода удвоения требуемый годичный размер улучшений = 0,00074768, а высота, до которой должно быть поднято земледелие в течение 100 лет (т. е. по истечении 4-х периодов удвоения), принимая первоначальную высоту за единицу, выразится всего в числе 1,0776. Для 50-летнего периода удвоения требуемое годичное улучшение будет равно = 0,000189554 и т. д. Эти вычисления уже нельзя упрекнуть в произвольности, но возможен ли и такой прогресс? На это дает нам ответ тот же писатель. С агрономическими сочинениями в руках он показывает нам, что современная тех-

ника земледелия могла бы даже в наилучше обработанных странах удесятить продукт, если бы была приложена к производству как общее правило. Франция, например, могла бы доставить при плодопеременной системе хлебопашества земледельческого продукта на 400 млн. жителей, а теперь едва прокармливает свои неполные 40 млн. Англия, по вычислению г. Бибикова, сделанному на основании Кольба и Гаспарена, могла бы прокормить 230 млн., а теперь она ввозит хлеб из Америки и России для своих 28 млн. Отчего это? Конечно, оттого, что для плодопеременной системы нужна затрата капитала, нужно привлечение большего количества рабочей силы, чем в настоящее время располагает земледельческое производство. Но капитал затрачивается там, где выгоднее, рабочая сила притекает туда, где ее спрашивает капитал; выгоднее же затратить капитал на производство продукта, более спрашиваемого на рынке. Распределение спроса на рынке, соответствующее распределению покупательной силы между потребностями, определяет распределение капитала и труда между производствами. Но распределение покупательной силы есть условие чисто социальное, развившееся из данных тоже чисто социальных, а потому и не представляет ничего predeterminedного, над чем общественный прогресс не имел бы власти. Если же так, то, очевидно, установление равновесия между размножением населения и возрастанием средств, возможно, пока, конечно, не достигнется предел, полагаемый размером потенциальных средств тер-

ритории. До тех же пор при современном уровне техники земледелия рост производства мог бы вполне уравновесить рост населения при несколько другом распределении труда и капитала между различными отраслями производства. Таким образом, мы вправе ожидать совершенного изгнания борьбы за существование от прогресса социально-политических условий труда, так как *прогресс техники уже обеспечил возможность этого изгнания*⁷⁸.

До сих пор мы почти вовсе не касались второго и третьего факторов расширения предела размножения, именно: прогресса в утилизировании добытого питательного продукта при помощи кулинарного искусства и приспособления аппарата питания к изменяющимся условиям пищи. Оба фактора представляют только две стороны одного и того же явления, потому что всякие изменения, количественные и качественные, в условиях питания, производят соответствующие изменения и приспособления в системе питания организма, и, наоборот, эти изменения, раз они вызваны на свет, требуют развития новых условий питания.

⁷⁸ Это писано в 1873 году, а за 16 лет, с тех пор протекших, обнаружился тот факт, что прогресс земледелия вполне обеспечивает настоящее население, и даже с излишком, в такой неотразимой форме и с такою неустранимою силою, что поддержание мальтузианства стало явным абсурдом. Всемирный рынок ныне переполнен хлебом; цены на него упали, и его производство обгоняет размножение человечества. Если же и вслед за тем не все люди сыты, а рядом с магазинами, переполненными хлебом, не находящим покупателя (потребителя), валяются и мрут голодные потребители, то виною и причиною является, конечно, никак не фатальное *недопроизведение* хлеба. (Прим. 2-го изд.)

Прогресс условий питания можно резюмировать в немногих словах. Замена правильным, но умеренным питанием голодания и обжорства, чередовавшихся периодически; замена сырой, неудобоваримой пищи пищею вареною, печеною и т. д.; введение новых питательных веществ; возрастание разнообразия пищи, регулирование питания при помощи научно-медицинских данных; большее извлечение питательного вещества из того же количества материала – вот различные стороны прогресса кулинарного искусства, понимая это выражение в самом обширном значении. Соответственно этому должно было идти и физиологическое приспособление аппарата питания к новым условиям. Некоторые факты, приводимые г. Щаповым в вышеуказанной статье, изумительны, по истине: "Якут или тунгус съедает зараз по сорока фунтов мяса; трое мужчин за один раз пожирают целого оленя. Один дикарь, по словам Клемма, в 24 часа съел всю внутренность большого быка, или 1/2 пуда жира, причем еще выпил столько же растопленного сала"⁷⁹. Конечно, ни один европеец не в состоянии съесть зараз и четверти таких порций; 1/10 было бы довольно для насыщения любого европейца. Очевидно, способность или, можно сказать, потребность довольствоваться такой умеренной, сравнительно, пищей есть результат приспособления. До чего может дойти этот процесс приспособления организма к уменьшению *количества* поглощаемой пищи, можно судить по известным примерам некоторых

⁷⁹ От. зап., 1873, янв. 155. Ссылки на Клемма и Рошера (I, 452).

отдельных лиц вроде Спинозы, Ньютона, Румфорда⁸⁰. Таково влияние на организм первого из вышеуказанных фактов прогресса в условиях питания. О превращении желудка из плодоядного во всеядный было уже упомянуто, и оно доказывает, что наша пищеварительная система не только может в довольно широких пределах, приспособляться к различным количествам пищи, но что то же самое верно и относительно ее качества. Замечательна также неудобоваримость первобытной пищи; г. Щапов приводит множество свидетельств, что дикие племена питаются сырою рыбою, кореньями деревьев и пр.⁸¹ Если сравнить ее с утонченною пищею наших гастрономов и с нашими сведениями о гигиеничности пищи, то можно увидеть бездну между ними. Развитие вкуса сделало потребностью пищу нового рода, и возвращение к первобытным способам питания для европейца решительно невозможно. Таким образом, это развитие вкуса обеспечивает употребление наиболее питательной и гигиеничной пищи. Громадный размер прошлого прогресса открывает нашему предвидению возможность ожидать таких же перемен и в будущем: приспособления к меньшему количеству материала при лучшем качестве, 1 181 извлеченном при помощи науки и кулинарного искусства из меньшего количества. Все это, конечно, дает право г. Щапову сделать гипотезу,

⁸⁰ Ibidem., 175, причем г. Щапов присовокупляет: "Замечено, что величайшие мыслители отличались особенною умеренностью в пище".

⁸¹ Ibid., 156–157.

что, быть может, тут и лежит ключ к разрешению Мальтусовой проблемы. "Если, таким образом, – пишет он⁸², – с высшим развитием нервной системы, с расширением и осложнением продукции пищи все более и более будут развиваться в человеческой нервно-мозговой способности задерживания рефлексов головного мозга такие способности, как способности умственного и нравственного самоуправления в питании, и такие качества питания, как научно-рациональная умеренность, регулярность и гигиеничность в употреблении пищи; если далее химия вместе с гастрономией будет все более и более стремиться производить прогрессивные изменения в качественных и количественных комбинациях, в составе, эссенции и концентрации пищевых элементов, в доведении количества или уменьшения массы пищи до возможнейшего минимума и в возвышении качества концентрированной пищи до возможнейшего maximum'a и если, наконец, соотносительно со всеми этими изменениями и сама пищеварительная способность или организация человеческой природы, постоянно приспосабливаясь к новым условиям экономики питания, к возможно большему уменьшению массы, количества пищи и возможно большему концентрированию химических пищевых элементов, должна будет также все более и более изменяться, – то вот, нам кажется, новое основание, почему мы не должны смущаться зловещими опасениями и предсказаниями Мальтуса и его последователей насчет

⁸² Ibidem., 179.

будущего пропитания человечества. Прежде, чем наступит предвещаема́я Мальтусом⁸³ роковая недостаточность пищи для человечества, должно полагать, что соотнoсительно с тем, как будет изменяться внешняя, физическая и химическая экономия человеческого питания, будет постепенно изменяться согласно с высшим развитием нервной системы и сама пищеварительная способность человека, постепенно приспособляясь к новым, изменяющимся условиям и средствам питания". Таковы надежды г. Шапова, основывающегося свои выводы на физиологических и гигиенических трудах Флуранса, Эстерлена и др., на фактах, собранных Клеммом, Рошером. Весьма возможно, однако, что эти надежды несколько преувеличены, но, во всяком случае, несомненно, что этот род фактов открывает новый путь расширению предела размножения, содействующий росту производства. До известной степени этот фактор действует независимо от других факторов именно тою стороною 182 своего прогресса, которая увеличивает количество пищи, извлекаемой из данного количества питательного материала⁸⁴, и обработкою

⁸³ Замечу что Мальтус и его последователи вовсе не предвещают наступления недостаточности средств, но утверждают, будто эта недостаточность существует уже теперь, да и вообще во всякое время должна существовать, ибо будто бы это закон природы.

⁸⁴ Как значительно может быть расширение предела размножения только вследствие успехов этой стороны кулинарного прогресса, можно судить по вычислениям, приводимым г. Шаповым (стр. 166): "Существующие в Англии пекарни с воздушным давлением на тесто настолько устраняют потерю от брожения в тесте, что по некоторым вычислениям этим путем Англия могла бы сбе-

делает данное количество пищи более питательным. Но прогресс приспособления аппарата питания не может почитаться процессом, столь же независимым от других факторов, регулирующих отношение потребностей и средств. В самом деле, приспособление к более гигиеничной пище, при которой можно довольствоваться уменьшенным количеством ее, развитие вкуса, содействующее этому, и пр., и пр. возможно только в таком случае, если организм пользуется более гигиеничной и вкусной пищей, но это доступно только тогда, когда рост производства уравнивает рост населения. При каких условиях это возможно, мы уже определили выше. Таким образом, возможность воспользоваться только что разобранною стороною прогресса для расширения предела размножения зависит от тех же социально-политических условий, которые управляют ростом земледельческого производства. Если равновесие между размножением потребностей и средств установлено совокупным действием прогресса производительности труда, организации его и социально-политических условий его приложения, то прогресс кулинарного искусства и соотносительный ему прогресс физиологического приспособления органов питания может, по-видимому, на неопределенно долгое время отдалить минуту, когда размножение достигнет конечной грани своей, — напряжения всех потенциальных средств территории. Но эта минута

речь столько (питательного вещества), сколько теперь привозится туда из-за границы".

должна же наступить...

Глава XIII

Борьба за существование и мальтусовы прогрессии

2. Прогрессия потребностей

В числе факторов, преследующих установление равновесия между потребностями и снабжением, мы выше назвали рядом с деятелями, расширяющими предел размножения, сокращение или даже прекращение самого размножения. В прошлой главе мы разложили на составные элементы процесс возрастания снабжения, теперь нам нужно сделать то же относительно процесса сокращения спроса. Подобно расширению предела размножения, само размножение есть процесс сложный. Он складывается из факторов, содействующих и противодействующих, усиливающих и ослабляющих рост населения; с первого шага мы принуждены брать во внимание, во-первых, число рождений, во-вторых, число смертей. Продолжая анализ, мы не можем признавать уже и эти элементы за факторы простые. Плодовитость племени, от которой зависит число рождений, сама складывается из нескольких элементов, обуславливающих большую или меньшую силу размножения: возраст, в который начинается

воспроизведение; продолжительность промежутков времени между последовательными рождениями; численность производимого в один раз потомства; продолжительность времени, в течение которого организм бывает способен приносить потомство; количество пособия, оказываемого родителями зародышу и младенцу, – вот, по Герберту Спенсеру⁸⁵, физиологические условия, определяющие *maximum* возможной для расы плодовитости. Действительная плодовитость расы колеблется у этого предела, будучи обусловлена благоприятными и неблагоприятными условиями. Каждый организм представляет определенное количество накопленного вещества и скомбинированной энергии; средний итог энергии и вещества для организмов данного вида есть величина постоянная, и потому всякое усиление траты на какой-либо процесс организма (плодовитость, напр.) должно сопровождаться соответственным ослаблением траты организма на другие процессы, развитие которых не связано с развитием прогрессирующего процесса (как, напр., активность и сложность, отчасти и рост). Натурально поэтому, что всякий прогресс организма, увеличивающий его рост, сложность или активность (количество производимой организмом работы), сопровождается ослаблением плодовитости либо вследствие изменения какого-нибудь из вышеупомянутых условий (напр., вследствие запаздывания зрелости), либо просто уменьшением количества рождений ни-

⁸⁵ См.: Герб. Спенсер. Основ. биол., II, часть 6-я, § 317.

же высшего возможного размера. Наоборот, всякое условие, увеличивающее свободный остаток вещества и энергии в организме, доводит или стремится довести действительную плодовитость до этого предела возможности; таковы следующие условия: обилие, питательность пищи; защита от крайностей жара, холода и сырости и вообще от климатических влияний, требующих траты организма; всякое органическое изменение, ослабляющее трату; здоровье⁸⁶. Таким образом, каждый вид обладает определенными условиями строения и отправлений, от которых зависит его способность плодиться; но действительная плодовитость определяется размером этой способности только отрицательно, не будучи в состоянии превзойти ее; настоящими же определителями плодовитости являются совокупность условий, определяющих трату организма на другие процессы, и совокупность условий, доставляющих организму материал для этой траты. Разность, получающаяся из сопоставления этих двух совокупностей, и есть величина, обращающаяся на воспроизведение; она-то определяет действительную плодовитость. Одним словом, мы получаем два ряда сил: 1) трата организма на рост, развитие и активность, работу – силы, понижающие плодовитость; 2) поглощение организмом вещества и энергии, охранение его от непроизводительной траты, понижение сложности и активности, вообще ослабление траты – силы, стремящиеся довести плодовитость до наивысшей возможной степени, до

⁸⁶ См.: Ibidem., II, §§ 326, 327, [ч. VI,] гл. III–XI (§§ 328–364).

предела, полагаемого вышеуказанными физиологическими условиями. Этот предел может отчасти изменяться под влиянием этих рядов сил, но это изменение, во всяком случае, медленно, и для небольших периодов времени предел плодovitости расы может почитаться величиною постоянною, а для больших периодов величиною правильно изменяющеюся как производная функция величин определяемых.

Не только плодovitость, определяющая число рождений, но и смертность есть фактор сложный. Прежде всего, очевидно, она слагается из естественной смерти, из истребления неприятелями, гибели от недостатка пищи, атмосферических перемен и нек. др. Величиною постоянною или, по крайней мере, правильно изменяющеюся между этими родами смертей можно признать до известной степени только естественную смертность и гибель в борьбе за существование. Второй из этих элементов нами уже рассмотрен выше в XII-ой главе этого сочинения; нам предстоит в этой главе заняться первым – естественною смертностью.

Жизнь есть обмен вещества и энергии, процесс постоянной траты и постоянного возобновления; при перевесе процесса поглощения вещества и энергии над их тратою организм растет или обращает излишек на воспроизведение; при перевесе траты над поглощением организм болеет и, наконец, умирает. Прекращение жизненного процесса, или смерть, есть, таким образом, результат нарушения равновесия между тратою и возобновлением. Почему это равнове-

сие должно быть естественно нарушено? Об этом, конечно, можно много гадать и строить гипотез, но действительно-го истолкования этого явления биология до сих пор еще не дала. Вообще, можно сказать, что и тут трата до известной степени антагонична жизни, поглощение же благоприятно. Еще нельзя не заметить того, что естественная смерть во-все не есть удел только одной старости: распределение физиологических элементов в яйце и семени, неблагоприятное сочетание наследственности с отцовской и материнской сторон, условия зачатия, ношения и рождения, состояние матери во время кормления грудью и многие другие условия могут произвести организм, мало способный уравнивать внешние отношения внутренними и потому обреченный на более или менее преждевременную кончину. Таким образом, по некоторым данным, собранным из наблюдений над детьми английских землевладельцев, пользующимися самыми благоприятными условиями жизни, естественная смертность между детьми до 5-ти лет равняется 20 % всего числа рождений, так что из 1000 новорожденных доживает до пятилетнего возраста всего 800 младенцев⁸⁷. То обстоятельство, что естественная смертность не приведена к каким-ли-

⁸⁷ Исследования Чедуика, приведенные в комментариях на перевод "Полит. эк." Милля, изд. 1860 г. См. также: Бибииков. Жизнь и труды Мальтуса, в переводе соч. Мальтуса, I, 56. Выводы Чедуика важны потому, что несомненно на смертность детей английских землевладельцев вовсе не влияет борьба за существование, так что мы тут имеем дело с естественною смертностью, не осложненною какими-либо другими разрушительными деятелями.

бо простым биологическим началам, заставляет нас обращаться при определении ее роли к чисто эмпирическим данным вроде только что приведенного статистического исследования д-ра Чедуика.

Как бы то ни было, но мы можем теперь свести вместе факторы, управляющие размножением жизни. Факторы содействующие: *естественная плодовитость*, обусловленная временем созревания, продолжительностью ношения и кормления грудью, числом зараз рождающихся, продолжительностью времени половой способности организма; затем *обилие и доброкачественность питания, понижение сложности, ослабление активности, вообще ослабление необходимой траты*. Факторы противодействующие: *рост, развитие* (осложнение), *труд* (особенно нервный)⁸⁸, *естественная смертность* и, наконец, *смертность, происходящая из борьбы за существование*. Так как мы следим за условиями, при которых возможно изгнание последнего фактора, то, натурально, в настоящее время он определению не подлежит. Мы должны потому определить возможный *maximum* плодовитости, эмпирически найденный, возможный *minimum* естественной смертности, откуда сам собою выяснится возможный *maximum* приращения, наибольшая возможная прогрессия размножения. Затем необходимо определить прогресс факторов, противодействующих плодовитости достигать своего естественного предела, и исследовать влияние

⁸⁸ См.: Герб. Спенсер. О. б., § 374.

этого прогресса на действительную плодовитость. Только такое исследование способно дать надлежащее понятие о прогрессе народонаселения. Обратимся же к исследованиям известных мыслителей-социологов, занимавшихся изучением вопроса народонаселения. У Мальтуса читаем⁸⁹:

"Чтобы убедиться в постоянном стремлении населения к размножению, превышающему средства существования, и в препятствии, противопоставляемом ему последними, достаточно проследить с такой точки зрения различные периоды общественного существования. Но прежде, чем мы приступим к подобному труду, попытаемся определить, с одной стороны, с какою быстротою пойдет естественное размножение населения, если бы оно не встречало никакой помехи, а с другой стороны, как велико может быть возрастание произведений земли при самых благоприятных условиях для производительности труда". Эту вторую сторону задачи, поставленной себе Мальтусом, мы уже разобрали выше и видели всю неправильность определения "самых благоприятных условий для производительности труда"; обратимся же теперь прямо к прогрессии населения, как она выводится Мальтусом. "В государствах Северной Америки, – говорит он, – в которых не встречается недостатка в средствах существования, в которых господствует чистота нравов и преждевременные супружества возможнее, чем в Европе, найдено было, что население в продолжение более чем полутора сто-

⁸⁹ Мальтус. I, 97–99.

летий удваивалось быстрее, чем в 25 л. И тем не менее в тот же промежуток времени замечено было, что в некоторых городах число умерших превышало число родившихся, так что остальная страна должна была постоянно пополнять их население; а это ясно показывает, что размножение может идти быстрее, чем представляющая его средняя цифра. В поселениях внутри страны, в которых земледелие составляло единственное занятие колонистов, в которых неизвестны были ни пороки, ни нездоровые городские ремесла, найдено было, что население удваивалось в 15 л. Приращение это, как бы велико оно ни было, без сомнения, могло бы быть еще значительнее, если бы размножение не встречало никаких препятствий. Разработка новых земель нередко требует чрезвычайных усилий и не всегда сопровождается благоприятными для здоровья условиями; сверх того туземные дикари мешали иногда такому предприятию набегами, уменьшали количество произведений трудолюбивого земледельца и лишали даже жизни некоторых членов его семейства. По таблице смертности Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36 при отношении числа родившихся к числу умерших как 3:1, период для удвоения населения составляет всего $12 \frac{1}{2}$ л. И это будет не предположение только, ибо такой факт неоднократно повторялся в короткие промежутки времени. Сэр В. Петти полагает, что при содействии особенных благоприятных условий население может удваиваться каждые 10 л. Но во избежание всякого рода преувеличений мы примем за осно-

вание для наших рассуждений менее всего быстрое размножение, доказанное многими свидетельствами и производимое одними только рождениями. *Мы можем, следовательно, считать несомненным, что если размножение населения не встречает никакого препятствия, то оно удваивается каждые 25 лет и возрастает в геометрической прогрессии*".

Эта прогрессия Мальтуса уже не страдает такую произвольностью, как прогрессия средств. Правда, это не вывод на основании научных данных о возможной быстроте размножения человеческого вида, но она все же основывается на громко заявленном и общеизвестном факте, что население Американской Республики в продолжение ста пятидесяти лет удваивалось в 25 лет. Прогрессия чисто эмпирическая – правда, но если факт верен, то такая быстрота размножения возможна. Если в чем можно упрекнуть Мальтуса, так это в том, что он недовольно критически отнесся к достоверности самого факта удвоения в 25 лет, "производимого одними только рождениями", как он говорит. На это обратили внимание его противники, указывая на значительную иммиграцию европейцев, которым в продолжение цитируемого Мальтусом периода не велось списков. Защитники Мальтуса ответили вычислением ошибки на основании данных о переселении позднейшего времени и указали, что эта ошибка не могла быть больше 4-х или 5-ти лет, так что период удвоения раздвигался до 29-ти или 30-ти лет. Но и это вычисление оказалось неверно и было разбито противниками

доктрины Мальтуса. Все дело в том, что недостаточно было вычесть число переселенцев, надо было вычислить и их потомство, которое, относительно, должно было быть многочисленнее, так как отношение между возрастами в среде переселенцев должно быть иное и не соответствует возможному естественному распределению населения по возрастам. Между переселенцами должно было быть пропорционально гораздо меньше детей и стариков, а между тем эти возрасты не способны плодиться и между ними же господствует наибольшая смертность; вследствие этого совершенно справедливо возражали научные противники школы Мальтуса – не только период удвоения в 25 лет, принятый самим Мальтусом, не есть представитель когда-либо осуществлявшейся быстроты размножения, но и исправленный его учениками период 29 или 30-летний решительно не выдерживает научной критики.

Мальтус основал свою прогрессию потребностей на факте; факт отвергнут – отвергнута и прогрессия. Вместо факта, принятого Мальтусом, нельзя поставить опять какой-либо другой и пытаться опять эмпирическим путем вывести прогрессию размножения; не говоря о том, что он, по всей вероятности, рано или поздно был бы раскритикован, подобно факту Мальтуса, но даже ненаучно заключать о естественном размножении по действительному, когда факторы того и другого различны и нигде еще не устранена борьба за существование. Мальтус не сделал вычисления возможной

быстроты размножения на основании числового выражения его факторов, но он заставил это сделать своих противников. Мальтус не обратил внимания на зависимость естественной плодовитости от деятелей, которые, прогрессируя или регрессируя в обществе, могут напрягать размножение до возможной быстроты или понижать плодовитость значительно ниже этого наивысшего уровня. Противники Мальтуса остановили свое внимание и на этом. Вычисление наибольшей возможной быстроты размножения сделано не раз уже цитированным русским комментатором Милля; значение содействующих и противодействующих плодовитости факторов определено Гербертом Спенсером и отчасти Прудоном и Ш. Фурье. Обратимся же к аргументации этих авторов.

Припомним вышеприведенные, по Спенсеру, условия, определяющие наивысшую плодовитость расы. Период созревания для женщины не раньше 15 лет, но надо помнить, что это период возможного начала половой деятельности, действительный же во всех образованных государствах значительно больше; закон обуславливает вступление в брак для девушки 16 годами, средний же возраст действительно в первый раз вступающих в брак и того старше. Второе условие, от которого зависит сила плодовитости, – продолжительность промежутков времени между последовательными рожденьями; для женщины она складывается из двух элементов – беременности и кормления, что составит около двух лет; менее продолжительный срок (равный, однако, не ме-

нее, как одному году) возможен только при условии некормления грудью или смерти ребенка немедленно по рождении. Третий фактор плодовитости – численность детенышей одного рождения – для человека не подлежит спору; она равна одному⁹⁰. Продолжительность времени, когда организм бывает способен производить потомство, определяется между возрастом созревания и так называемым критическим периодом, наступающим для женщины между 40 и 50 годами, так что *maximum* времени половой способности женщины 30 лет. Этот период определяет *maximum* числа возможных рождений для каждой женщины в 15 детей. Не будем забывать, что продолжительность времени половой способности вовсе не соответствует продолжительности времени половой деятельности, но покамест оставим это в стороне. Итак, предположим, что каждая способная к половой деятельности женщина находится постоянно в состоянии этой деятельности и, следовательно, средним числом каждая производит *maximum* 15 душ детей. Но для определения быстроты размножения этого факта недостаточно; нам необходимо еще определить отношение числа способных к половой деятельности женщин к общей численности всего населения. Вообще доказано, что мальчиков рождается боль-

⁹⁰ Численность "плодущих родов", т. е. таких, когда рождаются двое и более в одни роды, вообще очень незначительна и более нежели покрывается численностью мертворожденных. Вот некоторые параллельные данные (См.: Янсон, *op.cit.*, 179, 181): Германская раса (сплошь первые пять номеров) более склонна к плодущим родам, но и там их число ничтожно. (Прим. 2-го изд.).

ше, нежели девочек, но что затем смертность в мужском населении сильнее, нежели в женском, так что в большей части случаев (но не всегда, однако) устанавливается некоторый перевес в пользу женщин; этот факт приписывают отчасти меньшей крепости мужского организма, отчасти большей для мужчин напряженности борьбы за существование, так что весьма возможно, что за вычетом излишка мужских смертей последнего рода большая смертность только уравновесила бы большую рождаемость. Вообще не будет большой ошибки, если принять, что при отсутствии борьбы за существование число всех женщин будет равняться половине всего населения. Но и между женщинами все моложе 15 лет и старше 45 лет должны быть исключены из нашего счета. Для этого необходимо определить среднюю жизнь женщины.

Выше были приведены вычисления Чедуика, по которым естественная смертность английских детей в первом пятилетии равняется 20 %, но их действительная смертность повсюду превосходит этот *minimum*. Для России, напр., она равна 39,7 %, для Англии – 25,8 %, для Франции – 29,3 % и т. д. Эти излишки должны быть отнесены насчет гибели от борьбы за существование; на основании этих излишков мы можем вычислить влияние борьбы за существование на смертность в первые пять лет. Если мы предположим, что и дальше борьба за существование оказывает такое же вли-

яние на смертность, т. е. увеличивает смертность в том же размере, то мы получим возможность определить естественную смертность для всего населения. Разделяя 39,7 на 20, мы получаем цифру 1,985, выражающую степень влияния на русскую смертность борьбы за существование; общая смертность в России = 3,6 %, так что, уменьшая это число в 1,985, мы получим, по нашей гипотезе, естественную смертность для России, равную 1,8135 %. Сделав такое же вычисление для Франции (смертность детей – 29,3 %, общая смертность = 2,4 %), получим естественную смертность – 1,6382 %, для Англии (смертность до 5 лет = 25,8 %, общая = 2,3 %) = 1,783 %; для Бельгии (смертность до 5 лет = 27 %, после 5 лет = 2,3 %) = 1,7037 %. Все цифры весьма близки между собою; несколько противоречащую является только цифра для Швеции, оказавшаяся всего – 1,1898 %; эта аномалия понятна, если обратить внимание на % смертности; для детей он в Швеции = 35,3 %, т. е. несколько ниже только смертности детей в России, превышая в то же время % остальных стран Европы, между тем общая смертность ниже смертности всех цитированных народов = 2,1 %. Чем объяснить такое странное явление, странное потому, что вообще статистика показывает, что %% смертности различных возрастов в различных государствах более или менее прямо пропорциональны. Вычисляя среднюю цифру естественной смертности на основании данных для этих 5 государств, мы получим – 1,6256 %; а без Швеции, которая, очевидно, нахо-

дится в каких-то аномально неблагоприятных условиях для первого возраста и в самых благоприятных для последующих, эта средняя цифра естественной смертности повысится до 1,7346 %. Принимая, таким образом, гипотезу, что борьба за существование действует с одинаковою силою на все возрасты и число жертв, ею ежегодно уносимых, во всех возрастах составляет одинаковый % общего числа смертей, мы получим приблизительный % естественной смертности в 1,7346. Во всяком случае, он не будет ниже этой цифры, так как скорее можно предположить, что борьба за существование губительнее действует на первый возраст, чем на последующие. Отсюда мы должны определить среднюю жизнь, имея перед собою только % смертности; раз предположив, что естественная наименьшая смертность распределяется по возрастам соответственно распределению по возрастам действительной смертности, так как борьба за существование равно сражает все возрасты, раз предположив это, мы можем приблизительно подойти к средней жизни, искомой нами. Для России мы имеем для женского пола следующий % смертности по возрастам:

до 5 лет	38,6	30-35 л.	5,2	665 л.	12,5
5-10 л.	6,0	35-40 л.	5,7	65-70 л.	18,7
10-15 л.	3,1	40-45 л.	7,6	70-75 л.	23,1
15-20 л.	3,1	45-50 л.	8,6	75-80 л.	36,5
20-25 л.	3,4	50-55 л.	11,3	80-85 л.	47,2
25-30 л.	4,1	55-60 л.	10,1	85-90 л.	64,9

Для десятилетия 90-100 л. умирает более 3/4 выживших, а свыше 100 лет % = 100. Принимая за основание для вычисления эти данные, мы получим для тех же возрастов нашего гипотетического населения следующую таблицу естественной наименьшей смертности:

1-5 л. = 18,6	35-40 л. = 2,75	70-75 л. = 11,1
5-10 л. = 2,8	40-45 л. = 3,7	75-80 л. = 17,3
10-15 л. = 1,5	45-50 л. = 4,1	80-85 л. = 22,6
15-20 л. = 1,5	50-55 л. = 5,4	85-90 л. = 31,1
20-25 л. = 1,6	55-60 л. = 4,8	90-100 л. = 38
25-30 л. = 2,0	60-65 л. = 6,0	100 и бол. = 50
30-35 л. = 2,5	65-70 л. = 9,0	

Руководствуясь этой таблицей, можно составить таблицу движения гипотетического населения по возрастам:

Возраст Новорожденных всего 1000 душ	Дожило	Умерло за 5 л.	Возраст	Дожило	Умерло за 5 л.
до 5 л.	814	186	до 55 л.	611	35
до 10 л.	792	22	до 60 л.	582	29
до 15 л.	780	12	до 65 л.	547	35
до 20 л.	768	12	до 70 л.	498	49
до 25 л.	756	12	до 75 л.	443	55
до 30 л.	741	15	до 80 л.	366	77
до 35 л.	722	19	до 85 л.	283	83
до 40 л.	702	20	до 90 л.	195	88
до 45 л.	674	26	до 100 л.	121	74
до 50 л.	646	28			

Таким образом, за 100 лет переживет около $1/9$ всего поколения, но при 50 % смертности (собственно говоря, 48,1 %) в первое пятилетие умрет 60 чел. и останется – 61, во второе пятилетие умрет 30, в третье – 15, в четвертое – 8, в пятое – 4, в шестое – 2, а оставшиеся 2 умрут один в седьмое, один в восьмое пятилетие (между 135 и 140 годами). Если мы теперь сделаем предположение, что в продолжение каждого пятилетия умирает ежегодно средним числом одинаковое количество человек, то получим всего годов жизни для всех 1000 человек = 58404, т. е. средняя жизнь будет равняться 58,4.

Предполагая население неразмножающимся, мы можем принять вычисленную выше таблицу смертности по возрастам вместе с тем и представительницею распределения его

по возрастам. В таком случае, делая исчисление на основании таблицы, мы найдем, что моложе 15 лет будет жен. пола – 22 %; в возрасте от 15 до 45–37 %; 45-100 = 40 % и свыше 100 = 1 %. Таково должно быть распределение женщин по возрастам в населении, в котором смертность не превышает 1,7346 %, отношение смертей в различных возрастах прямо пропорционально ныне существующему в России, и число жителей не увеличивается. С изменением которого-нибудь из этих условий изменится и распределение женщин по возрастам; с усилением смертности %, выражающий число женщин старше 45 лет, понизится, относительно чему повысится % молодежи и женщин чадородного возраста (15–45 л.). Противоположное следствие произведет усиление плодовитости, если вследствие этого началось размножение; численность молодежи возрастет, но % женщин чадородного возраста понизится. Таким образом, усиление смертности и умножение рождений являются факторами противоборствующими и по отношению к сравнительной численности женщин чадородного и нечадородного возраста. Предположим же теперь, что наше неподвижное общество, в котором рождения только уравнивают смертность, вдруг напрягло до высшей степени свою половую деятельность, так что, соображаясь с вышеопределенными условиями плодовитости для человека, мы принуждены считать число рождений равным числу женщин чадородного возраста, деленному на два. В нашем обществе женщины этого воз-

раста составляют 37 % всего числа женщин, или 18,6 % всего населения. В таком случае рождаемость представит 9,25 %, а за вычетом естественной смертности (1,7346 %) будем иметь приращение в 7,5154 %. Если принять эту цифру за ежегодный % приращения, то мы получим удвоение населения в 11 л. Но такой прием будет очевидно ошибочен, потому что число 7,5154 есть % приращения только для первого года; прибавленный к данному количеству нечадородного возраста он изменит процентное отношение различных возрастов, так что новые рождения уже не будут составлять тот же % относительно всего населения. Предпринятое мною погодное вычисление возрастания гипотетического определенного выше общества, бывшего неподвижным и потом вдруг доведшего свою плодовитость до maximum'a только мыслимого, но едва ли осуществимого, – вычисление это показало для населения в 116,000 жителей через 15 лет размножения численность в 216,000. Значит, не только в 11 л., но и в 15 л. население не удвоится при самых благоприятных условиях, т. е. если в момент начала наивысшего напряжения половой деятельности населения распределение возрастов было такое, какое может установиться только при неразмножающемся населении, и если % смертности был наименьший возможный, а рождаемость была даже невозможная, по 15 детей от каждой женщины. Но в России, где рождаемость развита до самых громадных размеров, как нигде в другом месте, она не превышает шести младенцев от одной женщи-

ны. При этом maximum'e действительной рождаемости % рождений в нашем гипотетическом обществе будет 3,7 %, а приращение первого года составит 1,9 % всего населения. То обстоятельство, что в некоторых государствах, а особенно в самой России, % рождений больше, нежели 3,7 % (для России – 5 %), вообще не должно смущать нас, так как это зависит от неизмеримо большей смертности (для России – 3,6 %), вследствие чего, как выше указано, повышается относительное число чадородных возрастов (для России – 22 %), но, конечно, % приращения всегда будет ниже. Поэтому не будет большой ошибки, если принять 2 % ежегодного приращения за наибольший %, возможный при наибольшей, когда-либо достоверно существовавшей, плодовитости. А это составит период удвоения в 36 л. Конечно, все эти цифры имеют только относительное значение, но все же до некоторой степени они уже могут дать понятие о наивысшей возможной быстроте размножения, если не своею абсолютною величиною, то своими соотношениями.

Для того чтобы общество вовсе не размножалось, необходимо, чтобы % рождаемости был равен % смертности, т. е. в обществе, не подверженном влиянию борьбы за существование, он выражается в 1,7346 % на все население, а на одних женщин чадородного возраста = 9,1 %, если же принять чадородный возраст только в 20 лет (20–40 л.), то рождения, только уравнивающие смертность, составят 13,4 %, или приблизительно по 3 ребенка на женщину. Вот

условия неподвижности населения при смертности, происходящей только от естественных причин. Эти условия вовсе не так противоречат действительности, как может с первого взгляда показаться; во Франции женщины чадородного возраста составляют около 22,6 % всего населения, рождаемость выражается в 2,7 % на все же население, или 11,9 % на одни чадородные женские возрасты, а это средним числом представит на каждую женщину по 3,57 ребенка за 30 лет чадородной способности, или одно рождение на 8,4 женщины чадородного возраста. Разница между одним рождением на 5 способных к рождению женщин, как в России, и одним рождением на 8,4 таких женщин, как во Франции, гораздо больше, чем разница между положением дел во Франции и тем, которое должно установиться, чтобы даже при отсутствии борьбы за существование население не размножалось.

Определив приблизительно наибольшую возможную быстроту размножения и условия равновесия населения, мы, естественно, должны задаться вопросом: куда же клонится прогресс человеческого общества? более ли он тяготеет к развитию человеческой способности плодиться до ее высшей степени или, быть может, напротив того, прогресс исторический антагоничен плодовитости и ведет поэтому к равновесию населения? С этою целью мы должны обратиться к вышеуказанным рядам антагоничных сил, содействующих и противодействующих процессам генезиса. Рост, развитие (осложнение в строении) и активность (труд, трата ве-

щества и силы на производство работы) – вот, как мы видели, главные антагонисты генезиса. Упрощение строения и сокращение траты в каком бы то ни было направлении – главные из условий, благоприятствующих плодовитости. Эти последние не требуют дальнейших разъяснений; но что касается первых, то будет полезно дать им несколько более обстоятельное определение. Осложнение строения (развитие) и труд (активность) бывают двух родов: физиологические и психические. Физиологическое в тесном смысле развитие организма и физический (мышечный) труд достаточно поясняются тем, что выше о них сказано; истрачивая силу и вещество, скомбин[ир]ованные в организм, они уменьшают тот излишек этих элементов, который организм мог бы в другом случае употребить на воспроизведение, на генезис. Не так ясно влияние психического развития и нервного труда; конечно, *a priori* можно сказать, что этого рода процессы могут происходить тоже только за счет траты силы и материи организма и потому уменьшают размер избыточного материала, из которого вырабатывается новый организм или его элементы. Такая абстрактная дедукция, без сомнения, совершенно правильна, но смешиваемое постоянно с влиянием физических процессов в тесном смысле влияние психического развития и нервного труда не обратит на себя всего подобающего ему внимания. Дело в том, что половая деятельность не есть исключительно физиологическое отправление организма, но процесс сложный, в котором

играет весьма важную роль элемент психический, половая любовь вообще, а в каждом частном случае – половое возбуждение и влечение, наконец, удовольствие от удовлетворения этих наклонностей. Все это, вместе взятое, для каждого индивидуума составит весьма значительное количество психических отправлений; часто эти отправления берут положительное преобладание над всеми остальными душевными процессами, затирают самые, кажется, непреклонные привычки, изменяют даже характер, т.е. соотношение различных наклонностей, привычек и инстинктов. Такое могущество психических отправлений, благоприятных генезису, конечно, приобретает недаром; организм на них тратит, без сомнения, весьма значительное количество силы и вещества, важность которых для генезиса не подлежит сомнению; ими обуславливаются удовольствия любви, а через это обеспечивается достаточное количество рождений; раннее развитие воображения в известную сторону, как известно, ускоряет наступление половой зрелости, и, конечно запаздывание зрелости может иногда иметь причину в полном целомудрии помыслов молодой особи. Итак, несомненно, что весьма значительный разряд психических процессов находится в прямой причинной связи с воспроизводительным процессом, обуславливая до известной степени его проявление и взаимно обуславливаясь последним в своем существовании; далее также несомненно, что организм должен тратить на эти нервные процессы весьма много из своих излишков. Ясно

поэтому, что уменьшение излишков должно неблагоприятно отразиться на этом разряде психических процессов; но источник, откуда черпает силы этот разряд, есть тот же самый, из которого черпают и все остальные умственные, эмоциональные и прочие душевные процессы. Если же так, то развитие психическое, состоящее в осложнении строения психического аппарата, в появлении новых процессов и совершеннейшем определении прежних, должно быть антагонично половому чувству; удовольствие, испытываемое при удовлетворении новых психических потребностей, уменьшает цену половой любви и напряженность стремления к ней. То же и едва ли еще не в большей мере должно сказать и о всяком нервном труде, потому что всякий систематический труд мышления, расчета, всякое напряжение психической энергии требуют от организма весьма значительных трат; но откуда производятся эти расходы, как не из общей казны силы, скомбинированной в психические элементы? Казна эта составляет для организма (я не говорю о последовательном ряде организмов) величину постоянную, хотя и подлежащую некоторому расширению в довольно тесных пределах; отчасти она может расширяться в ущерб другим отправлениям организма, и в этом направлении ее развитие несколько шире, хотя, конечно, тоже в пределах. Естественно поэтому, что нервный труд, расходуя эту казну психического, если будет позволено так выразиться, организма, оставляет меньше на расходы других процессов, но все психические способности

и отправления находятся в довольно тесной связи между собою, так что развитие одной обусловлено развитием другой. Поэтому вообще нервный труд не может много отнять от других психических способностей, не нанося вреда той способности, которая питает его самого. Изолированнее других стоит та группа эмоциональных отправлений, которая связана с половой деятельностью организма; естественно поэтому, что на ней преимущественно отражаются расходы общей психической казны на нервный труд. Что касается вышеуказанного захвата психическими процессами материала, обыкновенно потребляемого организмом физиологически в тесном смысле, то ясно, что прежде всего этот захват обращается на избытки, т. е. на капитал, предназначенный для физиологической стороны воспроизводительного процесса. Таким образом, антагонизм психического развития и умственного труда, с одной стороны, и генезиса, с другой – проявляется в борьбе против роли половых чувств, в ослаблении их интенсивности и в прямом потреблении материала физиологического генезиса. Герберт Спенсер, прекрасно формулировавший антагонизм роста, развития и активности генезису, обратил внимание только на последнюю сторону влияния развития и труда психического и, мне кажется, от этого его прекрасное исследование много потеряло в наглядной, так сказать, доказательности. В том виде, как поставлен вопрос Спенсером, исследование это доказывает, но не убеждает. У Прудона и отчасти у Фурье можно найти недосказанное

Спенсером. Освященные спенсеровскими доказательствами общего антагонизма между ростом, развитием, активностью и, с другой стороны, половой деятельностью идеи этих мыслителей о необходимом сокращении размножения под влиянием психических ограничений плодовитости получают новую цену и из мыслимых возможностей становятся реальными предсказаниями, воплощение которых зависит от условий, нам известных. Обратимся же теперь к идеям этих мыслителей и, прежде всего, к теории Герб. Спенсера, которая должна служить им подкладкою и основою.

Выше мне случалось уже два раза касаться этой теории, именно: в X главе по поводу общего антагонизма траты и генезиса и потом в той же главе при разборе естественного подбора в цивилизованном обществе. Тогда я довольно подробно изложил его воззрения на неизбежность умственного прогресса в цивилизованном обществе. Я тогда старался показать, во-первых, что, поскольку он зависит от борьбы за существование, он производится ею не косвенно, путем подбора, но прямо, чрез усиленное упражнение и благоприятное влияние условий, среди которых поставлена победившая особь; и во-вторых, что то же самое влияние упражнения и неупражнения при иных условиях может вести многочисленнейшие классы цивилизованных обществ к умственной деградации. Теперь же я должен прибавить, что условия, столь неблагоприятно видоизменяющие влияние прогресса цивилизации, суть условия социальные, а также, что

я не отрицаю прогресса ума и в этих классах, но приписываю его другим причинам. В настоящее время для нас важен самый факт умственного прогресса. На этом факте Герберт Спенсер строит свою теорию естественного понижения плодовитости. Развитие, прогресс цивилизации необходимо выразится прогрессом ума и нравственности, одним словом, увеличением деятельности нервной системы, а это ложится тяжело на организм. Антагонизм между нервной деятельностью и генезисом несомненен. Усиленное учение ведет к запаздыванию зрелости и даже бесплодию. Таким образом, прогресс человечества естественно будет регрессом плодовитости. Естественным пределом этого процесса должно быть установление равновесия между смертностью и плодовитостью. "Как бы то ни было, очевидно, что в конце концов теснота населения и зло, которым она сопровождается, исчезнут, и настанет порядок дел, когда от каждой особи не будет требоваться ничего, кроме нормальной и приятной деятельности. Прекращение ослабления плодовитости предполагает прекращение дальнейшего развития нервной системы, а это предполагает, что нервная система стала в уровень со всем, что от нее требуется, что ей ничего не предстоит делать сверх того, что естественно для нее. Но это упражнение способностей не больше естественного и составляет удовольствие. В конце концов, следовательно, для добывания пропитания и выполнения всех родительских и общественных обязанностей потребуются именно тот род и то количество

действия, которое необходимо для здоровья и счастья"⁹¹. Такова теория Спенсера; вся она есть не более, как простой силлогизм в самой обнаженной форме. Она слагается всего из двух посылок: *во-первых*, развитие и активность антагоничны генезису, особенно же развитие и активность психические; *во-вторых*, человеческий прогресс состоит в возрастании как развития, так и активности, преимущественно же психической стороны организма. Раз признаны обе посылки, заключение становится неизбежным. Однако мы уже имели случай видеть, что меньшая посылка силлогизма не так безусловно справедлива, как полагал Спенсер, из чего, впрочем, никак не следует, чтобы она и не могла быть справедливою. Необходимо, чтобы прогрессировало не только знание и искусство, не только ум и чувство интеллигентных классов населения, но ум и чувство всей массы населения. Всякое изменение условий жизни, вызывающее или хотя бы только облегчающее упражнение умственных способностей массы, есть уже значительный выигрыш для будущего.

Прудон значительно раньше Спенсера указал на естественный антагонизм труда и генезиса и от этого антагонизма ждал разрешения Мальтусовой проблемы. Несколько позднее Прудон дополнил свои воззрения указанием на развитие ума и нравственности как на деятель, который устранит излишнюю плодовитость чрез ослабление половой возбуждаемости. Еще раньше Прудона почти те же идеи (толь-

⁹¹ Герб. Спенсер. Осн. биолог., II, часть VI, § 375.

ко, по обыкновению, в малодоступной форме) высказывал и Фурье. Значительные размеры, которые и без того приняла эта глава, заставляют меня ограничиться этими немногими словами о Прудоне и Фурье.

К какому же результату пришли мы после нашего исследования? Возможно ли установление равновесия между потребностями и средствами? Возможно ли полное изгнание борьбы за существование из общества, и следовательно, и полное приспособление человечества к условиям обществу? Все заставляет полагать его возможным, потому что, с одной стороны, предел размножения может расширяться в уровень с самим размножением (которое вовсе не так быстро, как полагали) пока не достигнет предела, полагаемого потенциальными средствами земного шара, а с другой стороны, прогресс исторический есть по необходимости регресс плодovitости. Борьба за существование в настоящее время покровительствуется дезорганизацией труда и неблагоприятным распределением покупательной силы между потребностями, а ее будущность обеспечивается неравномерным распределением умственного упражнения между общественными классами. Изменение этих двух факторов обеспечило бы изгнание борьбы за существование как в настоящем, так и на все будущее, пока истощение планеты не вызвало бы ее вновь к деятельности, если только такое истощение признать неизбежным.

Общий обзор и заключение

Этот третий, теперь заканчиваемый этюд – один из самых важных в ряду мною задуманных очерков; поэтому нелишне будет сделать более обстоятельное resume и дать ему некоторое абстрактное освещение, дедуктивное истолкование. Напомним себе вкратце процесс естественного подбора. Физическая среда, в которой обитают живые существа, представляет только известное ограниченное количество материала, годного для переработки в живую материю, т. е. пищи; ограниченность средств существования полагает предел, дальше которого не может идти размножение жизни, но размножение не имеет предела в самом себе и поэтому постоянно производит большее число особей, чем среда может содержать. Отсюда необходимость гибели части живых существ, которые вступают между собою в борьбу за существование. Те, кто одержит победу в этой борьбе, оставят потомство, а если они, благодаря законам изменчивости, одержали победу вследствие каких-либо особенностей, которыми погибшие не обладали, то, благодаря наследственности, эти особенности размножатся. Таким образом, *борьба за существование*, являющаяся последствием перевеса размножения над количеством средств существования, *изменчивость*, производящая превосходства одних особей над другими, и *органическая наследственность* этих превосходств, дарующих по-

беду, – вот условия проявления естественного подбора. Два последних условия сливаются в одно, потому что при существовании второго из них первое тоже имеет место, так что вообще условия естественности подбора сводятся к присутствию только двух факторов, из которых один сложный. По возможности подробно и обстоятельно были рассмотрены мною оба фактора в их развитии в социальном прогрессе.

С самого возникновения общества должна была появиться наряду с индивидуальной борьбой за существование борьба за существование между обществами и наряду с естественным подбором подбор исторический. Фактор исторического, или социального, подбора: борьба за существование между обществами, предание и подражательность, различия между культурами обществ. Слагаясь из различных факторов, подбор исторический и естественный сделались антагонистами и в своем проявлении. Исторический подбор покровительствует обществам, более солидарным (где борьба за существование между индивидуумами не так резка), более многочисленным (где полнее уравновешены потребности и средства), более культурным (где большую роль приобрели орудия борьбы, органически ненаследственные); таким образом, исторический подбор повсюду угнетает естественный подбор и стремится изгнать его так же, как и условие его, борьбу за существование, из общественного прогресса.

Рассматривая далее независимо от влияния исторического подбора прогресс социальной жизни, мы нашли, что он

постепенно устраняет значение качеств органически наследственных как орудий борьбы за существование и заменяется богатством, властью, правом, привилегией, знанием и пр. Благодаря этому одному процессу, естественный подбор изгоняется из общества.

Одновременно с этим вытеснением естественного подбора чрез замену органических орудий борьбы орудиями социальными социальный прогресс атакует и самую борьбу за существование и притом с двух сторон: со стороны ее проявления и со стороны ее условий. Развитие нравственности, экономический и социально-политический прогресс производства и развитие факторов, антагоничных плодovitости, – вот различные стороны этого изгнания борьбы за существование. Нравственность заключается в соответствии с началами общественности, а потому борьба за существование как главный антагонист нравственности есть элемент антисоциальный. Следовательно, естественный подбор есть деятель, который, будучи двигателем органического прогресса, при иных условиях жизни в обществе является фактором регресса. Таково краткое resume всего этюда, и таков его вывод. Замечательно и важно для нас, что он именно тот, который мы могли бы вывести дедуктивно из положений первого этюда "Социальное строение и социальные деятели".

В самом деле, жизнь есть уравновешение внутренних и внешних отношений, "поддержание, – как говорит Герберт

Спенсер⁹², – соответствия между силами, действию которых подлежит, и теми, которые из себя производит агрегат". Процесс этого уравнивания составляет прогресс жизни. Мы видели, что уравнивание достигается двояким путем: приспособлением жизни к условиям среды – это органический прогресс, и приспособлением среды к потребностям жизни – прогресс социальный. Естественно, оба процесса должны проявляться в форме совершенно различной, даже противоположной; между главными факторами того и другого прогресса должен быть глубокий антагонизм. Главный, направляющий деятель органического прогресса – естественный подбор; им преимущественно осуществляется процесс приспособления жизни, он же должен был встретить наиболее сильный антагонизм при преобразовании жизненного коллективного процесса по типу социального прогресса. Это мы могли предвидеть на основании главных положений первого этюда; это действительно нашли мы при исследовании последовательной роли естественного подбора и его факторов в социальной жизни.

Процесс приспособления среды к потребностям жизни, этот отличительный признак социальной жизни, осуществляется, как мы знаем, чрез создание новой своей среды – культуры и цивилизации. Теперь мы можем прибавить, в чем заключается главное воздействие социальной среды на жизнь, ее создавшую; мы видели, что процесс приспособле-

⁹² Осн. биол., I, § 168.

ния жизни к социальной среде заключается в развитии нравственности. Важность этого положения для социологии не может быть оценена в этом месте, но я, вероятно, буду иметь повод вернуться к нему.

Глава XIV⁹³

Наследственность и изменчивость в историческом прогрессе

В предыдущих главах, содержащих в себе социологические этюды, помещенные мною в "*Знания*" 1872 – 73 гг., обследовано значение в историческом прогрессе сложных факторов органического прогресса, подбора естественного и полового, а из простых факторов – роль размножения и ограниченности средств (последний фактор является уже влиянием физической среды). По причинам, распространяться о которых здесь было бы излишне, тогда я не успел закончить задуманный мною ряд социологических этюдов о законах и процессах, знаменующих собою переход органического прогресса в прогресс исторический. Оставалось проанализировать два простых органических деятеля, *наследственность* и *изменчивость* (с особыми их проявлениями в процессах скрещивания и *болезненности*), и *прямое определенное влияние физической среды* (*косвенное*, более могущественное ее влияние чрез ограниченность средств разобрано в третьей главе III-го этюда, 12-я глава наст. издания). Но основная точка зрения на значение этих факторов органи-

⁹³ Эта глава, как и следующая, составляет приписку 1890 года. (Прим. 2-го изд.)

ческого прогресса в прогрессе историческом была уже установлена в первом этюде (глава III наст. изд.), и анализ самых могучих руководящих факторов органического прогресса в их влиянии на прогресс исторический был закончен мною с достаточною полнотою в напечатанной части работы. Это обстоятельство делает работу эту в сущности как бы завершенной, потому что основные принципы и главнейшие существенные выводы и истолкования уже даны в вышенапечатанных тринадцати главах этой книги, составляющих перепечатку этюдов 1872–1873 годов. Тем не менее некоторый пробел в изложении не может не ощущаться, и я счел полезным несколько дополнить настоящее издание этюдов беглым обзором содержания неоконченной части работы. Таким образом, на эту приписку спустя восемнадцать лет я прошу смотреть лишь как на конспект, предназначенный облегчить свод ранее проанализированных и вышеизложенных вопросов.

В главе III настоящего сочинения мы уже заметили: "Компетентность первого разряда органических деятелей (наследственности в том числе) в общественной жизни безусловна" и несколько далее: "Простые органические деятели (наследственность в том числе), конечно, сохраняют свое значение (и в историческом прогрессе), но не надо забывать, что это – деятели, сами собой не производящие прогресса". В самом деле, как позже показано, их сочетание между собою производит подбор половой, а сочетание их же с

влияниями физической среды порождает естественный подбор и прямое приспособление (определенное влияние среды); все же вместе эти три процесса и представляют двигателей и на-правителей органического прогресса. "Наследственность, – продолжали мы в цитованном рассуждении в главе III, – наследственность – деятель только консервативный; это, так сказать, отрицательный фактор прогресса". Наследственность лишь упрочивает то, что порождается другими деятелями и влияниями. В этом ее значение и в органическом, и в историческом прогрессе, но не она производит движение, не ею направляется развитие. И если с преобразованием органического прогресса в исторический прежние двигатели и руководители развития, бывшие деятели прогресса вытесняются новыми, то наследственность так же неизменно стремится сохранить и воспроизвести в ряде поколений новые влияния деятелей исторического прогресса, как раньше упрочивала и охраняла успехи прогресса органического. Если бы даже нисколько не изменились ни роль, ни сила, ни характер наследственности под влиянием прогресса исторического, то и тогда это не могло бы служить помехою и препятствием тому решительному повороту в развитии жизни, который знаменует торжество исторического прогресса над органическим. Эти положения достаточно ясно сформулированы и достаточно обстоятельно обоснованы в предыдущих главах, чтобы я мог выше выразиться: "Основные принципы и главнейшие существенные выводы и истолкования уже да-

ны в вышенапечатанных тринадцати главах этой книги". Хотя, таким образом, после этого и не является настоящим решением вопроса, не повлияет ли исторический прогресс на роль, силу и характер органической наследственности, тем не менее некоторое освещение этой стороны развития представляется и интересным, и небесполезным для более ясного представления о значении радикального переворота в прогрессе жизни, вступившей на путь исторического развития.

Наследственность в прогрессе органическом является, между прочим, главным и неперемным условием и элементом подбора естественного и подбора полового, но эти главные и руководящие деятели прогресса органического вытесняются из прогресса исторического, так что с этим вытеснением должна сократиться и роль наследственности. Вся та сторона ее значения, которая была связана с явлениями подбора, сама собою отпадает с прекращением или хотя бы ослаблением этих явлений. Мы видели также (гл. VIII и гл. X этой книги), что жизнь для достижения своих целей пользовалась прежде органически наследственными орудиями: *вооружением*, как рога, клыки, когти, клюв, жало и т. д.; *украшениями*, как рога, перья, хохолки, окраска покровов и т. д., *защитой от холода*, как шерсть, пух; *запасами пищи на зиму*, как отложения жира у животных, впадающих в спячку; *броней от врагов*, как панцири черепах и некоторых млекопитающих, как раковины улиток и т. д.; даже *органически наследственным ночным освещением*, как у свет-

ляков и некоторых других животных и пр., и пр. С вступлением жизни в период исторический эти органически наследственные орудия и преимущества заменяются культурными. Зачем жизни развивать у человека или одомашненных им животных клыки, рога, когти, клювы, когда все эти самые страшные и грозные органические вооружения являются жалкими и ничтожными перед пушками, ружьями и револьверами? Зачем жизни покрывать тело человека красными и синими перьями, волосами или мозолями (как у обезьян), когда разнообразие, красота, изящество нарядов далеко оставили за собою всякие возможные естественные украшения? Точно так же теплая одежда, теплое жилье, отопление лишили всякого значения обрастание на зиму шерстью и пухом; запасы и производство пищи уничтожили значение зимней спячки; электричество, газ, керосин заставили померкнуть ночной фонарь светляка. Жизнь, создав культуру, стала постепенно, с успехами этого нового элемента развития, отодвигать на второй план органически наследственные орудия и преимущества, понижая тем самым роль и значение органической наследственности в прогрессе.

Развитие культуры повело к понижению этой роли и этого значения и с другой стороны. До развития культуры одна наследственность представляла собою деятеля, упрочивающего успехи развития. Культура создала рядом с наследственностью нескольких других деятелей, имеющих то же значение. Передача материальной культуры (жилищ, орудий, на-

рядов, учреждений и т. д.) от поколения к поколению, т. е. *юридическое наследование* является первым таким соперником органической наследственности. Роль *воспитания* еще более значительна в этом направлении, так как прямо вторгается в сферу деятельности органической наследственности: обучение начинает легко заменять унаследование при рождении. Ту же роль играют *предание, традиции, пример* и разные другие способы, которыми развитая цивилизация пользуется для внушения особям, входящим в историческое общежитие, следовать в своей деятельности и жизни путям, проложенным другими особями. Между тем в эпоху органического прогресса одна лишь органическая наследственность могла упрочить эти успехи развития и передать их последующим поколениям. Культурные способы значительно ускоряют такое упрочение и такую передачу и вместе с тем ограничивают и поле деятельности органической наследственности. Вместо *единственной* силы, упрочивающей успехи развития, органическая наследственность становится *одной из нескольких* таких сил, притом отстающею в быстроте своего действия. Отметим еще, что в историческом подборе (гл. IX настоящего сочинения) органическая наследственность не играет никакой роли и заменяется вышеперечисленными культурными деятелями. Таким образом, успехи исторического подбора сопровождаются ослаблением значения и понижением роли органической наследственности в прогрессе. Это понижение и ослабление порождается, ста-

ло быть, следующими условиями: 1) вытеснением подбора естественного и подбора полового, в составе которых органическая наследственность играла важную и неотменимую роль; 2) развитием органически ненаследственных орудий и преимуществ; 3) развитием органически ненаследственных способов передачи от поколения в поколение успехов развития, и 4) историческим подбором, пользующимся органически ненаследственными орудиями борьбы и победы и органически ненаследственными способами упрочения и сохранения результатов развития.

Поле деятельности органической наследственности все ограничивается с успехами культуры, и значение ее для прогресса постепенно понижается, и притом совершенно независимо от того или иного решения вопроса, каково влияние исторического прогресса на *силу и характер* органической наследственности. Самый беглый взгляд, однако, на органическое развитие в условиях исторической жизни показывает, что и сила органической наследственности не может сохраниться незатронутой этими новыми условиями прогресса. Прежде всего вспомним (см. гл. V настоящего издания), что сама сила наследственности есть качество наследственное, передаваемое от поколения поколению при рождении. Чем же сила органической наследственности значительнее и безусловнее, тем скорее и полнее упрочиваются в жизни плоды естественного подбора, тем легче проявляется действие подбора полового, тем правильнее и, так сказать, напряжен-

нее все течение органического прогресса. Развитие и рост силы органической наследственности является, стало быть, одним из проявлений прогресса органического столько же, сколько и одним из важнейших его условий. Те разновидности, которые проявляют большую силу органической наследственности, скорее и прочнее достигают приспособления к условиям среды и, стало быть, будут покровительствоваться естественным подбором. Сила наследственности, таким образом, подбирается в борьбе за существование, развивается под повелительными условиями естественного подбора и охраняется этими условиями от ослабления и вырождения. Но естественный подбор вытесняется историческим прогрессом, а с этим великим фактом падает и сила, развивавшая силу наследственности и служившая ей щитом против игры изменчивости. Отныне, стало быть, дальнейшее усиление органической наследственности лишается стимула и должно прекратиться. Ослабление же становится возможным, лишь бы явились на смену естественного подбора новые влияния, действующие в новом, ином направлении. Сила наследственности поддерживается подбором чрез устранение потомства всех особей, не обладающих этою силою в известной степени; с падением подбора прекращается и это устранение. Потомство особей, обладающих меньшею силою органической наследственности, выживает наравне с потомством особей, отличающихся самою напряженною наследственностью. Это одно в ряде поколений должно понизить и

ослабить среднюю силу органической наследственности расы, перешедшей с путей прогресса органического под власть и руководство исторического прогресса. Так называемый закон экономии сил организма, с другой стороны, содействует тому же ослаблению силы органической наследственности, потому что с тех пор, как эта сила в прежней степени перестала быть настоятельной и необходимою для развития и сохранения расы, всякие затраты организма на поддержание ее на прежнем месте представляются уже вычетом и отнимают силы организма от других задач, более целесообразных и полезных при изменившихся условиях. Исторический подбор (сам, как мы видели, вовсе не нуждающийся в органической наследственности) окажет немедленно покровительство расам и племенам, успевшим ослабить силу органической наследственности в уровень новым изменившимся требованиям. Этим путем исторический подбор прямо покровительствует постепенному ослаблению органической наследственности; того же он достигает косвенно, покровительствуя расам и племенам экзогамическим и устраняя расы и племена эндогамические (см. гл. VII наст. сочин.). Известно, что сила органической наследственности у чистых рас гораздо значительнее, нежели у смешанных. Скрещивание рас ведет к значительному понижению силы органической наследственности и вызывает склонность к усиленной изменчивости (см. гл. V). Помимо того покровительства, которое исторический подбор в ранние стадии исторического прогресса оказывает

экзогамии, а чрез нее и скрещиванью рас, это последнее явление сопровождается собою повсюду исторический прогресс, сливая племена в многочисленные народы, перемешивая народы между собою, порождая явление метисации и выработку этнологически разнородных рас на всем протяжении исторического движения. А все это неизменно и неуклонно ослабляет и понижает силу органической наследственности. Быстрое развитие органически ненаследственных орудий и преимуществ облегчает этот процесс, еще более облегченный не менее быстрым развитием культурных, органически ненаследственных способов передачи плодов развития следующим поколениям. Это ослабление органической наследственности в историческом прогрессе, сравнительно с органическим, вполне соответствует относительно гораздо более быстрому ходу прогресса исторического. Чрезвычайной медленности органического прогресса, для которого и тысячелетия довольно мелкая единица времени, вполне соответствовало и необычайное развитие наследственности, этого фактора, консервативного по преимуществу. Для более быстрого движения, обнаружившегося с преобразованием органического прогресса в исторический, такая сила консерватизма стала бы даже тормозом, и ослабление органической наследственности явилось, стало быть, не только последствием, но отчасти и условием исторического прогресса.

Сравнение неустойчивости и необычайного разнообразия типов и характеров высших исторических рас с заме-

чательным однообразием и устойчивостью типа и характера рас отсталых является лучшим подтверждением теоретического вывода, сделанного нами на предыдущих страницах. Исчезновение инстинктов у человека и у домашних животных (вовлеченных волею человека в прогресс исторический) является другим, еще более ярким и доказательным подтверждением нашего заключения. *Инстинкты* по отношению к *уму* являются таким же специальным органически наследственным психическим образованием, как рога, клювы, когти, вообще специальные органически наследственные *вооружения* к физической *силе*, или специальные органически наследственные *украшения* к физической *красоте*, или специальные физически наследственные *зимние покровы* (шерсть, пух) к *теплокровности* (способности организма поддерживать известную относительно высокую температуру, необходимую для проявления активности с известной силой) и т. д. Ум, сила, красота, активность развиваются и в органическом, и в историческом прогрессе, но специальные органически наследственные качества, развиваемые на почве ума, силы, красоты, активности, заменяются в историческом прогрессе, как мы видели, орудиями, органическими ненаследственными, культурными. Судьба, постигшая специальные органически наследственные вооружения, украшения, зимние покровы и т. д., постигла в историческом развитии и инстинкты. Эти, так сказать, умственные клювы, эмоциональные перья, душевные покровы, эти инстинкты,

как мы их называем, упраздняются историческим прогрессом; они становятся более не нужны и заменяются культурой с ее гибким развитым умом, с ее воспитанием и обучением, с значением, которое она дает преданию, примеру и пр. Инстинкты, однако, подобно всем специальным образованиям (и даже в большей степени), поддерживаются в расе лишь очень значительной силой органической наследственности. Падение и исчезновение инстинктов под властью исторического прогресса, соответствуя новым требованиям и условиям жизни, является вместе с тем свидетельством ослабления органической наследственности. Это явление (пониженная сила наследственности) представляется, таким образом, порождением весьма многих деятелей исторического прогресса. Вытеснение естественного подбора, развитие исторического подбора, явления эндогамии и экзогамии, смешение и скрещивание рас, рост культуры, устраняющий специальные физически наследственные образования и создающий органически ненаследуемые способы передачи успехов развития, наконец, падение инстинктов, вместе с общею тенденцией исторического прогресса к ускорению движения – все это постепенно, но неуклонно ослабляет органическую наследственность исторических рас, все решительнее отрывая их от прошлого, все шире открывая ворота новому, что несет с собою поток всемирной истории. В этом, однако, заключается и зерно широкого развития и совершенствования исторических рас, и семена их регресса и вырождения. Ор-

ганизм, все менее прикрытый органической наследственностью от пертурбационного влияния среды, становится все пластичнее под властью этой среды, а органические препятствия культурным влияниям все уменьшаются и ослабляются. Культура же бывает всякая. Отсюда и благодетельность, и опасность того нового направления в органическом развитии, которое порождено условиями исторического прогресса.

Органическая наследственность всегда и навсегда сохраняет свою компетентность в исторической жизни, как и в доисторической, но ее роль и значение, во-первых, сила и степень, во-вторых, значительно ослабляются и понижаются, а поле деятельности сильно суживается. Вместе с ослаблением органической наследственности, однако, естественно должна усиливаться органическая изменчивость, другой элементарный органический деятель. К обзору его положения и роли в историческом прогрессе мы и перейдем теперь. Характеризуя в главе III этого сочинения значение органической изменчивости, мы сказали: "Изменчивость же сводится, в последнем счете, на столкновение наследственностей и на влияние среды". Поэтому-то и об ней, как и о наследственности, мы выразились, "что это деятели, сами собою не производящие прогресс". Более подробный анализ явления органической изменчивости в главе V может служить лучшим оправданием этих положений и вместе с тем дает решение и вопроса о роли органической изменчивости в исто-

рическом прогрессе. Косвенное влияние среды (через ограниченность средств) ослабляется, а затем и изгоняется историческим прогрессом, а прямое определенное влияние, хотя и сильно возрастает, но здесь среда культурная сменяет среду органическую. Этот последний вопрос мы разберем ниже, а теперь сказанного достаточно, чтобы признать, что органическая изменчивость еще менее, нежели органическая наследственность, может служить помехой и препятствием тому новому направлению развития, которое придает жизни прогресс исторический. И это заключение будет верно и правильно даже независимо от того, сохранит ли органическая изменчивость свою прежнюю роль и значение в прогрессе жизни. Несомненно, однако, что роль и значение ее не могут остаться прежними.

В главе V мы перечислили и описали разные виды изменчивости. Все они, в конце концов, могут быть сведены в две группы: явления изменчивости *определенной* и явления изменчивости *неопределенной*. Прямое определенное влияние среды, влияние упражнения и неупражнения, наконец, соотносительная изменчивость – такова группа явлений изменчивости *определенной*, где мы можем определить не только причину органических изменений вообще, но и причину каждого отдельного изменения в частности, причину его качественного и количественного состава. Изменчивость, порождаемая столкновением наследственностей родительских организмов, скрещиванием рас, реверсией, отли-

чается неопределенностью направления и невозможностью установить точное соотношение причин и следствий. Это неопределенная изменчивость и являлась главным нервом органического прогресса. Прямые определенные влияния среды, встречая препятствия в устойчивости типа, охраняемого высокоразвитою органическою наследственностью, могли порождать лишь относительно очень слабую определенную изменчивость, тогда как та же сила органической наследственности не мешала в такой степени изменчивости неопределенной, порождаемой столкновением наследственностей же. Главная доля изменчивости в условиях органического прогресса принадлежала игре неопределенной изменчивости. Уклонения, вызываемые именно этою игрою, подхватывались подбором, если составляли преимущество, и являлись непрременным условием деятельности и естественного и полового подбора. В этом их громадное значение в органическом прогрессе, но в этом и причины, что значение и роль неопределенной изменчивости понижается в историческом прогрессе, когда подбор вытесняется новыми деятелями и влияниями. Если хотите, игра неопределенной изменчивости усиливается в исторической жизни, благодаря ослаблению органической наследственности, но, не сортируемая более подбором, она лишается своего былого значения. Облегчая же реверсивную изменчивость, она этою стороною может даже сослужить роль тормоза развития, хотя едва ли значительного.

Понижение значения неопределенной изменчивости сопровождается таким же повышением роли изменчивости определенной, но эта изменчивость порождается условиями среды и сводится к вопросу о значении среды, несомненно приобретающей громадное прямое определенное влияние на ход прогресса. Вопрос лишь в том, какая это среда властвует над жизнью и ее развитием в этих новых условиях исторического бытия. Прежде, однако, нежели перейдем к обзору этого вопроса о прямом влиянии среды физической и исторической, укажем еще на некоторые частные вопросы, связанные с вопросом о роли и значении органической наследственности и органической изменчивости в историческом прогрессе.

Мы уже касались в разных местах настоящего сочинения вопроса о значении скрещиванья. Этот вопрос заслуживал бы специального исследования. История развития форм брака тесно связана с законами, управляющими скрещиванием. Экзогамические формы потому ли только восторжествовали, что, связанные с полигамией, даровали более быстрое размножение экзогамическим и полигамическим племенам, или же это торжество произведено также и понижением расы при строгой эндогамии, как то некоторые утверждают? Само значение кровосмешения нельзя считать достаточно выясненным, а с другой стороны, явление метисации заслуживает более внимательного исследования антропологии. Известно, напр., что если часто смешение рас оказывается, по-видимо-

му, благотворно, то иногда такое скрещивание дает потомство, весьма слабо организованное и малоспособное к продолжению рода. Исследование условий и последствий метисации можно почитать еще далеко недостаточным, и биология, и антропология в этом случае не приготовили вполне обработанного материала для обобщений и выводов социологии.

Равным образом нельзя признать достаточно подготовленным для социологических работ и материал, собранный биологами, антропологами и медиками о болезненности в связи с наследственностью и изменчивостью. Органическая наследственность весьма многих форм заболеваний, как чахотка, рак, некоторые душевные болезни и пр., по-видимому, установлена довольно твердо, но недостаточно выяснена связь наследственного развития этих явлений в организме с таким же развитием других явлений в том же организме. Соотносительная изменчивость, связанная с этими и другими (ненаследственными) болезнями, тоже недостаточно прослежена, так что самый важный, с точки зрения теории прогресса, вопрос о тех органических качествах, которые predispose организм к тому же самому заболеванию, должен почитаться еще недостаточно разработанным. А между тем только на этой почве еще возможно предположение о деятельности естественного подбора в культурном обществе. Если бы было доказано, что та или иная болезнь (а стало быть, и смертность) особенно поражает особей, обладающих

теми или иными органическими, стало быть, и органически наследственными качествами, а с другой стороны, что иные такие же органически наследственные качества служат препятствием развитию той или иной формы заболевания, то это вымирание предрасположенных к данной болезни и выживание огражденных своими органическими свойствами от данных заболеваний можно было бы подвести под закон естественного подбора в борьбе за существование. Микроб, которым ныне стремятся объяснить чуть ли не большинство серьезных болезней, оказался бы этим единственным, доселе непобедимым хранителем традиций органического прогресса и проводником явлений и процессов последнего в эпоху исторического прогресса... Только правда ли, что непобедимый? Устраняя со своей дороги зверей и гадов, легионы насекомых и, казалось, неодолимую могучую растительность, неужели исторический прогресс остановится в бессилии перед микробом? Этот тайный, неуловимый и незримый враг открыт на памяти живущих поколений, и, однако, в борьбе с ним достигнуты уже большие успехи. Против некоторых микробов средства уже найдены наукою, и нет никаких оснований думать, что остальные, более злые и более могущественные товарищи их совершенно недоступны и неуязвимы, а с каждым таким торжеством последние закоулки, где, *быть может*, еще укрываются факторы органического прогресса, очищаются от этих антагонистов исторического прогресса. Из этих беглых замечаний читатель легко усмотрит те

задачи, которые предстанут пред социологией, когда учение о наследственности болезней, бактериология и эпидемиология подготовят достаточно достоверный и обработанный материал для плодотворного сопоставления с прочими условиями и деятелями общественного развития как основания для обобщений и выводов.

Этими замечаниями мы и заканчиваем наш обзор роли и значения простых органических деятелей в историческом прогрессе. Размножение и плодовитость подробно проанализированы в предыдущей главе; наследственность и изменчивость мы обозрели в этой главе. Вывод из этого анализа всюду один и тот же. После разложения сложных органических деятелей, подбора естественного и подбора полового, и с возникновением новых исторических деятелей, общественной активности и общественной культуры, простые органические деятели становятся служебными деятелями исторического прогресса в той же мере, в какой раньше того играли ту же роль в прогрессе органическом. Плодовитость, антагоничная активности, должна сокращаться с ростом активности и в конце концов прийти к равновесию со смертностью; размножение, ограничиваемое активностью и правильно идущее к равновесию рождений и смертей, ныне, с другой стороны, уже вполне уравнивается ростом культуры. Рост активности и рост культуры вполне обеспечивают изгнание борьбы за существование из человеческого общества и уничтожают значение ограниченности средств. Если

этого, однако, мы не видим в действительности, то тому виною не невозможность и недостижимость такого состояния, а единственно неумение или нежелание самого человечества, невежество одних, злая воля других, бессилие третьих, раздор и вражда четвертых. Решительно упраздняя то значение, которое плодovitость и размножение имели в органическом прогрессе, историческое развитие отразилось таким же преобразованием и на роли других простых органических деятелей. Наследственность, и без того лишь упрочивающая плоды деятельности иных сил и влияний, теряет свое былое значение, благодаря культуре, ее во многом заменяющей, и ослабляет свою интенсивность, благодаря тому же развитию культуры и вследствие скрещиванья рас, сопровождающего исторический прогресс. Изменчивость, напротив того, по тем же причинам усиливается, но от этого ее значение не только не увеличивается, а даже уменьшается. С устранением подбора неопределенная изменчивость, имевшая некоторое самостоятельное место в прогрессе, это значение теряет. Определенная изменчивость развивается на ее место, но этот род изменчивости есть лишь воплощение прямого влияния среды, к которому мы и можем перейти теперь.

Глава XV⁹⁴

Роль физической среды в истории

Между деятелями органического прогресса, направляющими развитие жизни в период дообщественный, докультурный и доисторический, мы различаем деятелей простых (для биологии), каковы ограниченность средств, плодовитость, наследственность и изменчивость, и деятелей сложных. Первые не являются самостоятельными причинами и двигателями прогресса ни в период органического развития, ни в сменяющую его эпоху развития исторического. Сочетание их всех между собой производит, однако, подбор естественный, самый могучий фактор органического прогресса. Анализ этого деятеля убеждает, что историческое развитие разлагает сочетание простых деятелей, производящее этот подбор, который и устраняется из прогресса. Сочетание трех простых деятелей (плодовитости, наследственности и изменчивости) с половым инстинктом и неравночисленностью полов порождает другой сложный деятель органического прогресса, подбор половой. Внимательный анализ его роли об-

⁹⁴ Издавая свои "Социологические этюды" отдельную книгою, автор нашел необходимым дополнить ее несколькими главами с целью обозреть со всех сторон отношения между органическим и историческим прогрессом. Одна из этих новых глав предлагается вниманию читателей на нижеследующих страницах.

наруживает, что историческое развитие склонно разлагать и это сочетание и ведет к устранению и этого деятеля органического прогресса. Наконец, сочетание двух из вышепоименованных простых деятелей (наследственности и изменчивости) с прямыми непосредственными воздействиями среды является причиной возникновения и деятельности третьего сложного фактора органического прогресса, обыкновенно именуемого, по примеру Дарвина, *определенным влиянием условий*. Герберт Спенсер называет его *прямым уравновешением* в отличие от *уравновешения косвенного*, как он называет подбор. Роль в историческом прогрессе этого последнего из трех факторов органического прогресса и подлежит ныне нашему обозрению. Роль прямого приспособления в органическом прогрессе сравнительно второстепенная, благодаря господству подбора и благодаря высокоразвитой органической наследственности, сопротивляющейся влиянию внешних условий. Мы уже знаем, что исторический прогресс, изгоняя подбор, ослабляя органическую наследственность и развивая определенную органическую изменчивость, всеми этими своими успехами и результатами открывает гораздо более широкое поле для деятельности прямого определенного влияния физической среды, а создавая наряду с нею специальную общественную среду, или культуру, отнимает это поле в пользу новой, постоянно развиваемой и умножаемой среды. Мы вправе ожидать поэтому, что вначале определенное влияние физической среды получает в историче-

ском прогрессе значение даже большее, нежели в органическом, но затем, с прогрессом культуры, это значение должно понижаться и падать. Это мы и видим в истории.

Исторический прогресс, как мы уже знаем, складывается из двух основных течений: развития активности и развития культуры. Только гармоническое, согласное и взаимно уравновешенное развитие и активности, и культуры обеспечивает неуклонное и неослабное течение исторического прогресса, представляя нормальное типичное историческое движение. Поэтому и влияние физической среды может сказаться в двух направлениях: чрез воздействие на активность и чрез воздействие на культуру, которая, будучи плодом переработки активностью продуктов и условий физической среды, не может с этой стороны не зависеть от физической среды, предлагающей труду человека тот или иной материал для переработки. Таким образом, строение и характер физической среды сказывается прежде всего (и нагляднее всего) в тех облегчениях или затруднениях, которые встречает развитие культуры в природных условиях территории. Плодородие или скудость почвы; обилие или недостаток пищи; присутствие или отсутствие грозной и труднопобедимой фауны и флоры; крайности зноя и холода, влажности и сухости; фатальные стихийные явления, как ураганы, наводнения, грозы, землетрясения, извержения и т. д., и т. д. – таков длинный ряд условий физической среды, облегчающих или затрудняющих возникновение и рост культуры, возник-

новение и рост тех или иных ее сторон и тем определяющих до некоторой степени ее направление и характер. Влияние это сказывается: 1) вследствие предложения *разного* материала для переработки его культурою активного общежития, и 2) вследствие сосредоточения активности (работы человека) на *тех или иных* предметах и чрез возникающие отсюда *различия* в самых способностях, склонностях и настроенностях разных рас, избравших поприщем своей истории разные территории. К этому надо прибавить еще: 3) чрез прямое физиологическое влияние физической среды на организм племен, поселившихся среди разных условий. Нетрудно сообразить, что первый род влияния зависит, главным образом, от почвы и связанных с нею *пищи, флоры и фауны*, в меньшей мере от климата, тогда как третий способ влияния преимущественно исходит из *климата*. Второй способ сложнее и одинаково обязан почвенным, климатическим и иным факторам. Такая группировка влияний дала возможность *Боклю* разделить первобытные цивилизации на почвенные и климатические, т. е. на те, которые своим возникновением обязаны легкости культуры, не требующей напряженной активности, и на другие, которые возникли из условий, развивавших напряженную активность, способную преодолеть более значительные препятствия. Различение это в основании своем совершенно правильно, хотя приурочение его к почве и климату несколько грубовато. Остановимся, однако, вкратце на тех любопытных влияниях, которые в эти первобытные

времена человеческой истории оказывает физическая среда на характер культуры и на развитие активности, а чрез это и на направление, принимаемое историческим развитием.

"Основания социологии" Герберта Спенсера посвящают одну главу влиянию физической среды на общественное развитие⁹⁵. Вообще говоря, это лишь очень краткое и беглое обозрение предмета, большею частью повторяющее идеи Бокля, Риттера и других авторов и носящее характер скорее конспекта, нежели анализа. Среди этих беглых замечаний можно указать, однако, на одно, и очень оригинальное, и очень ценное, именно: на значение влажности климата для жизнедеятельности, а отсюда и для развития энергии и активности в расах, испытывающих влияние климатов разной влажности. Дело в том, что если присутствие влажности в физической среде является непрременным условием развития жизни, так как организмы, постоянно выделяя влагу, должны постоянно и поглощать ее, заимствуя из среды, то с другой стороны столь же непрременным и важным условием жизнедеятельности является и способность среды поглощать влагу, выделяемую организмом. "Кожное и легочное испарение, – указывает Спенсер (§ 16), – необходимы для поддержания движения жидкостей через ткани и [...] вследствие такой своей роли влияют на быстроту молекулярных процессов". Другими словами, испарение влаги кожей и легкими является одним из очень важных процессов обмена ве-

⁹⁵ См.: Том I, гл. II, §§ 14–21.

щества и энергии организмом, одною из существенных сторон основного отправления жизни, обуславливающего все остальные отправления и определяющего своею интенсивностью интенсивность жизнедеятельности. Поэтому-то, как замечает там же Спенсер, "различные отправления нашего тела облегчаются такими атмосферическими условиями, которые вызывают довольно быстрое испарение из кожи и из легких". Таким образом, от степени насыщения атмосферы парами и вытекающей отсюда способности воздуха поглощать влагу, выделяемую легкими и кожею, зависит и степень нашей жизнедеятельности. Относительно сухой климат, таким образом, благоприятствует жизнедеятельности и в ряде поколений должен произвести расу, более энергическую, более богатую активностью. Спенсер указывает, что расы монгольская, арийская и семитическая, которые покорили все остальные расы, воспитались в полосе, на географической карте обозначаемой поясом почти полного бездождия. Самые ранние цивилизации тоже возникали там, где обильное орошение почвы (необходимое для культуры) совпадало с сухостью климата (необходимую для активности). Таковы Египет, Палестина, Счастливая Аравия, Месопотамия, Иран, Верхний Китай (где началась китайская историческая жизнь). Сухостью же климата (хотя без обильного почвенного орошения) отличаются и Сирия (Арамея), Финикия, Греция, Сицилия. В Америке именно высокие плато Мексики и Перу, бывшие театром развития оригинальной американ-

ской цивилизации, отличаются вместе с тем сухостью климата. Спенсер далее пробует установить физиологическую связь между влажностью климата и яркостью пигментации кожи и старается указанием на покорение цветных племен светлокожими найти новое косвенное доказательство развития активности у рас, воспитанных сухим климатом. Но связь между пигментацией кожи и влажностью климата установлена у Спенсера недостаточно доказательно, и едва ли не следует предпочесть мнение, связывающее цвет кожи преимущественно с половым подбором. Гораздо важнее другое указание Спенсера, именно: на значение температуры воздуха для легкости респирации. Дело в том, что если воздух, даже вполне насыщенный влагою, обладает температурою, значительно более низкою, чем температура тела, то при соприкосновении с поверхностью тела и особенно при вдыхании он, быстро нагреваясь, получает способность к новому значительному поглощению влаги (гигроскопичность воздуха быстро повышается с повышением его температуры). Таким образом, умеренно холодный климат даже при влажности может представить условие, благоприятное для развития активности. Но соединение высокой температуры с влажностью действует угнетающим образом на организм, понижает жизнедеятельность и, при отсутствии противуборствующих влияний в ряде поколений создает расу малоактивную и инертную. Центральная Африка и Бразилия представляются лучшими примерами таких стран, которые если и приоб-

щаются постепенно к всемирной истории, то при содействии рас, воспитанных в иных условиях.

Спенсер обратил внимание на сочетание температуры и влажности в климате, но мне кажется, что различное сочетание и других климатических элементов могло бы быть прослежено с той же точки зрения и должно бы привести к выводам, не менее важным и ценным. Остановимся, например, на явлении атмосферного давления. Не говоря о том, что самая влажность обусловлена в значительной степени атмосферным давлением; оставляя в стороне и значение атмосферного давления на силу и направление ветров (фактор для *культуры* первостепенной важности); игнорируя связь атмосферного давления с насыщением воздуха электричеством, с суточным ходом температуры и т. д., довольно указать на прямое физиологическое действие атмосферного давления, чтобы признать за этим климатическим элементом первостепенное значение в первобытной истории человека. Если мы, с одной стороны, вспомним те страдания, болезненные явления и упадок сил, которые испытывают люди при восхождении на высокие горные вершины и при подъеме на аэростате и которые вызываются ослаблением атмосферного давления, а с другой стороны, не забудем, что новейшая медицина создала даже целый особый метод лечения в камерах с повышенным атмосферным давлением, то, конечно, должны будем признать, что повышение атмосферного давления благоприятствует жизнедеятельности, а понижение ведет к

ее ослаблению. Да это и естественно, потому что при более высоком атмосферном давлении каждое дыхание вводит в легкие соответственно большее количество кислорода, соответственно усиливая, облегчая и ускоряя процесс окисления крови, вызывая более деятельное кровообращение, более напряженный, стало быть, обмен вещества и энергии. И в самом деле, прародина рас арийской, туранской, монгольской и семитической отличается не только относительно большею сухостью климата, но и относительно высоким атмосферным давлением. То же должно сказать и относительно большинства стран, послуживших поприщем развития самых ранних, оригинально возникших цивилизаций, как Верхний Китай, Иран, Египет, Греция, Мексика и т. д. Весьма вероятно, что именно за атмосферным давлением придется признать главное первенствующее значение в деле прямого физиологического влияния физической среды на историческое развитие, особенно если помнить, что явления насыщенности атмосферы влагою и электричеством находятся в тесной и прямой связи с явлением атмосферного давления. Быть может, следовало бы еще остановиться на электризации атмосферы и связанных с нею явлениях земного магнетизма. Громадное влияние электричества на развитие жизни, и непосредственное, и чрез озонирование атмосферного кислорода, уже твердо установлено; но законы электрического насыщения атмосферы и особенно его географическое распределение еще недостаточно раскрыты и разработаны для со-

циологических обобщений и выводов. Поэтому, ограничиваясь этим указанием, мы обратимся теперь к взгляду на роль и значение температуры. С наибольшим вниманием остановился на этом климатическом элементе Бокль, за которым мы и последуем в нашем обзоре.

Бокль основывает свой анализ на том факте, что работа теплокровного организма включает в себе, между прочим, трату на поддержание относительно высокой температуры тела. Где холоднее климат, где, стало быть, эта трата значительнее, где дороже стоит поддержание жизни, тем большее количество энергии должно быть затрачено организмом, а следовательно, тем большее ее количество должно быть и вырабатываемо организмом. Словом, холодный климат требует от расы выработки более высокой активности. Это, конечно, не прямое *физиологическое* действие среды, а чрез упражнение, с одной стороны, чрез подбор – с другой. Запрос высшей активности низкой температурой – это одна сторона влияния; другая заключается в том, что понижение температуры среды требует изменения не только количества пищи (больше траты – больше питания), но и ее качества. В этой части своего анализа Бокль опирается на известную теорию Либиха о роли азотистой и безазотистой пищи. Английский историк писал свой трактат более тридцати лет тому назад, а с тех пор безусловная категоричность химико-физиологической теории немецкого химика поколеблена с многих сторон. Тем не менее остается несомненным,

что животная пища лучше отвечает задаче поддержания высокой температуры, нежели пища растительная, а это все, что нужно для того, чтобы выводы Бокля в общих чертах сохранили свое значение. Животная пища, более приспособленная к холодному климату, добывается с большим трудом, нежели растительная пища жаркого климата. Отсюда новый запрос на энергию в странах более холодных, новый стимул к ее упражнению (а следовательно, и накоплению), новое основание для проявления подбора (в первобытные времена, покуда общественные условия не разложили его). Словом, разными путями климат более холодный содействует росту активности, а более жаркий не представляет таких стимулов. Конечно, излишнее понижение температуры, отнимая у организма слишком много силы на поддержание теплоты, оставляет слишком мало на другие процессы, задерживая развитие и совершенствование расы. Это непосредственное физиологическое влияние холода; непосредственное же физиологическое влияние зноя (т. е. температуры атмосферы, близкой температуре организма) выражается, как мы видели, затруднением респирации. Вообще же не следует забывать, что повышение температуры, не переходящее указанных пределов (или и переходящее, но на относительно короткие сроки года и суток), уменьшая трату организма на поддержание температуры тела, облегчает жизнедеятельность.

Этими беглыми замечаниями мы и ограничим наше обо-

зрение значения климата для развития активности. Сказанного вполне достаточно, чтобы составить себе понятие о той громадной роли, которую играет климат в истории первобытного человечества, воспитываемого именно климатом для исторической деятельности. Пора нам взглянуть теперь на те изменения в роли и значении климата, которые производятся этою самою историческою деятельностью, климатом же возбужденною и первоначально обусловленною. Мы уже выше видели, что всемирную историю творили и доселе творят расы, вышедшие из территорий, отличающихся высоким атмосферным давлением и относительною сухостью воздуха – словом, отличительными особенностями, характеризующими те климаты, которые мы называем континентальными. Эти расы покорили, истребили и вытеснили племена, заселявшие территории, более влажные, отличающиеся приморским климатом. Воспользовавшись новыми условиями, *хотя и менее благоприятными для развития активности, но более благоприятными для роста культуры*, континентальные пришельцы, опираясь на запас энергии, вынесенной из своей прародины, начали всемирную историю и постепенно своею историческою работою преобразовали течение прогресса. Но почему они не выродились в новых условиях, не потеряли постепенно активность, вынесенную из своей континентальной родины? Прежде всего, не надо забывать, что история записала не одно такое вырождение, и если главными причинами этих вырождений были иные, боль-

шей частью культурные, а не физические деятели, то нельзя отказать климатическому влиянию в значении фактора содействующего. Культура еще не успевала изменить условия жизни, и *естественные* климатические влияния творили свое дело, постепенно понижая активность расы или хотя бы только противуборствуя иным культурным возбуждениям активности. Появление таких культурных возбуждений активности наряду с физическими и представляется первым звеном в цепи причин, ослабляющих указанные выше климатические влияния. Напомним читателям заключительные страницы главы XIII этой книги, на которых излагается мнение Спенсера о постепенном понижении плодovitости под влиянием постепенного роста активности. Этот рост, опирающийся на закон упражнения, вызываемого новыми общественно-культурными условиями жизни, исходит исключительно из требований и влияний культуры, среды общественной, а не физической. Благодаря именно этим культурным возбудителям активности, обитатель низменной сырой Англии с приморским климатом развивает активность, превосходящую активность монгола или араба, родина которых отличается климатом, гораздо более благоприятным для развития активности. Таким образом, даже если бы культура не вносила никаких преобразований в климатические особенности цивилизуемой территории, то и тогда значение климата как возбудителя активности свелось бы к второстепенной роли фактора, то содействующего, то противудействующе-

го, то усиливающего, то ослабляющего влияния культурных возбудителей и культурных угнетателей активности (потому что не надо забывать, что среди культурных условий, как и среди климатических, есть угнетатели активности, факторы вырождения и деградации). Однако культура не оставляет без изменения и сам климат. Она осушает болота, расчищает леса, распахивает и выкашивает степи и луга, повсюду ослабляя то изобилие влаги, которым обуславливается вредное действие климата на активность населения. Стоит сравнить первобытное состояние Европы, сплошь покрытой лесами и болотами, с атмосферой, насыщенной и пресыщенной парами, с более теплою зимою и более холодным летом, с низким атмосферным давлением, туманами и т. д., стоит сравнить это состояние с современным, чтобы увидеть, как сильно преобразован климат нашего материка, насколько стал он континентальнее, стало быть, благоприятнее для развития активности. Можно было бы написать целые тома на эту тему, и этот процесс, несомненно, не есть процесс порчи страны, как думают сентиментальные вздыхатели по первобытным лесам и озерам, но, напротив, является приспособлением страны к обиталищу высокоактивной расы. Если довольно часто это несомненно благотворное осушение атмосферы сопровождается слишком большим осушением почвы, отражающимся неблагоприятно на культуре, то не надо забывать, что эти регрессивные побеги вообще прогрессивного процесса не связаны с ним неразрывно, и, конечно, челове-

ство сумеет найти равновесие между этими двумя последствиями своего воздействия на климат. Это преобразование климата культурой и появление культурных возбудителей и угнетателей активности, вместе взятые, оставляют прежнему главному возбудителю и угнетателю активности роль, далеко не соответствующую былому значению. Совершенствование и вырождение исторических рас в смысле развития или понижения активности, этого первого неперемennого условия исторической жизни, отныне уже зависит не от естественных условий климата, а от состояния и характера культуры, этого второго неперемennого условия исторической жизни. Посмотрим же теперь на те влияния, которые оказывала и оказывает физическая среда на культуру.

Влияние физической среды на культуру гораздо многостороннее. Можно сказать даже, что оно бесконечно разнообразно и может быть удовлетворительно исчерпано лишь для каждой отдельной территории в частности. Очень многочисленны и те влияния, которые поддаются обобщению. Мы остановимся лишь на важнейших. Бокль обобщает *климат* и *почву* в одну группу явлений, относя в другую общий вид природы. Риттер обследовал третью группу влияний, связанных преимущественно со строением территории (горизонтальное и вертикальное развитие, орография и гидрография, соседство, естественные сообщения и пр.). По этим трем группам и мы бегло рассмотрим влияние физической среды на культуру.

Горизонтальное развитие страны, на которое впервые серьезное внимание обратил Карл Риттер, заключается в отношении между площадью территории и протяжением ее морского берега. Горизонтальным развитием обладают, таким образом, лишь страны, прибрежные морям, и обладают им в размере, тем большем, чем извилистее их берега, чем богаче они полуостровами, заливами, бухтами, островами и т. д. Горизонтальное развитие, однако, определяет собою доступность территории с моря. В первобытные времена степи, леса, горы более разделяли, нежели соединяли племена и народы; соединяли их только моря. Таким образом, континентальное положение территории, служащей поприщем для возникновения и развития цивилизации, благоприятствует выработке замкнутой, изолированной культуры. С другой стороны, горизонтальное развитие страны покровительствует сближению исторических народов и благоприятствует взаимному влиянию и солидарному развитию их культур. Полное взаимное отчуждение континентальных культур Египта, Месопотамии, Ирана, Индии, Китая и постепенное объединение средиземных культур (пунийской, эллинской и латинской) со всеми громадными результатами этого факта могут служить лучшей иллюстрацией указанной роли горизонтального развития. В этом обобщаются, как в фокусе, все многообразные и многосторонние влияния горизонтального развития. И все они в последнем счете сводятся к тому факту, что море служит удобным сооб-

щением, а суша в первобытное, докультурное или малокультурное время представляется скорее препятствием общения. Если мы затем обратим внимание на состояние путей сообщения в эпоху высокой культуры, то легко заметим, что указанное основное различие суши и моря теряет былое категорическое и великое значение. Ныне континентальные пути сообщения так же служат сближению и общению стран, как и морские. Сами пустыни постепенно теряют свое значение факторов разобщения и изолированности. Горизонтальное развитие страны, сохраняя большое, так сказать, факультативное значение, уже вполне потеряло свою былую роль основного двигателя и направителя культурного развития.

Велико значение в первобытные времена и вертикального развития территории, т. е. рельефа страны. Прежде всего, именно вертикальным развитием материка разделяются на отдельные территории, которые могут служить районами разных культур. Пустыни, горы, болота и первобытные леса служат разделителями и разобщителями территорий. Реки, направление и самое питание которых зависит от рельефа страны, представляются соединителями. Бассейны рек, отделенные друг от друга горами, пустынями или лесами, и послужили отдельными историческими районами. На Ниле возникла и развилась египетская цивилизация, на Иордане – еврейская, на Тигре и Евфрате – вавилоно-ассирийская, на Оксе и Яксарте – иранская, на Ганге – индусская, на Гоанго и Янцеканге – китайская. И чем обширнее был бассейн ре-

ки, тем шире и выше развивалась цивилизация, тем большее приобретала она значение.

У Риттера встречаем интересные указания на ту роль, которую имел даже характер речной системы. Например, Тигр и Евфрат в своих верховьях и средних течениях достаточно изолированы для зарождения совершенно самобытных цивилизаций, но ниже обе реки сближаются и сливаются, сообразно чему и в истории видим мы сближение и слияние цивилизаций, ассирийской (на Тигре) и вавилонской (на Евфрате). Такое возникновение цивилизаций не в одном центре с будущим объединением дарует историческому развитию более широкое основание и более многостороннюю жизнь. Пример еще более яркий представляет Китай, где южнокитайская цивилизация (возникшая на Янцзекианге) постепенно объединялась и сливалась с северокитайской (развившейся на Гоанго). Великие китайские реки, разъединенные и удаленные в верхнем и среднем течении, сближаются в нижнем, хотя и не сливаются, подобно Тигру и Евфрату. Все эти столь важные различия в распределении и направлении речных систем зависят, однако, от вертикального развития, и указанное громадное историческое значение этих различий, как и прямое непосредственное значение горных кряжей, их величины и направления, заключается в том, что одни сближают, а другие разобщают центры исторической жизни, зарождающейся на различных точках материка. Мы уже видели, как развитие культуры уничтожает есте-

ственные преграды и сближает цивилизации и культуры. Таким образом, и вертикальное развитие территории (вместе с зависимою от него гидрографией) теряет былое решающее значение в истории, сохраняя, конечно, все свое факультативное значение и роль.

Если строение территории (горизонтальное и вертикальное развитие со всеми последствиями) главным образом влияет на историю чрез облегчение или затруднение общения между историческими народами и культурами, уже возникшими на разных пунктах материка, то облегчение или затруднение самого возникновения этих культур зависит от другой группы физических деятелей, объединенных выше под именем "почвы и климата". Плодородие почвы, удобство и обилие орошения, обилие тепла и света – таковы условия, облегчающие возникновение культуры. Этими условиями отличаются Египет, Индия, Месопотамия, Китай, Мексика, Перу. Здесь и возникли самобытные древнейшие цивилизации. Легкость культуры является тому основною причиною. Эта легкость культуры дальше служит, по мнению Бокля, фактором, содействующим деградации и упадку. Его аргументация, однако, легко поддается критике, потому что она в своем рассуждении исходит из политико-экономических формул, неприменимых к странам некапиталистическим.

Бокль рассуждает так: обилие пищи и легкость ее добычания ведет к быстрому размножению рабочих классов; это

быстрое размножение производит переполнение рынка рабочими, отсюда – понижение рабочей платы, нищенство и кабала большинства; экономическое порабощение порождает и политическое со всеми его последствиями: упадком и вырождением. В этом рассуждении две крупные логические ошибки: 1) переполнение рабочего рынка может произойти лишь тогда, когда существует этот рынок, явление, возникающее лишь при капиталистическом строе и свободной конкуренции. В первобытные времена, когда не возникло еще крупного производства и не выделился капитал в особое общественное явление, действуют иные экономические законы, определяющие заработок трудящихся классов; 2) быстрота размножения, с другой стороны, может служить причиной нищеты и скудости лишь в случае, если эта быстрота обгоняет производство пищи, но именно обилие и даже изобилие пищи и является исходною точкою всего рассуждения. Аргументация Бокля, таким образом, не выдерживает критики, но в самой идее Бокля есть своя доля истины. Легкость культуры позволяет развитию культуры, так сказать, опередить рост активности, в которой одной, однако, заключается гарантия против разных уродливостей культуры, неизбежно возникающих из международной и межкультурной борьбы. Активность срезывает эти уродливости и исправляет течение культурного прогресса. Недостаток активности, отставшей в своем развитии от культуры, представляется, таким образом, явлением опасным, не однажды

уже приведшим к падению и вырождению. "Очень благоприятные условия почвы и климата" могут, таким образом, служить и на благо, и на зло. Недостаточно развитая активность первобытных времен ведет к тому, что она служит сначала на благо, затем на зло и вызывает тот исторический циклизм, который уже давно замечен философами и историками. Высоко развитая активность, обеспеченная и развитая уже не физическими, а общественными ее возбудителями, обращает ныне эти "очень благоприятные условия почвы и климата" только на благо. Условия почвы и климата сохраняют, таким образом, лишь факультативное значение и лишаются былой власти над ходом и исходом исторического движения.

Третью группу физических деятелей составляет *общий вид природы*. Прекрасные страницы, посвященные этому вопросу Боклем, вполне удовлетворительно исчерпывают вопрос, но там же сам Бокль указывает, что его рассуждение относится преимущественно к первобытным временам. В самом деле, если несомненно очень высоко значение деятеля, под влиянием которого слагаются мифические воззрения народов, то столь же несомненно, что с падением мифического мирозерцания падает и значение деятеля, его обуславливавшего. Всемирные космополитические религии, сменяющие собою национальные мифологии, а затем и единая, для всех одинаковая наука сводят значение общего вида природы к роли, хотя и довольно заметной (через национальную поэзию, искусство, творческое воображение, поэтиче-

скую настроенность и пр.), но также факультативной, не господствующей более над всею духовною культурою народа.

Таким образом, физическая среда, которая сначала, с вытеснением подбора, приобрела такое громадное определенное прямое влияние на историческое развитие, затем постепенно уступает это значение культуре, и процесс истории все более и более сводится к взаимодействию культуры и активности, которая заключается *в деятельности* личностей и выражается *в развитии* личности. История человечества, взятая от возникновения первых семейных и племенных союзов и до самых совершенных цивилизованных форм, сама собою распадается на три явственно различные периода: 1) период, когда направляющими факторами развития являлись подбор естественный и подбор половой, а прямое определенное влияние среды имело значение второстепенное и служебное; 2) период, когда с разложением и вытеснением сложных деятелей органического прогресса и с ослаблением органической наследственности первенствующее значение приобрело определенное влияние среды, но, благодаря недостаточному развитию культуры, главная роль в этом влиянии выпала на долю среды физической, климата, почвы, строения территории, общего вида природы; и наконец, 3) эпоха, в которую развитие культуры достигает такого могущества, что частью совершенно вытесняет, частью ограничивает значение физической среды, и человечество более, чем когда-либо, становится господином своей судьбы и своей истории. Дикость,

варварство и цивилизация могут служить удобными терминами для обозначения этих эпох.

Приложение

Субъективный метод в социологии

Глава I

Неповторяемость исторических явлений и относительность знания

Джон Стюарт Милль заключил капитальнейший из своих трудов предсказанием, что наука об обществе будет создана работою ближайших будущих поколений. Не знаю, исполнится ли завещание, оставленное нашему времени одним из величайших умов XIX в., сложится ли, наконец, социология как единая, обособленная наука, но я уверен в том, что именно нашему времени, нашему и ближайшим будущим поколениям предстоит либо создать эту науку, либо навсегда отказаться от мысли уловить *общие законы* социальной жизни в ее целом и ограничиться установлением частных законов, определением отношений отдельных областей, элементов общественной среды. Давно уже мыслящие люди стали обращать внимание на природу общественных явлений, но до конца прошлого столетия приступали к этому крайне ненаучно: обыкновенно предпосылали своим фило-

софским построениям несколько общих положений, почитавшихся либо откровенными, либо прирожденными нравственными постулатами человеческой природы, и на этих тезисах строили они свои теории. Необходимость положить в основу общественных теорий научное исследование стала сознаваться в половине XVIII ст., когда появились труды Локка, Монтескье, Петти, Руссо, Кондорсе и др.; это сознание еще яснее выразилось в исследованиях физиократов и, наконец, нашло своих истолкователей в конце XVIII века и начале XIX в. в лице Ад. Смита, Иеремии Бентама, Шарля Фурье и Сен-Симона. Эти мыслители восстали против ненаучности приемов тогдашних общественных наук и сделали попытки применить научные приемы, как каждый их понимал. Все четверо прибегли к различным приемам и создали в общественном сознании различные методологические предания.

Настоятельность и неотложность практических общественных вопросов, их громадное значение как для настоящего, так и для всего будущего народов заставляли мыслителей слишком поспешно переходить от чисто теоретических исследований к приложению тезисов, наскоро добытых при помощи наскоро продуманных приемов. Естественно, эти тезисы и приложения скоро отвергались, заменялись новыми, терпевшими ту же участь, и часто терялась наука вместе с заблуждениями и та доля истины, которая заключалась во многих из этих теорий и которая, по всей вероятности, всего чаще и была первоначальной причиной присо-

чинения самих теорий. Чем настоятельнее была практическая потребность, тем большее число умов обращалось к исследованию общества; со всех сторон подходили мыслители к этому не уступающему перед критикою науки феномену, к этому сфинксу, предлагающему каждому свою неразрешимую загадку и низвергающему в бездну забвения неудачных разгадчиков. Разнообразные и многочисленные разгадки приносили мыслители; из них одна не походила на другую, и мыслители не могли согласиться даже, как и откуда следует подходить к этому полному видимых противоречий и грозному своею тайною явлению, тайною, которая, однако, *должна* быть разгадана под опасением гибели цивилизации и человечества! И теперь мы стоим с вами, читатель, перед такою разгадкою, перед указанием нового пути, который может привести к раскрытию тайны и устранению сфинкса незнания, лежащего на дороге к счастью и прогрессу. Разгадка вполне достойна нашего внимания как по добросовестности и талантливости мысли, лежащей в ее основе, так и по той доле истины, которая несомненно в ней заключена; тем с большею тщательностью каждый замечающий в ней заблуждение обязан постараться отделить пшеницу от плевел.

Субъективная школа в социологии может по справедливости быть названа русскою социологическою школою. Правда, Конт еще в 1851 году высказался за субъективный метод в политике, но субъективный метод его "позитивной политики" и субъективный метод наших авто-

ров не совсем одно и то же. Стоит прочесть следующий небольшой отрывок из названного труда Конта, чтобы ознакомиться с его аргументацией и убедиться, что его субъективный метод, долженствующий вознаградить сердце за революцию ума и черпающий в этом обстоятельстве свое *raison d'être*, не похож на субъективный метод русского мыслителя, служащий в руках его автора для построения рациональной этики, для объяснения нравственных явлений рациональным путем; вот этот характеристический отрывок⁹⁶: "Malgre leur intime connexite, ces deux grands

⁹⁶ Auguste Comte. *Systeme de Politique positive*, 1851. I, 3–5. "Несмотря на тесную связь, существующую между обоими трактатами, они по необходимости имеют существенные различия. В первом преобладает ум, потому что там должно быть показать умственное превосходство позитивизма над какою бы то ни было теологией. Здесь господствует сердце, провозглашается нравственное главенство истинной религии. Новый патриарх Запада не мог бы достойно заключить предопределенное возмущение ума против чувства, не дав предварительно достаточно полного удовлетворения разуму. После этого необходимого вступления нравственные требования должны опять получить свое справедливое преобладание, и всякая действительно полная система необходимо должна положить в основу своего построения любовь как единственный универсальный принцип... Все эти различия по форме вытекают из основной противоположности логического построения обоих сочинений, которая, в свою очередь, происходит из их противоположности по сущности (*nature*) и назначению. Задача первого сочинения – распространить научную мысль до ее нормальных пределов; сообразно с этим я должен был педантически держаться объективного метода, единственно удовлетворяющего требованиям исследования там, где мы восходим от природы к человеку. Однако успех этой предварительной работы, приведшей меня к правильной точке зрения, требует, чтобы теперь было отдано предпочтение методу субъективному, единственному источнику всякой сколько-нибудь полной системы, нисходящей от человека к природе. Таким образом, та высшая логика, ко-

traites (курс положит. филос. и позит. полит.) doivent donc differer essentiellement. L'esprit prevalut dans Fun, pour mieux caracteriser la superiorite intellectuelle du positivisme sur un theologisme quelconque. Ici la cocur domine, afin de manifester assez, la preeminence morale de la vraie religion. Le nouveau sacerdoce occidental ne pouvait dignement terminer la fatale insurrection de l'intelligence contre le sentiment qu'en procurant d'abord a la raison moderne une plaine satisfaction normale. Mais, d'apres ce preambule necesaire, les besoins moraux devaient ensuite reprendre directement leur juste preponderance pour construire une systeme vraiment complete, ou *l'amour constitue naturellement le seul principe universel...* Toutes ces differences des formes (аналитическое изложение курса филос. и догматическое политики) se rattachent a la profonde diversite logique qui constitue le principal contraste intellectuel entre mes deux traites, *conformementd leur nature eta leur destination respectives*. Dans le premier, oil il fallait prolonger l'initiation scientifique jusqu'a son dernier terme normal, j'ai du scrupuleusement persister a preferer la methode objective, qui convient seul a cette immense preambule, s'elevant toujours du monde a l'homme. Mais le succes meme de cette marche preliminaire, qui m'a finalement conduit au vrai point de vue universel, doit faire ici prevaloir la methode subjective, source

которая руководила нашими первыми умственными построениями, ныне возрожденная под влиянием позитивизма, служит и при нашем конечном синтезе. Нормальность ее преобладания составляет естественное последствие необходимого главенства сердца над умом".

exclusive de toute systematisation complete, ou Ton descend constamment de l'homme au monde. Ainsi, regeneree par le positivisme, la logique superieure qui guida nos constructions initiales convient encore d'avantage a nos syntheses finales. Sa preponderance normale correspond naturellement a l'ascendant necessaire du coeur sur l'esprit".

Каюсь, когда я писал строки, предшествовавшие этой цитате, и затем разыскивал ее в книге Конта, я думал несколько посмеяться над нею, но теперь, когда я окончил выписку и пробежал все место, из которого взял эти два отрывка, у меня прошла охота насмеяться над мыслителем, который даже в парадоксах расстроенной мысли сохраняет все обаяние великого ума. Отбросьте нелепое положение, из которого выходит О. Конт, признайте на время, что он прав, требуя удовлетворить чувство за инсURREKЦИЮ ума, и что в основание политической науки должна быть положена любовь, и вы невольно преклонитесь перед стройностью философского построения. Право, О. Конт даже в своих заблуждениях более верен строгим философским приемам мышления, чем ныне устанавливаемый на его место Герберт Спенсер, везде, по крайней мере, где последний покидает свой действительно замечательный по широте и смелости синтез для анализа, как, напр., в первой части "Основных начал". Эти замечания невольно вырываются, когда видишь, как в среде мыслящей публики Спенсер мало-помалу занимает место, которое по праву еще долго будет принадлежать Конту. Но возвра-

тимся к субъективному методу, рекомендуемому Ог. Контом в приведенной цитате. Из этой цитаты читатель усмотрит, что Конт отделяет социологию как науку о законах общества от политики, науки о лучшем общественном устройстве и способе его осуществления. Первую он признает как "terme normal" объективного метода, для второй требует метода субъективного. Очевидно, это не то же, что вообще видеть особенность каждого социологического исследования в субъективном методе, необходимо ему присущем. Поэтому, я думаю, поступлю совершенно правильно, если оставлю в стороне воззрения Конта.

Впервые систематически, сколько мне известно, в нашей литературе было заявлено и развито мнение о необходимости субъективного метода в общественном знании в письмах об истории, печатавшихся в 1867 г. в "Неделе". Приблизительно около того же времени тем же автором этот взгляд был высказан в "Современном обозрении" в статье "Задачи позитивизма". В 1869 г. Михайловский напечатал в "Отеч. зап." статью "Что такое прогресс?"⁹⁷, где высказался за подобное же воззрение и подкрепил его новыми доводами; оно вскоре сделалось любимой темой его рассуждений, и в последующих статьях своих он часто возвращался к нему, чтобы представить новые аргументы или осветить им какое-либо темное явление общественной жизни. Но систематически он вновь трактует его только во второй статье "Теория Дарви-

⁹⁷ Отеч. зап. 1869, №№ 2, 9 и 11.

на и общественная наука" в "Отеч. зап.", 1870 г. Наконец, сколько мне помнится, г. Лесевич также высказался за субъективный метод, кажется, в статье "Философия истории на научной почве" чуть ли не по поводу некоторых воззрений Ренана; но это заявление было скорее заявлением лишь своего согласия с доктриною субъективной школы, чем ее поддержкой, потому что г. Лесевич ограничивается указанием вредных последствий, отразившихся на Ренане, вследствие, как он думает, употребления объективного метода. Мне кажется, этим перечислением я указал всю русскую литературу предмета для тех, которые пожелали бы проверить мою критику.

Постараюсь теперь изложить сжато занимающее нас воззрение и разобрать главные аргументы. Начну с автора писем в "Неделе" как первого по времени субъективиста и как доводящего свои выводы до крайности, до которой г. Михайловский не доходит.

По воззрению нашего автора, объективный метод, употребляемый во всех науках, решительно неприложим к исследованиям социологическим; общенаучный критерий – повторяемость явлений в неизменной связи – должен в общественном знании необходимо и неизбежно уступить место субъективному критерию, нравственному идеалу исследователя. Доказательства этих положений, приводимые почтенным автором, двух родов: свойства исследуемых явлений и свойства исследующего субъекта.

"Прежде всего, – пишет он⁹⁸, – чтобы найти руководящую нить в пестром калейдоскопе событий, желательно отделить важнейшее от менее важного. Естествоиспытателю это сделать легко; что повторяется в неизменной связи, то важнее, потому что в нем-то и есть закон; что же относится к случайным видоизменениям, то маловажно и берется лишь к сведению для будущих возможных соображений... В истории этот критерий невозможен, потому что явления не повторяются. Но это единственная мера важности явлений, которую наблюдатель может черпать из самих явлений, единственный *объективный* способ судить о важности явлений. Так как он в истории неприменим, то важность исторических явлений оценивается *необъективно*. Они ценятся по той мере, которую личность прилагает вообще к человеку. Они подлежат оценке по *нравственному* их влиянию... Все судят об истории *субъективно*, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут". Из этой выписки легко себе составить понятие о том, что разумеет автор под выражением "субъективный метод", именно: оценку важности явлений, установление их связи на основании критериума, почерпнутого не из самих явлений, но из нашего нравственного мирозерцания. Основную посылку, фоном всего рассуждения служит положение, что исторические явления не повторяются, что исследователю приходится "определить последовательную связь явлений, *один лишь*

⁹⁸ Исторические письма, стр. 21 и след.

разпредставляющихся ему в данной совокупности в каждый момент" (ib., 21). Это меньшая посылка силлогизма, большая же заключается в том, что только при повторяемости явлений в неизменной связи, в правильном порядке возможен объективный метод исследования. Если это верно, то и вывод, что общественные явления не могут быть изучаемы при помощи общенаучных приемов исследования, будет правилен и неоспорим.

Во-первых, действительно ли история есть ряд неповторяющихся изменений? Едва ли! Правда, падение Римской империи произошло однажды, больше не повторялось и, конечно, не повторится, но падение государств вообще повторялось не раз, как до *этого* падения, так и после него. Падение Римской империи есть событие, которое раз совершилось и больше повториться не может, в такой же мере, как Лиссабонское землетрясение есть факт, недоступный повторению "в данной совокупности", как всякая гроза, всякий ураган, всякое падение метеора или аэролита суть явления, которые раз совершились и больше повториться не могут. Вчера была гроза и прошла; завтра, быть может, будет опять гроза, но то будет не та вчерашняя, а новая – завтрашняя, это не падение Рима, а падение Византии или Венеции, Карфагена или Польши. Явление как факт *данного* рода повторяется, но явление как *данный факт* повториться не может. В этом и только в этом, последнем смысле можно сказать, что история есть ряд неповторяющихся изменений; но с дру-

гой стороны, в этом смысле процесс истории как предмет исследования ничем *существенно* не отличается от всех других процессов природы. Но можно, пожалуй, возразить: да, действительно, все явления в природе не повторяются, раз они совершились, но зато происходят другие, существенно с ними сходные, тогда как в истории каждое явление сильно разнится от каждого другого. В этом есть доля истины, но, во-первых, это вовсе не устанавливает, как то делается в приведенной выше цитате, *качественного* различия между физическим и историческим процессами как предметами изучения, а различие только *количественное*, градуальное и, во-вторых, допускает возражение, что, как бы разнообразны ни были события общественной жизни, все же возможна их классификация, возможно их распределение по родам и видам, условия наступления которых можно исследовать так же, как условия наступления явлений физических. Возьмем, напр., уже раз цитированное историческое явление, падение государств; это явление, понимая это выражение как *родовое*, общее название, повторялось не раз. Мы имеем целый длинный ряд падений древних переднеазиатских монархий – Египет, Вавилон, Ассирия, Лидия, Мидия, Персия, Иудея и т. д.; мы имеем другой ряд падений древних республик – Афины, Тир, Карфаген, Сиракузы и пр.; мы имеем третий ряд падений классических монархий – Рим, Македония, диадохи, Понт, Византия; мы имеем падение магометанских государств Азии, многих средневековых государств Европы

(бургунов, англо-саксов, Италии, Моравии, монархии гуннов и т. д.), падение средневековых республик – Венеции, Генуи, Новгорода, ганзейских городов и т. д., падение Польши и т. д., и т. д., не считая многих более или менее обследованных падений различных неисторических государств вроде монархии ацтеков, инков, Сонрая и др., не считая времен упадка в государствах, после вновь возродившихся к жизни. Все это дает достаточный материал для исследования причин, обуславливающих падение государств, и нет решительно никакого основания думать, что невозможно открыть закон, устанавливающий связь между известным или известными общественными явлениями и падением государств. Точно так же мы видим в истории постоянное стирание одних национальностей и нарождение других; явления национальной ассимиляции и национального дифференцирования происходили в историческом процессе не раз и происходят до сих пор, на наших глазах. Чем обуславливается то и другое явление? Отчего в одних случаях значительно различающиеся народности ассимилируются в одну нацию, в других, напротив, однородные группы индивидуализуются, дифференцируются в разные национальности? Неужели все это такие вопросы, которых разрешение недоступно человечеству? Да и мало ли таких вопросов? И все они так же разрешимы, как вопросы о причинах землетрясений, гроз, ураганов. В каждом отдельном случае бывает часто невозможно определить причину того или другого из названных явлений, но об-

щая причина всех явлений подобного рода определена. То же и в истории; имея в виду то или другое событие и рассматривая его изолированно, будто однородных ему событий больше никогда не было, мы, конечно, не можем надеяться найти объективную мерку для установления его связи с событиями предшествующими и сопутствующими. Из такого приема, общеупотребительного в философии истории, вытекает и мнение о неповторяемости исторических явлений, а это мнение неизбежно приводит к утверждению необходимости подобного изолированного исследования, следовательно, и к неприложимости общенаучных приемов изучения в области обществознания. Мы, однако, уже видели, что исторические явления не повторяются в том же смысле, как не повторяются все вообще явления природы, а равно допускают повторение в том же смысле, в каком повторяются и остальные процессы. Ясно, что разобранный нами аргументация не верна, потому что меньшей посылке придано слишком широкое, безусловное, слишком, если можно так выразиться, категорическое значение, какого она иметь не может. С другой стороны, не упустим из виду и того, что и большая посылка силлогизма выражена таким двусмысленным образом, что может повести к ложным заключениям. Повторяемость в неизменной связи есть необходимый критерий исследования *индуктивного*, но не дедуктивного. Таким образом, если бы даже меньшая посылка была вполне справедлива, то и тогда должное ограничение большей по-

сылки привело бы лишь к выводу, что индуктивное исследование общественных явлений невозможно; вероятно, однако, автор не желал назвать всякое дедуктивное исследование субъективным, иначе математика была бы образцом субъективного метода. Благодаря слишком безусловному пониманию меньшей посылки, явился вывод, что общенаучные объективные приемы не приложимы при исследовании явлений общественных, между тем как, если придать этой посылке ее действительный смысл, то будет следовать только, что приложение общенаучных приемов в истории гораздо труднее, много сложнее, чем в других науках. Это большая сложность и трудность исследования общественных явлений была многими и прежде замечается, причем были указаны и разнообразные, многочисленные причины этой трудности: субъективной школе принадлежит честь дополнения списка этих причин еще одной и притом одной из важнейших, основных. Мы увидим дальше, что и вообще субъективная школа, делая в общем построении своей доктрины значительные логические промахи вроде только что приведенного, вместе с тем везде подмечает много истинного, указывает многое чрезвычайно важное⁹⁹.

⁹⁹ Спешу воспользоваться авторитетом Герб. Спенсера, чтобы подтвердить мои доводы. Английский писатель Фроуд недавно доказывал невозможность общественной науки, ссылаясь, между прочим, на ту же неповторяемость исторических событий; на это Герберт Спенсер возражает: "Дело в том, что ни в одной конкретной науке не бывает безусловных повторений, а в некоторых конкретных науках повторения почти такие же, как и в социологии. Даже в самой точной из

Теперь мы должны перейти к другому аргументу, которым разбираемый автор доказывает неприложимость к истории объективного метода и необходимость субъективного. Разобранная аргументация выходит из положения о неповторяемости исторических явлений, т. е. из положения об особом свойстве самых исследуемых явлений, которое и выставлялось причиной неприложимости объективных приемов. Аргументация, которую мы должны разобрать теперь, основывает свои доводы на свойстве наших психических отправлений, старается вывести необходимость субъективного метода из самой природы нашего мыслящего аппарата.

"Я знаю, – пишет наш мыслитель, – мое понимание слова *прогресс* многим и многим не понравится. Все, желающие придать истории то объективное беспристрастие, которое присуще процессам природы, возмутятся тем, что для меня прогресс зависит от личного взгляда исследователя. Все, верующие в безусловную непогрешимость своего нравственного мирозерцания, хотели бы себя уверить, что не только *для них*, но и *само по себе* важнее лишь то в историческом процессе, что имеет ближайшее отношение к основам этого мирозерцания. Но, право, пора бы людям мыслящим усвоить себе очень простую мысль, что различие важного и неважного, благодетельного и вредного, хорошего и дурно-

наук конкретных, астрономии, никогда не бывает двух совершенно одинаковых комбинаций; повторения в ней бывают, только приближительные" и т. д. (Знание, 1873, IV, 211).

го суть различия, существующие лишь *для человека*, а вовсе чужды природе и вещам самим в себе; что одинаково неизбежно для человека необходимость прилагать ко всему свой человеческий (антропологический) способ воззрения и для вещей в их совокупности необходимость следовать процессам, не имеющим ничего общего с человеческим воззрением (не слишком ли сильно сказано: "Ничего общего"?). *Для человека* важны общие законы, а не индивидуальные факты (опять-таки слишком безусловно), потому что он понимает предметы, лишь обобщая их; но наука с ее общими законами присуща лишь одному человеку, а вне человека существуют *только* одновременные и последовательные сцепления фактов, столь мелких и дробных, что человек едва ли может и уловить их во всей мелкости и дробности. *Для человека* из непрерывной нити пошлостей жизни выделяются в биографиях и истории некоторые мысли, чувства и дела человека (или группы людей) как важнейшие, имеющие идеальное значение, историческую важность, но это выделение совершается *только им*, человеком; бессознательные процессы природы вырабатывают мысль о всеобщем тяготении, о солидарности людей совершенно так же, как ворсинку на ноге жука или стремление лавочника сорвать лишнюю копейку с покупателя; Гарибальди и ему подобные для природы совершенно такие же экземпляры породы человека XIX в., как любой сенатор Наполеона III, любой бюргер маленького города Германии, любой из тех пошляков, которые гранят тро-

туары Невского проспекта. Наука не представляет никаких данных, по которым беспристрастный исследователь имел бы право перенести свой нравственный суд о значительности общего закона, гениальной или героической личности из области человеческого понимания и желания в область бесстрастной и бессознательной природы".

Против этой аргументации, которой автор очевидно придает большое значение, потому что возвращается к ней несколько раз и связывает ее с основным принципом своего философского мировоззрения, можно возразить так много, что, право, не знаешь, с чего начать. Прежде всего укажу на несколько так называемых словесных заблуждений, основанных просто на понимании одного и того же выражения в различных местах различно. Заявив, что, по его мнению, "прогресс" зависит от личного взгляда исследователя и что тут не может быть никакой общей, обязательной для всех исследователей мерки (а как иначе понимать зависимость от *личного* взгляда исследователя?), он приписывает объективистам желание "себя уверить, что не только *для них*, но и *само по себе*" истиннее, важнее их определение прогресса. Здесь, очевидно, недоразумение в понимании выражения "для них"; для кого "для них?" Для исследователей вообще или для каждого исследователя в отдельности? Наш автор понимает в последнем смысле, но в таком случае по законам логики противуположение "важности только для них" будет не "важность сама по себе", "an sich", но "важность для

всех таких же, как они, существ, для всех исследователей, для всего человечества". Объективисты убеждены не в том, что их социологические воззрения важны "сами по себе", но в том, что они, будучи научно истинны, логически обязательны для всякого мыслящего о социологических предметах человека. Это допущенное в начале рассуждения словесное недоразумение ведет к целому ряду подобных же ошибок. Цитированное рассуждение начинает опровергать воззрение, придающее философскую реальность нашим знаниям, доказывает, что мы познаем только наши обобщения, а не действительные, реальные предметы. Все это так и вполне справедливо, но возражения эти совершенно не нужны, раз объективистам неправильно приписана неизбежность признавать философскую реальность своих воззрений. Дилеммы между "личным взглядом", ни для кого логически не обязательным, и признанием за мнениями "важности *an sich*", такой дилеммы для мыслителя вовсе не существует, потому что есть еще и третий взгляд, равно отвергающий оба воззрения, не признающий философской реальности своих воззрений, но считающий их логически обязательными для всех людей. Справедливо и несомненно, что человек всегда остается человеком, что он не может понимать иначе, как *по-человечески*, что он всегда, всюду и все оценивает со *своей, человеческой* точки зрения. Но какой смысл скрывается под этими положениями? Конечно, не иной, как тот, что понимание наше совершается по психологическим и логиче-

ским законам нашей природы, что наука сложилась и развивалась сообразно этим же логическим законам и что потому нет ни малейшего основания переносить эти законы из области сцепления человеческих мыслей и соотносительных этим мыслям человеческих впечатлений (феноменов) в область каких бы то ни было объективных реальностей, в область сцепления вещей самих в себе. Если мы говорим, что наука с ее *общими* законами есть продукт логического развития нашего мышления, расширения *нашего* опыта, то слову "нашего" придается значение, связанное с выражением "человеческого вообще", а равно, когда мы говорим, что наука или оценка важности, или вообще что бы то ни было существует только *для человека*, то этим мы хотим выразить не то, что это существует в таком виде лишь для того или другого человека, но для каждого человека, для человека вообще. Действительно, логические приемы мышления и психологические явления восприятия однородны у всего человечества, так что верное для одних будет верно и для других или, по крайней мере, допускает проверку другими. Этою-то логическою обязательностью и отличаются научные законы, и наш автор, конечно, признает ее за обобщениями и дедукциями естествознания. Почему же он отказывает в ней обществузнанию? Если выше указанная дилемма существует, то она одинаково распространяется на все знание, а не на одну его отрасль. Однако пагубной для науки дилеммы нет, ибо возможно третье воззрение, и сам автор писем в "Неделе", по-

видимому, принимает это третье воззрение для одной половины знания, но совершенно игнорирует его существование, когда трактует обществознание, и предлагает на выбор только два воззрения: или объективная реальность, погоня за безусловным и абсолютным, или произвольность научного построения, зависимость от личного взгляда, не связанного никакими общеобязательными логическими формами! Не знаю, быть может, разбираемый мыслитель не имел в виду высказывать воззрения в той категорической форме, в которой они явились в последних строках, не хотел делать из своей пропаганды субъективного метода проповедь полного логического произвола в области социологии, произвола, возведенного в принцип и оправдываемого его неизбежностью; не знаю, быть может, я ему приписал то, чего он и не думал, и не хотел доказывать, но для меня ясно, что это логически необходимый вывод его аргументации: она не имеет никакого значения или имеет только это, она ничего не доказывает или доказывает только это. Сама аргументация, мы видели, неправильна, основана на недоразумении, на понимании выражения "для нас", "для человека", различном в различных местах рассуждения: то эти выражения противопоставляются объективной реальности, абсолютному и означают "для человека вообще", то противопоставляются этому самому значению "для человека вообще" и означают "для каждого человека в отдельности", то, наконец, в одно и то же время употребляются в обоих смыслах, противопоставляются как "обще-

человеческое понимание" – всему абсолютному и как "личное, частное" – всему "общечеловеческому". Такая сбивчивость еще усиливается тем, что аргументация (истинна она или ложна), относящаяся ко всей области знания и ведомая сначала именно в этом направлении (от слов "Пора бы людям мыслящим..." и т. д.), прилагается затем только к одной части знания, которая именно этим выводом противопоставляется всему остальному знанию. Когда распутаешь это сплетение заблуждений и недоразумений, двусмысленных знаний и ложных соозначений, то, право, не знаешь, чему больше удивляться, количеству ли разнообразных типов заблуждений, сосредоточенных на двух страничках, или ослеплению даровитого мыслителя, поместившего эти странички в прекрасной книге, полной дельных мыслей и светлых воззрений! Я разобрал только начало рассуждения; дальше точно так же в каждой фразе можно указать следы основного недоразумения, смешения объективно реального с объективно феноменальным. Вследствие этого выходит, что будто бы, с объективной точки зрения, мысль о всемирном тяготении вырабатывается так же, как ворсинка на ноге жука, Гарибальди такой же продукт истории XIX в., как пошляк, граничащий тротуары Невского проспекта; конечно, то и другое вырабатывается так же *естественно*, тот и другой такие же *естественные* продукты истории, но процессы, создавшие эти явления, не одинаковы, кроме того, что они одинаково естественны; задача наша подметить эти различия в процес-

сах, не выходя только из пределов естественности, законосообразности. Очевидно, тут тоже двусмысленность, и на ней построен вывод. Далее таким же образом (см. выше выписку) подставляется вместо выражения "логический суд" выражение "нравственный суд", и довод получает значение очевидности, вид аксиомы.

Таким образом, мы разобрали доводы автора писем против объективного метода в социологическом исследовании и нашли их неудовлетворительными, выводы – ошибочными; имея перед собою подобные аргументы, мы не имеем права на основании их отвергнуть приложимость общенаучных приемов к исследованию общества. Отрицательная сторона доктрины субъективной школы, как она развивается разобранном рассуждением, не выдерживает критики; обратимся теперь к положительной, постараемся точнее определить так называемый субъективный метод и посмотрим, что нового или вообще истинного вносит учение о нем в социальную методологию? Вдумываясь в филиацию мыслей приверженцев субъективной школы, можно дать следующее определение защищаемому ими методу: *оценка относительной важности явлений на основании нравственного мирозерцания (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия* – вот отличительная черта, существенный признак субъективного метода. Нам предстоит решить, необходимо ли это условие? Если да, то представляемое требование действительно противоречит ли и исклю-

чает общенаучные объективные приемы исследования или, быть может, является только дополнением к ним, необходимым усложнением приемов исследования при усложнении самого материала, подлежащего исследованию?

Глава II

Целесообразность и предвзятое мнение. Резюме

Сознательное введение в социологическое исследование нравственного элемента – вот что требуется субъективной школой от социолога. Но что такое этот нравственный элемент? Что нового вносится с ним в исследование? В главе XI этой книги (стр. 154–164), трактуя естественный подбор в общественной жизни, мне пришлось остановиться на выяснении понятия нравственности; выводы, к которым я пришел тогда, теперь нам пригодятся. Вот краткие извлечения: *"Мы нашли ту неизменную формулу нравственности, которую искали: нравственно то, что соответствует реальным или идеальным началам общественности; безнравственно все, что им противоречит...* Вообще мы можем сказать, что нравственное мирозерцание личности есть та часть ее общего мирозерцания, *которая объемлет вопросы об основаниях общественности, о началах, которыми должна руководствоваться личность в ее отношениях к обществу,* что нравственный идеал есть идеал общественности и что нравственное чувство заключается в наклонности личности поступать сообразно началам общественности... Прогресс нравственности состоит в прогрессе соответствия

между личными наклонностями и чувствами членов общества и требованиями общественности, *а с другой стороны, в прогрессе самих требований, в уяснении наилучших для прочности общества и его процветания отношений сочленов друг к другу и к целому...* Обобщая эти положения, мы можем сказать, что развитие нравственности есть процесс приспособления жизни к условиям общественного существования". Если это воззрение правильно, то, прилагая его к вопросу о субъективном методе, т. е. о введении нравственного элемента в исследование, мы сразу упрощаем задачу. В самом деле, подставив в вышеприведенное определение субъективного метода вместо выражения "нравственное мирозерцание" ему эквивалентное "начало общественности", мы получим: *особенность субъективного метода заключается в оценке относительной важности общественных явлений на основании взглядов исследователя на нормальные отношения членов общества друг к другу и к целому и в построении научной теории при помощи того же критерия.* Таково будет исправленное определение субъективного метода. Но в таком виде требование, им заявляемое (с некоторыми оговорками), весьма легко может быть принято самым ярким и нетерпимым приверженцем единства научного метода во всех сферах человеческого мышления; дело в том, что тут никакого особенного метода даже и нет вовсе, а есть просто провозглашение одной весьма важной теоремы социологии, именно: что общество основано на личностях и что развитие

общества совершается не иначе, как личностями, чрез личности и в личностях. Если социолог признает эту теорему, то он, исследуя известное общественное явление, всегда будет останавливать свое внимание не только на последствиях его для общественной среды, культуры, но и на влиянии его на созидателей этой среды, на те общественные атомы, чрез которые единственно и могли возникнуть наблюдаемые им изменения общественной среды; он будет хорошо знать, что для общественной жизни не столько важно возникновение и процветание того или другого элемента общественной среды, сколько способ созидания его личностями, так как от этого способа зависит его прочность, степень и даже характер его влияния на другие элементы общественной среды. Становясь на эту точку зрения, социолог будет несомненно ближе к истине, чем игнорируя значение личностей в обществе, но я не вижу причины приписывать ему какой-либо особенный метод. Неужели каждое разногласие между исследователями есть непременно разногласие методологическое? Неужели признание одним исследователем данной теоремы и игнорирование ее другим есть признак принадлежности их к различным *методологическим* школам? Игнорирование теоремы, на которой настаивает субъективная школа, есть грубая и непростительная ошибка со стороны социологов; приступать к построению какой-либо части социологии, не уяснив себе предварительно значения личностей для общественной среды и среды для личностей или даже

прямо отвергая это значение, все равно, что делать какие-либо изыскания по небесной механике, отвергая теорему об обратной пропорциональности силы тяготения к квадратам расстояния. Признание этих теорем необходимо для обеих наук, и нельзя достаточно благодарить наших авторов за резкое и постоянное настаиванье на первостепенной важности личности в обществе, но все-таки, где же тут особый метод? Или, быть может, самое воззрение исследователя на отношения личностей между собою и к обществу должно естественно возникать каким-либо особым, не общенаучным путем? Быть может, самое доказательство теоремы, на которой настаивает субъективная школа, должно вестись не обыкновенным, общенаучным путем? Но где доказательства? Если их надо иметь в разобранных выше доводах, в неповторяемости общественных явлений и недоступности абсолютного знания, то мы видели уже, что они вовсе не доказывают того, для чего приведены автором; обратимся же теперь к аргументам Н.К. Михайловского, посмотрим, не убедит ли он нас в том, что нравственная доктрина создается при помощи каких-либо особых методологических приемов.

Прежде всего надо заметить, что г. Михайловский, не идет так далеко в своих выводах. Так, напр., он заявляет, что из его рассуждений должно следовать "не то, что объективный метод должен быть совершенно удален из этой области исследований (социологической), а то, что высший контроль

должен принадлежать тут субъективному методу"¹⁰⁰. Правда, не совсем понятно, как это один метод контролирует другой; не значит ли это, что, продумав известное положение одним способом, вслед за тем нужно сызнова передумывать его другим? Если же не это означает высший контроль одного метода над другим, то я недоумеваю решить, что же другое может иметь в виду г. Михайловский! Такая неопределенность выражения, во всяком случае, доказывает, что г. Михайловский чувствует необходимость сделать кое-какие уступки объективному мышлению, но так как отрицание и признание одновременно невозможно, то и приходится прибегнуть к тому ничего не значащему выражению, которое я только что привел.

Свою аргументацию в пользу субъективного метода и против приложимости в социологии метода объективного г. Михайловский тоже основывает на особых свойствах исследуемого явления (общественных событий) и на свойствах исследующего духа. "Коренная и ничем не изгладимая разница, – пишет г. Михайловский¹⁰¹, – между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором цель эта для человека не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе

¹⁰⁰ Отеч. зап. 1869 г. № 11, отд. II, 37 (в статье "Что такое прогресс?").

¹⁰¹ Иб., 19.

намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения". Но что такое цель? Это – желаемое, приятное, должное. Поэтому и в оценке общественных явлений категории желательного и нежелательного, полезного и вредного, должного и безнравственного так же необходимы и разумны, как и категории истинного и ложного. "Природа, как она нам освещается теорией Дарвина¹⁰², не знает избранных. Здесь она раздавит великого Патрокла и сохранит презрительного Терсита; там выдавит из строя жизни целый вид, здесь разбивает вид на два, на три; там низведет Патрокла до состояния Терсита, здесь выставит Патрокла во всем его величии; там разовьет жизнь, сюда пошлет смерть; там посеет слезы и страдания, здесь разольет море наслаждений... Не спрашивайте для чего? зачем? С таким вопросом нельзя обращаться к природе. Она не даст ответа. Она вам скажет, *почему* произошло то-то и то-то, но вы не вырвете у нее ответа на вопрос *зачем?* Если вы пожелаете ответить за нее, т. е. навязать ей ответ, то вы можете навязать ей любой. Цели и действия одухотворенной природы окажутся разумными и глупыми, великими и малыми, добродетельными и бессовестными, высоконравственными и до последней степени преступными, смотря по тому, как вы сами посмотрите на дело. Всякую цель, всякий план можно отыскать в природе именно потому, что в природе нет никакой цели, никакого плана. Но это значит, что

¹⁰² Отеч. зап. 1870 г. № 3, 35–36 ("Теория Дарвина и общественная наука", II).

природою управляет слепой случай? В этом упрекали и Дарвина, между тем как тут собственно упрекать не за что и не в чем. . . Цели и планы сказались в природе в достаточно широкой степени только тогда, когда рядом с естественным подбором стал искусственный, а рядом с борьбою за существование – первые проблески ее отрицания в сфере человеческих отношений, когда человек вступил в борьбу с природою и пожелал изменить ее сообразно своим нуждам и потребностям". Не правда ли, прекрасная страница? Но доказывает ли она то, что хотел ею доказать уважаемый автор? В самом деле, если под "целью" не разуметь ничего мистического и беспричинного, если не приурочивать ее к учению о свободной воле (*libre arbitre*) как об особом элементе, привходящем в человеческой природе, сравнительно с природою других живых форм, если, одним словом, понимать цель позитивно, как г. Михайловский несомненно и понимает ее, то, прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что обладание ею вовсе не составляет привилегии человека. Цель в смысле предварительного приспособления ввиду предусматриваемых и часто имеющих быть вызванными этим приспособлением событий, словом, *цель как активное приспособление* сказалась в природе одновременно с дифференцированием животной ткани на нервную и мышечную. Время выделения, начало *определенного* обособленного существования нервной ткани было временем появления в природе целей как нового элемента развития, нового фактора в посто-

янном процессе перераспределения вещества и силы. Всего этого, не будет отрицать и г. Михайловский. Очевидно, что понятие *цели*, на котором он строит свою аргументацию, у него недостаточно выяснено. Мне кажется, что когда он говорит о целях как отличительном признаке общественно-го процесса, он понимает не множество отдельных, друг другу противуречащих и не объединенных единым стремлением или единым смыслом целей, какие мы замечаем в долгий период докультурного прогресса жизни, целей, которые своим взаимодействием если и приводят к определенному ходу прогресса, то вовсе не потому, что достигаются, а чаще всего именно потому, что значительная часть из них не достигается и что все они, достигаются или нет, известным образом отражаются на организации существ, их преследующих; мне кажется, что г. Михайловский имел в виду цели другого рода, тот случай, когда всеми вообще преследуется, хотя бы и бесконечно разнообразными путями, одна и та же цель, когда стремление это передается из поколения в поколение и каждое новое поколение продолжает только дело предшествующего, а не начинает сызнова, когда поэтому передача результатов работы одного поколения другому выражается не только в унаследовании несколько измененной организации, но и в традиционном усвоении форм работы, в юридически наследственной передаче материальных продуктов ее. Но такие проникнутые общим смыслом цели могли сказаться только с возникновением искусственной обще-

ственной среды, хранительницы традиций, преданий, сведений и накопленных богатств; цель, выражающаяся в созидании культуры для приспособления физической среды к потребностям жизни, эта проникающая всякое общественное развитие цель, сознательно или бессознательно преследуемая всем человечеством и представляющая основную нить его истории, – вот такая цель действительно отличает всякий процесс, подлежащий исследованию социолога и встречаемый другими исследователями жизни разве в зачаточных формах. По-видимому, г. Михайловский был очень близок к тому, что развитой постановке вопроса, когда излагал свое учение о целях. Истолковав, таким образом, положение г. Михайловского, в основе вполне истинное, только несколько неопределенно выраженное, мы можем обратиться к выводу нашего автора. Задав себе вопрос: что такое цель, он отвечает, что это желательное, приятное, должное. Исключив категорию должного, действительно характеризующую общественные цели, мы можем, прежде всего, возразить автору, что данный им ответ одинаково относится как к целям, преследуемым животными на всех ступенях жизни, так и к целям человеческим. Не желательность или приятность отличает некоторые человеческие цели (цели общественные), а общежелательность и общеприятность, если будет позволено так выразиться, т. е. желательность и приятность достижения не только для преследующего субъекта, но и для массы, непосредственно не принимающей в ней участия. "Но это

поправка в мою пользу", – быть может, скажет г. Михайловский. Конечно, но тем лучше для меня. Мы видели выше, что из присутствия в анализируемых социологом явлениях элемента, для исследователя желательного или нежелательного, приятного или неприятного, полезного или вредного, разбираемый автор заключает к необходимости оценки им исследуемых явлений как принадлежащих к той или другой из этих категорий, объявляет и недостаточную квалификацию данного вывода как истинного или ложного и требует вдобавок квалификации как желательного или нежелательного. Из этого, прежде всего, следует, что нравственно, желательно, обязательно, приятно может быть то, что неистинно, ложно и, наоборот, что истина может быть нежелательна и безнравственна¹⁰³. Но так ли думает г. Михайловский? Что нравственно, то истинно; наоборот, что истинно, то должно быть желательно. Плохи шансы той партии, которая отделяет истинное от желательного и заявляет, что оценка на основании ее доктрины может и не совпасть с оценкою на основании категорий истинного и ложного. В апрельской книжке "Отечественных записок" за текущий год г. Михайловский рассматривает, насколько демократичны естественные науки, и при этом приходит к заключению, что в настоящее вре-

¹⁰³ Спешу, однако, оговориться, чтобы не подать повода к бесплодным возражениям. Не все то действительно, что истинно, и одна действительность может противоречить другой: я вовсе не смешиваю категорий *действительного* и *истинного*. Говоря *истина*, я разумею *научную доктрину*, правильно установленную, а не существующую действительность.

мя они неблагоприятны демократическим идеям и что защитникам и противникам демократизма придется, вероятно, поменяться своими отношениями к естествознанию. Если бы это было так, то, конечно, это была бы весьма печальная история для демократизма и равнялась бы собственному сознанию демократов в том, что идеи, проповедуемые ими, находятся в противуречии с несомненными истинами, установленными естествознанием. Если г. Михайловский признает свои идеи не только желательными, но и истинными, то как может он находить другие истины им враждебными? Если демократизм – истина, то естественные науки должны быть демократичны или, на худой конец, безразличны для демократической доктрины. Если же г. Михайловский прав, то демократизм – ложная доктрина, но г. Михайловский демократ; вот каковы бывают последствия субъективизма!

Вообще говоря, становясь на ту точку зрения, которую я выше указал, существование в исследуемом явлении целей не должно вводить какого-либо особого элемента в процесс исследования, изменяющего существенно метод. Желательно только истинное; нравственное есть не более, как истинные начала общественности, т. е. наиболее полно приспособляющие жизнь к условиям социального существования. Это приспособление к условиям общественного существования точно так же зависит от ряда содействующих и противодействующих факторов и точно так же само благоприятно и неблагоприятно другим рядам явлений, как и всякий дру-

гой процесс природы, как, напр., хотя бы приспособление к условиям физической среды. А причинная связь, где бы мы ее ни встречали, устанавливается на основании одного и того же критерия повторяемости в неизменной связи, и я не знаю, что может помешать добросовестному мыслителю заметить эту повторяемость, даже если она ему нежелательна. Меня, быть может, захотят поймать на слове "добросовестный", но, право, добросовестность нужна не только в обществознании; вспомним Галилея, Бруно и др., вспомним, сколько мужества нужно подчас и теперь, чтобы объявить себя материалистом, напр., вспомним, как часто искажалась наука с кафедры со своекорыстными целями, наконец, не забудем и того, что нужно немало добросовестности маститому старцу-ученому, чтобы объявить ложною свою доктрину, когда убедился в этом, доктрину, составившую, быть может, его славу. Добросовестность мысли нужна везде, в естествознании так же, как и в обществознании, как и в общей философии; труднее в обществознании быть добросовестным мыслителем потому, что больше соблазна, это правда, но это еще не причина для установления нового метода. Ведь, во всяком случае, субъективный метод его защитники рекомендуют для добросовестных мыслителей.

Таким образом, само по себе существование целей (как я выше истолковал этот термин) не может служить причиной неприложимости объективного метода к построению общественной науки, к установлению законов общественно-

го развития, квалифицированных лишь как истинные или ложные, без влияния элемента желательности и пр. Но тут мы встречаемся с новым аргументом г-на Михайловского; мы не можем, говорит он, общественные явления оценивать иначе, как субъективно. "Сочувственный опыт"¹⁰⁴ вместе с опытом личным, комбинируясь известным образом, входит в наше психическое содержание и, наряду с категориями истинного и ложного, устанавливает категории приятного и неприятного, желательного и нежелательного, нравственного и безнравственного, справедливого и несправедливого. Отрешиться от этой стороны эмпирического содержания нашего я столь же трудно, как произвольно вычеркнуть из своей памяти какие-нибудь знания. Поэтому комбинация ощущений и впечатлений, составляющая предвзятое мнение, с которым человек приступает к какому бы то ни было исследованию, в области общественных явлений осложняется новым элементом, элементом нравственным". Но почему "осложняется"? В других областях ведения это предвзятое мнение может состоять из суеверий и вообще эмпирически усвоенных и не-прокритикованных мнений о связи, существующей между явлениями, но, благодаря обработанности и общепризнанности теорий этих областей, чаще оно заключается в приверженности к той или другой научно развитой гипотезе. Обществознания как единой науки о законах общества покуда не существует, а потому и последне-

¹⁰⁴ Отеч. зап. 1869, № 11, 24.

го рода предвзятое мнение у социологов встречается реже, а чаще непрокритикованное эмпирическое содержание и, конечно, именно традиционная нравственность, т. е. представление о началах общественности. Нравственный элемент *не усложняет* предвзятое мнение, а просто *составляет* его, но предвзятое мнение необходимо бывает при всяком исследовании, как прекрасно доказывает сам г. Михайловский; стало быть, и тут нет никакого *плюса* в общественно-научном мышлении. То обстоятельство, что обществознание распадается на несколько самостоятельных наук, сделало то, что этика, существующая совершенно обособленно, то игнорируется мыслителями при построении ими общественно-научных теорий, и выходит тот quasi-объективный метод, против которого справедливо ратует субъективная школа; то, напротив, ее принципы получают в глазах социолога значение верховного и единственного научного критерия; но теоремы науки, как бы они истинны и важны ни были, не могут служить *методологическим* критерием, не извратив самого характера научной работы. Принципы этики как теоремы относительно чрезвычайно важной стороны общественного процесса не могут быть игнорируемы социологом, но он должен помнить, что все же это только одна из сторон процесса, а главное, что это теоремы *социологические*, а отнюдь не *логические*, что поэтому они должны влиять на *содержание заключений*, а отнюдь не на приемы исследования, отнюдь *не на метод*. Г. Михайловский настаивает, чтобы предвзятое

мнение было выяснено, прежде чем приступить к исследованию; конечно, это необходимо, но неужели сколько предвзятых мнений, сколько и методов или где есть предвзятое мнение, там есть и субъективный метод? Но г. Михайловский возразит, что только предвзятое мнение, состоящее в нравственном мирозерцании, предполагает субъективный метод; однако за что такая привилегия? Разве *это* предвзятое мнение не может быть покинуто, подобно всяким другим предвзятым мнениям, когда они оказываются ложными? Или разве самый процесс критики предвзятого нравственного воззрения происходит не на основании его истинности или ложности, а на основании его желательности? Я думаю, что нравственность как продукт приспособления жизни к условиям общественного существования подлежит в ее отношениях к различным элементам общественного целого – объективной критике; далее, я думаю, что основные процессы, отличающие исторический прогресс от органического, и соотносительные им признаки общественной организации точно так же подлежат объективной оценке; наконец, я думаю, что, имея в руках эти два ряда научных фактов и законов, социолог может вывести из них характеристику чисто социального элемента в общественном прогрессе и условия полного приспособления жизни к этому элементу, т. е. условия высшей нравственности, словом, может построить этику объективно.

Если, таким образом, разбор доводов г. Михайловско-

го все-таки приводит к выводу, что наши представления о началах общественности (наши нравственные идеалы) не требуют необходимо какого-либо особого процесса мышления, какой-либо другой оценки, кроме оценки как истинных или ложных, то, очевидно, введение нравственного элемента в исследование нисколько не изменяет его существенно-го характера. Социологическое исследование может и должно держаться общенаучного метода и притом тем строже и неотступнее, чем сложнее материал, над которым приходится работать пытливости социолога. Если объективность заключается в том, чтобы игнорировать значение общественных событий для личностей и значение личностей для общественных событий, чтобы отмахиваться от социологических выводов, вытекающих из этических теорем, то это во-все не объективность и беспристрастие, а просто опасное для науки заблуждение, непонимание того, что различные элементы общественного целого находятся в тесной зависимости между собою. Бог с ней, с такою объективностью; я готов выдать ее головою нашим субъективистам. Но если, с другой стороны, субъективность заключается в том, чтобы вместо признания желательным и должным истинного объявлять истинным желательное, в том, чтобы снимать с исследователя-социолога узду всяких общеобязательных логических форм мышления, в том, чтобы теоремы одной из областей науки, как бы эта область ни была важна сама по себе, возводить в методологический критерий всякого обществен-

но-научного мышления, если *это* значит субъективный метод, то да будет всякий социолог подальше от такого орудия, и чем талантливее мыслитель, тем опаснее для науки подобное направление.

Объективисты обыкновенно игнорируют чрезвычайно важную теорему социологии, именно: о личностях как главных факторах общественного процесса; субъективисты не только требуют признания этой теоремы, но навязывают ее и все ее непосредственные последствия науке в верховный критерий истинности всех ее положений. Я старался показать, что те и другие ошибаются, но из этого отнюдь не следует, чтобы теорема не имела никакого значения для социальной методологии. Развивая ее в моем этюде "Социальное строение и социальные деятели" (Знание, 1872, декабрь. См. выше гл. III), я, между прочим, пришел к тому заключению, что общественный процесс, будучи взаимодействием деятельности личностей и общественной среды (при колеблющем влиянии среды физической) осуществляется следующим образом: "Вся совокупность общественных условий вырабатывает личность, единственный *активный элемент* общества; известная частная совокупность общественных условий в данный момент производит в личности, этом продукте всего предшествующего состояния среды, ряд настроенностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя к действию, производят тот или другой ряд общественных явлений; действия всех личностей данного обще-

ства порождают всю совокупность общественных явлений следующего момента. Через посредство личностей, таким образом, одно общественное состояние в его целом производит другое, а вовсе не одно общественное явление производит другое независимо, изолированно от действия всех других. *Всякое общественное явление производится всеми предшествующими, произведшими деятельность личностей, и через личностей же взаимно оказывает свое влияние на производство всех последующих*". Таким образом, теорема о значении личностей в обществе, разъясняя нам самый процесс общественного развития, указывает этим самым, какого рода фактов мы не вправе требовать от общественнонаучных изысканий; мы не можем искать фактов последовательности и сосуществования отдельных родов и видов социальной среды, напр., явлений экономических, ибо таких фактов вовсе не существует и существовать не может. Каждое экономическое явление есть продукт не того или другого экономического явления, ему предшествующего, и даже не всех экономических явлений предшествующего момента, но всей совокупности общественных явлений этого момента, экономических так же, как политических, этических, интеллектуальных. Конечно, каждое экономическое явление известным *определённым* образом отражается на каждом последующем экономическом явлении, но так как отражается на нем не только оно, но вся сложная совокупность общественного состояния предыдущего и многих предыдущих моментов, то

фактов этого влияния мы искать не вправе. Ясно поэтому, что индуктивное исследование отдельных элементов социальной среды невозможно, что ни политическая экономия, ни философия умственного прогресса, ни правоведение не могут быть построены иначе, как чисто дедуктивно¹⁰⁵. Первостепенная важность этого вывода для методологии несомненна, а потому несомненно и первостепенное значение теоремы о роли личностей в общественном процессе, но значение это совершенно не то, на котором настаивает субъективная школа. Повторяю, нельзя достаточно благодарить эту школу за провозглашение и постоянное, резкое настаивание на непреложности и важности указанной теоремы, за гонение и разоблачение всякого исследования, игнорирующего ее, но вместе с тем нельзя не удивляться, как могла субъективная школа впасть в ряд выше разобранных заблуждений, исходя из воззрения, вполне истинного. Укажу еще на один замечательный пример: как можно близко подойти к истине и не заметить ее или, лучше сказать, обойти ее, все благодаря тому же субъективизму.

Во второй статье о прогрессе г. Михайловский приводит выдержку из курса философии Ог. Конта, именно: "Надо тщательно стараться, чтобы научное убеждение в подчиненности социальных явлений неизменным естествен-

¹⁰⁵ Эта мысль развита Миллем в его VI кн. "Системы логики". Здесь же я хотел указать только на новый свет, проливаемый на этот вопрос теоремой о значении личностей.

ным законам не выродилось в систематическую склонность к фатализму или оптимизму, одинаково безнравственным (degradants, не лучше ли растлевающим, потому что по общему смыслу места можно точно так же предполагать, что Конт разумеет падение, деградацию только умственную) и опасным, и потому те только с успехом могут заниматься социологией, чей нравственный уровень достаточно высок" ¹⁰⁶. "Но почему, – восклицает г. Михайловский, – с точки зрения позитивизма, фатализм и оптимизм безнравственны и опасны?.. Как связать чисто объективное отношение к политическим фактам... с неодобрительными отзывами об оптимизме и фатализме?" На последний вопрос Ог. Конт, вероятно, ответил бы, что не одобрять оптимизм и фатализм он мог так же и по той же единственной причине, по какой не одобрил гипотезы светового эфира, т. е. потому, что считал подобные воззрения логическими промахами, теоретическими заблуждениями. По той же причине они и опасны; как бы объяснил Конт их безнравственность я не знаю, но, я берусь доказать этот тезис с чисто позитивной точки зрения. Прежде приведу небольшое рассуждение г-на Михайловского, следующее за приведенными вопросами, и которым, по видимому, г. Михайловский думал побить позитивистов их же оружием. Задав себе вопрос, почему достойны неодобрения, с позитивной точки зрения, воззрения фаталистические

¹⁰⁶ Cours de Phil. Pos., t. IV, p. 190. Отеч. зап. 1869, № 9, 10, как и последующие цитаты.

или оптимистические, он продолжает: "Это просто политические факты (конечно, но в то же время и научные), не подлежащие осуждению, с точки зрения позитивизма; они необходимо гармонируют с фактами сосуществующими и находятся в связи с фактами последующими и предыдущими. Если скажут, что выражениями "безнравственны и опасны" именно и определяется эта связь фатализма и оптимизма с последующими фактами, то это значит только, что программа объективного отношения к политическим фактам неисполнима; что в области явлений общественной жизни наблюдение неизбежно до такой степени связано с нравственной оценкой, что "не восхищаться политическими фактами и не осуждать их" можно, только не понимая их значения. Но нравственная оценка есть результат субъективного процесса мысли, а между тем позитивизм поставляет себе в заслугу употребление в социологии метода объективного. Далее, если объективный метод вполне соответствует социологическим исследованиям, то зачем же при этом понадобился высокий нравственный уровень? Значит, одного убеждения в законосообразности явлений мало. Прекрасно, но чем выразится участие высокого нравственного уровня в социологическом исследовании? Очевидно, с высоты этого уровня человек может разглядеть нечто, не поддающееся объективному исследованию, которое, однако, признается одно законным в позитивизме. Таким образом, оказывается, что в системе Конта чего-то недостает, и чего-то весьма важного".

Г. Михайловский думает, что недостает субъективного метода. Но посмотрим, нельзя ли объяснить требование высокого нравственного уровня от социолога, не прибегая к толкованию нашего автора. Что же, в самом деле, можно разглядеть с высоты нравственного уровня, чего бы нельзя было увидеть и без нее? Спросите у себя прежде, чего нельзя разглядеть, не взбираясь на высоту философского мышления? Я думаю, философского единства наших мировоззрений. Так же и тут без нравственного развития нельзя увидеть нравственного элемента, как без усвоения впечатлений, связанных с знанием физики, нельзя понять физических процессов, как без знания математики нельзя прочесть и уразуметь алгебраической строки. Нравственный элемент как процесс приспособления жизни к условиям общественного существования слишком важен, и нравственная доктрина поэтому слишком обширная по своему значению область социологии, чтобы человек, неспособный разглядеть первого и чуждый второй, мог с успехом заниматься социологией. Но, могут возразить, собственно для построения социологии необходима только так или иначе выработанная нравственная доктрина, а не нравственное чувство, не склонность личности действовать сообразно этой доктрине, т. е. не высокий нравственный уровень. На это можно ответить: *во-первых*, что важно не только обладание данной доктриной, но и введение ее в исследование; если ученый убежден в истинности гелиоцентрической теории, но благодаря своекорыстным побуждениям,

проповедует геоцентризм, от такого молчаливого признания истинного воззрения его астрономические труды не будут ценнее для науки, – иначе: необходимо не только разделять или усвоить нравственную доктрину, но и исповедывать ее, действовать сообразно с нею; а *во-вторых*, самая выработка нравственной доктрины в значительной степени зависит от нравственного чувства мыслителя, который не заметит и в других того, чего не находит в себе, или если и заметит, то постарается подыскать иное объяснение; не находя его, объявит явление исключением, чуть ли не душевною болезнью, помешательством. Таким образом, совершенно справедливо, что известная высота нравственного уровня необходима для социолога, как зрение необходимо для микроскописта, как слух составляет неизбежное условие для музыканта, а развитое эстетическое чувство – для каждого художника, поэта и литературного критика.

Конт сказал, что без достаточно высокого нравственного уровня социолог легко может впасть в фатализм или оптимизм; после сказанного это нетрудно доказать. Только что мы видели, что без этого достаточно высокого нравственного уровня исследователь не может разглядеть нравственного элемента, т. е. основ, на которых держится общество, отношения личностей к обществу. А этого довольно, чтобы впасть в одно из указанных Контом заблуждений. Что такое фатализм как научная или философская доктрина? Конечно, учение о том, что все в обществе совершается по неиз-

менным законам само собою, что никакая сила не в состоянии изменить этих законов, а следовательно (заключает фаталист), и порядка событий, а потому нам ничего не остается, как бездействовать уже потому, что мы ничего не в силах изменить своим действием; те, которые поступают иначе, жалкие слепцы, достойные своей участи, гибели, ожидающей их за возмущение против неизменного хода вещей. Не очевидно ли это следствие забвения или, лучше сказать, неспособности понять роли нравственного элемента в общественном процессе, забвения того, что основы каждого общества составляют те или другие отношения личностей к обществу, что, следовательно, из взаимодействия личностей слагается развитие общества и что, наконец, поэтому не невозможно направлять это развитие. Законы общественного развития неизменны, но что такое сами эти законы? Не просто ли это формулы взаимодействия личностей, равнодействующая личных сил? Если вы это будете помнить, т. е. если вы не будете чужды понимания роли нравственного элемента в обществе, вы никогда не впадете в фатализм. То же и об оптимизме. Основная ошибка оптимистов та же. Оптимист тоже убежден в неизменности общественных законов, тоже упускает из виду, что весь прошлый прогресс осуществился только как результат, равнодействующая личных усилий, он забывает или не видит всего этого, но зато видит, что общество прогрессирует. Затем он строит следующее умозаключение: общество развивается по неизменным законам, об-

щество прогрессирует, ergo, общество прогрессирует в силу этих неизменных законов, прогресс есть закон общественной жизни, и он будет совершаться независимо от наших желаний и усилий. Так зачем же эти усилия? Будем лучше сидеть сложа руки и благоговейно преклоняться перед величественной картиной шествия человечества по пути прогресса; пусть вокруг нас кипит борьба, тянется и колеблется тяжба между сторонниками прогресса и реакции, пусть даже торжествует реакция, нам что за дело? Мы знаем, что прогресс – закон природы, и не прервем обеденного спича в честь прогресса, когда мимо окон проведут на казнь того, кто, быть может, своим самоотвержением и неустанною деятельностью, здоровьем и кровью не раз уже покупал наше право прославлять в обеденных спичах этот таинственный для нас и не требующий никаких пожертвований прогрессе Да, вполне прав был Конт, когда заметил, что необходим достаточно высокий нравственный уровень, чтобы, исходя из положения о законосообразности общественных явлений, не впасть в фатализм или оптимизм, и для того, чтобы согласиться с ним, вовсе не нужно прибегать к необходимости субъективного метода в социологии, потому что введение в исследование нравственного элемента и субъективный метод, т. е. объявление этого элемента методологическим критерием, далеко не одно и то же. Правда, г. Михайловский замечает, что "нравственная оценка есть результат

субъективного процесса мысли"¹⁰⁷, но, право, сам г. Михайловский никогда не будет в состоянии объяснить, какой такой есть *объективный процесс* мысли. Все процессы мысли суть процессы мыслящего субъекта и, как субъективные, все они противуполагаются процессам мыслимым, объекту. Конечно, г. Михайловский своей фразой не хотел сказать подобной нелепости, но все же она не может служить возражением моим выводам как не имеющая, на лучший конец, никакого значения. Далее, там же г. Михайловский старается вывести из слов Конта, что ""не восхищаться политическими фактами и не порицать их" можно, только не понимая их значения". Не думаю, чтобы из слов Конта это следовало, тем не менее вполне соглашаюсь с самою мыслью г. Михайловского; но, скажите на милость, разве это помещает мне сделать вывод, вполне объективный, если только я способен на какой-либо вывод? Пусть представит себе г. Михайловский римлянина-социолога IV в. или V в. по Р. Х.; этот гипотетический римлянин-социолог, исследуя свое отечество, не находит в нем никаких признаков жизни, все уже умерло, прежде чем сама организация государственного тела распалась, он видит неизбежность падения Рима, но он не желает, конечно, этого падения. Если принимать буквально уверения субъективной школы, то наш римлянин этого не увидит, не может увидеть, он просто определит условия возрождения даже тогда, когда *никакие* условия не возродят

¹⁰⁷ См. выше выписку.

его; мне же кажется, что нежелание видеть падение своего отечества не помешало бы нашему предполагаемому исследователю предсказать этот факт, если бы он обладал достаточным для того научным материалом. Право, высказывая то или другое возражение против субъективной школы, мне иной раз кажется, что я воюю с мельницами, что наши мыслители никогда и в мыслях не имели положений, мною оспариваемых; так часто самый характер их работ говорит, что это невозможно. Но в таком случае какой смысл могут иметь все их аргументы? Ведь характер доводов должен быть в соответствии со смыслом защищаемого положения?

Что касается того положения, что, мысля общественные явления, мы необходимо мыслим пользу, вред, благо и прочие категории, окрашенные для нас в цвет желательности или нежелательности, в этом я так же мало сомневаюсь, как и в том, чтобы эта неизбежность налагала на нас обязанность строить общественную науку, исходя из положений одного из отделов ее, из нравственных теорий. Общество не только основано на личностях, но по самому нашему положению как личностей, его составляющих, мы и наблюдать-то ничего не можем, кроме отношений между личностями, личностей к обществу и общественной среде, если не считать, конечно, самих явлений этой среды, которая в наших глазах получает смысл все же только тогда, когда определим ее значение для личностей. Естественно, что вся наша терминология имеет такую же утилитарную окраску. Поэтому борьба с этою

окраскою для всякого мыслителя и невозможна, и бесполезна: все слова, относящиеся к обществу, запечатлены ею; все отвлеченные и почти все общие конкретные названия в социологической терминологии непременно или прямо означают, или соозначают пользу, вред, благо или что-либо подобное, и, употребляя эти названия, вы необходимо называете и указанные признаки. Таким образом, если бы вы даже и не разумели ничего подобного, ваша фраза противоречила бы вашей мысли, и читатели прочли и поняли бы ее иначе; поэтому-то, сказал я, борьба бесполезна, но она и невозможна, потому что вы ничего другого и разуметь не можете, если вы лишите слова всего их содержания, существенных признаков, ими соозначаемых. Но как же вы тогда будете мыслить? Мышление требует различения и сходства, но вы уничтожили в ваших словах все, чем их соозначение различалось, именно игнорируете свойства означаемых явлений, насколько эти свойства отражаются на личностях, точнее и проще, игнорируете все их свойства как общественных явлений. Таким образом, пишучи и мысля при помощи наших языков, нельзя избыть утилитарного элемента. По-видимому, есть одно весьма смелое средство – именно отказаться от уже создавшейся терминологии и перенести в социологию терминологию какой-либо другой смежной науки, но – увы! – это средство чисто фиктивное! Вам необходимо определить ваши термины, т. е. в данном случае названиям, имеющим определенное значение и соозначение, придать новое

значение и соозначение. Переменить значение, не выяснив нового соозначения, невозможно, потому, во-первых, что если существует *два* рода явлений, то уже по этой причине название, верно соединяющее в своем соозначении все существенные признаки одного из них, не будет соответствовать другому, а во-вторых, потому, что никто вас не поймет. Если же заимствованному термину постараетесь вложить новое соозначение, то этим самым вы ему вложите и утилитарный смысл. Читатель из этого рассуждения видит, что я не менее уважаемых мыслителей, мною разбираемых, убежден в неизбежности утилитарной окраски всех выводов социологии, но из этого еще не следует, чтобы их истинность была оцениваема или, лучше сказать, не могла бы иначе оцениваться, как на основании их полезности, желательности. Выше я об этом говорил достаточно и потому теперь ничего не прибавлю.

Прорезюмируем теперь сжато все изложенное. Субъективная школа объявляет, прежде всего, что объективный метод, общеупотребительный во всех науках, не может быть с успехом приложен к исследованию социологическому. Этот общенаучный метод состоит в оценке подлежащего исследованию предмета на основании категорий истинного и ложного, а единственным критерием этой истинности служит повторяемость явлений в неизменной связи. Но почему же он неприменим к социологическим работам? *Во-первых*, потому, что события в истории не повторяются, а где нет повторя-

емости явлений, там не может быть и объективного метода. В этой аргументации очевидное недоразумение, ибо исторические явления не повторяются только в том самом смысле, как и все другие процессы природы, именно как *данные конкретные факты*, "в данной совокупности", но как явления *данного рода* повторяются. *Во-вторых*, потому, что нельзя приписывать нашим нравственным воззрениям и оценке важности на основании их значения абсолютного, безотносительного к *нашему* пониманию. Это возражение против объективного метода основано на двусмысленности термина "наше понимание", "для человека" и пр. *В-третьих*, наблюдая общественные явления, мы, между прочим, наблюдаем *цели*, существование целей отличает процесс, подлежащий исследованию социолога, а это делает оценку этих исследований на основании одних категорий истинного и ложного недостаточною. Тут две ошибки: неверна основная посылка в том виде, в каком выставляется, потому что "цели в природе сказались" совершенно независимо от возникновения общественного процесса; с другой стороны, исправленная или нет, эта посылка не ведет к выводу о недостаточности категорий истинного и ложного при построении социологии уже потому, что желательно только возможное, неистинное же и невозможно. *В-четвертых*, никакое исследование невозможно без предвзятого мнения; такое предвзятое мнение в социологии есть нравственное мирозерцание. Совершенно справедливо, точно так же, как в физике предвзятым мне-

нием будет последняя физическая теория, так что сам по себе этот аргумент ничего не доказывает; он бы имел цену лишь тогда, когда бы вышеприведенные доводы были верны. Таким образом, разобрав шаг за шагом всю аргументацию субъективной школы, которую она старается доказать неприменимость к социологии объективного метода, мы можем, наконец, сказать, что отрицательная сторона ее доктрины не выдерживает критики. Что касается положительной стороны, то в основании ее лежит глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии, но нравственная доктрина есть учение об отношении личности к обществу, о приспособлении жизни к условиям общественного существования, так что ее значение в социологии понятно и без каких-либо субъективных подставок. Ошибка субъективистов заключалась в том, что они теоремы социологии приняли за теоремы логики и доктрину, долженствующую влиять на *содержание* науки, объявили *методологическим* критерием. Собственно говоря, такая постановка вопроса есть сама по себе уже отрицание социологии как особой науки и отождествление ее с политикой. Вред такого смешения абстрактного отдела обществознания с прикладным очевиден, особенно если присоединить к этому столь общераспространенное смешение конкретной и абстрактной социологии.

У нас в литературе так принято злоупотреблять полемикой и делать из нее орудия самолюбий, что я чувствую, кончая эту статью, необходимость просить разбираемых мною

авторов верить, что статья эта внушена не желанием блеснуть полемической ловкостью, но единственно глубоким убеждением в ошибочности их воззрений и уверенностью, что это заблуждение, исходя из положений, вполне истинных, и обращаясь к лучшим инстинктам человеческой природы, легко может популяризоваться и принести вред весьма многим начинающим думать о социальных явлениях. На себе самом я испытал всю тяжесть этой предварительной методологической работы; субъективизм связывает свое дело с такими принципами, которые не могут не быть дороги каждому порядочному человеку, а известность его защитников только скрепляет эту связь; распутать эту связь нелегко для неопытного мыслителя, и это-то внушило мне мысль опубликовать мое возражение. Все, что я желаю, – это чтобы и мои оппоненты не иначе истолковали эту статью.